

A digital illustration of a young woman with long, dark, wavy hair, looking down with a somber expression. She is wearing a dark, heavy jacket. In her hands, she holds a glowing, ancient-looking book that emits a warm, golden light. The background is a dark, blue-toned night scene with faint clouds, distant lights, and the silhouette of a building. The overall mood is mysterious and melancholic.

Женя Озёрная

СЛОМАННЫЙ

КАПКАН

Женя Озёрная

Сломанный капкан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70612279

SelfPub; 2024

Аннотация

Мире предстоит сдать вторую в её жизни сессию и стать куратором факультетской выставки. Отношения в коллективе не из лучших, но помочь Мире соглашается её новый знакомый Артём. К чему приведёт это знакомство и как связаны с ним её странные сны о человеке без лица? Это история о том, как жить с последствиями насилия. О том, как не потерять себя и свои ценности в отношениях. О том, как пережить горе, когда что-то уходит безвозвратно, особенно если это часть тебя.

Содержание

Пролог	5
1	7
2	10
3	17
4	27
5	29
6	40
7	51
8	63
9	76
10	88
11	98
12	109
13	121
14	138
15	151
16	171
17	184
18	200
19	214
20	226
21	242
22	252

23	267
24	279
Эпилог	289

Женя Озёрная

Сломанный капкан

Пролог

24 апреля 2013 года, дневник Миры

Сегодня ночью мне приснилось, что меня похитили.

Это был сон в багровых тонах. Мебель была бордовой, по стенам ползали алые отблески, да и сам воздух, казалось мне, был пропитан чем-то тёмно-красным. Потом я поняла, что это был свет снаружи – хотя окон в доме не припомню.

А ещё это был до жути длинный, вязкий сон. Я будто бы жила в нём, осознавая идущее время. День за днем. Неделю за неделей. Но это вряд ли можно было назвать жизнью.

В его доме я успела провести несколько месяцев. Сначала, конечно, не по своему желанию. Этот человек казался мне неприятным, но постепенно неприязнь испарялась, уступая место ещё одному, уже новому для меня чувству. Нездоровому немного.

Скоро я узнала, что мы (да что я такое пишу!) были совсем рядом с моим прежним домом, вроде бы даже на соседней улице. Да и стены были сделаны из ткани, их легко можно было прорвать, чтобы попасть на свободу. Тогда почему я не попыталась бежать?

Потом оказалось, что в его логове много этажей. Мы поднялись на крышу и смотрели на город. Точнее, на то, что было им. Вокруг то тут, то там горели дома – косые, все чёрные от копоти. И так до горизонта, а там – тоже огонь. Так вот что это был за свет! Весь мир в огне. Кто только устроил этот пожар?

Ведь никого вокруг не осталось. Мы остались одни в мире и сидели в этом странном доме, из которого не было выхода. Куда идти? Да и не хотелось мне почему-то искать выход.

Хуже всего то, что я так ни разу и не увидела его лица. А мне так хотелось посмотреть ему в глаза и просто понять. Зачем он притащил меня сюда? Что произошло с этим миром? Откуда этот огонь? Как жить дальше... и можно ли вообще жить дальше?

Ни на один из этих вопросов он изо дня в день не давал мне ответа.

Ладно, я спрошу тебя сейчас. Мы ещё увидимся? Почему ты не захотел показывать свое лицо? Да кто ты есть такой, в конце концов?

Когда я проснулась, в голове звучало эхо его слов.

«Ты не волнуйся. Это только начало».

1

Апрель 2014 года

Да, он говорил правду. Это было только начало. И я уже не раз вспоминала о том, что случилось за последний год, когда приходила сюда. Прямо тут мы с Артёмом сидели тогда рядышком, вот на этой коряге, затаив дыхание в тишине. Шоколадка таяла в наших руках, пока мы делили её на двоих.

Неудобное, нелепое место. Узкая полянка кренится в овраг – кажется, ступи ещё несколько шагов не в ту сторону, и полетишь по наклонной. Прямо как сейчас этот камень. Не знаю, о чём думал тот неизвестный, который впервые решил разжечь тут костёр.

И о чём весь прошлый год думала я – тоже не знаю. Неужели ещё летом не стало понятно, что нужно делать ноги? Да и потом, в ноябре... Тогда-то совсем уж в лоб. Но я, бестолковая, обмякла. И сколько же нужно было огрести, чтобы понять, что попытка предать себя не обойдётся так уж легко? Сколько теперь нужно плакать, чтобы оплакать ту часть меня, которой больше нет? И как себя простить?

Наша битва уже кончилась. А я до сих пор стою на поле боя и не могу выдернуть из себя всё это. Теперь это только моя, моя личная битва, о которой он даже не подозревает. Битва эта разыгрывается снова и снова, теперь уже внутри меня. Так громко и грозно, что я не слышу и не вижу ничего

вокруг.

Теперь на том месте, где внутри отзывалась красота, зияет провал. Его чувствую не только я – он виден всем. И остается лишь гадать, как долго они смогут терпеть это невнятное существо, которое называет себя Мирославой Осокиной.

Так тихо кругом. Слышно, как ещё один камень докатился до дна оврага и остановился. Старое кострище мне сегодня всё же пригодится. Чиркаю зажигалкой. Не хватило. Ещё раз чиркаю, а потом ещё, и пламя наконец расплзается по листам распотрошённой тетради, сводит на нет слова, наброски портретов и силуэтов, над которыми я сидела вечерами совсем недавно. Пусть будет так.

Потому что Артём был прав. Я сама всё это заслужила, а он лишь подал мне пример.

Огонь танцует над тем, что раньше было моим дневником, съедает его кусками, уходит в красный, а потом и в синий цвет. И безлицый наблюдает за мной с листа бумаги, корёжась в огне и распадаясь на части: «Ах, Мира. Не выдержала. Какая жалость».

Теперь мне невозможно жить в мире, где существует безлицый. Вот только и в том мире, где он существует, – тоже невозможно. Вот почему его больше нет. И как же это больно. Но пусть. Эта боль напоминает мне, что в этом теле пока ещё осталось что-то от меня прежней. Той, которой был доступен весь спектр.

Я же потом пожалею, что сделала это, да?

Как знать, как знать. Костёр шипит от вылитой в него полторашки, но почти сразу же умолкает. Дело кончено. Теперь я точно одна.

2

Май 2013 года

Чуден мир городских окраин. Вот выцветшие, умильно-нелепые лебеди из покрышек. Вот сараи высотой по плечо семикласснику, сколоченные из того, что попало местным умельцам под руку. Вот на бетонном уступе у подъезда распушился, жмурясь от солнца, бело-серый кот.

«Тр-р-р!»

А это что за звук?

Это дятел примостился на деревянном столбе, приняв его за дерево, и...

«Тр-р-р! Тр-р-р-р-р!»

Мира, стояла задрав голову кверху, и удивлялась этому звуку. Он то и дело разносился над двориком, втиснутым между двумя четырехэтажками, и уходил куда-то выше – в просторы, недоступные человеку.

«Ладно, уже пора». Мира подумала о том, как трудно будет найти сидячее место в автобусе, если задержаться хотя бы минут на пять, и пошла в сторону проспекта.

Там можно было вздохнуть уже свободнее, а ещё там были люди. Каждый из них в это майское утро о чём-то думал и куда-то спешил. Каждый с неловкостью, стараясь не запачкать штанины или подола, перешагивал через надоевшие всем за весну лужи, а потом радовался сухому асфальту.

Когда Мира шагнула в салон автобуса, на её плечи, замёрзшие даже под шерстяным кардиганом, легло долгожданное тепло. Часа в дороге обычно хватало ей для того, чтобы перечитать конспекты, урвать последние минутки сна, а то и просто подумать о своём.

Начиналась зачётная неделя перед летней сессией, и сегодня первокурсникам-искусствооведам предстояло выступить на риторике – именно это и решало, зачёт они получат или незачёт. Вспомнив первую сессию и её бессонные ночи, Мира вздрогнула. Она попрощалась со сном не потому, что нужно было поспешно впихивать в себя тонну информации – она цепенела от осознания того, что может ошибиться. Теперь, чтобы сохранить свободу, Мира из раза в раз позволяла себе мелкие отступления от правил: сегодня она ехала в университет ко второй паре, и это уже было для неё наглостью.

В центре города открывался совсем уже другой мир. Замысловатые, но выверенные линии лепнины, кофейни с верандами, скверы с памятниками. Даже деревья в этом мире были не такими, как на окраине, – благородная чёткость их крон доказывала победу культуры над природой. А люди, как и везде, встречались разные. Кто-то с серьёзным лицом спешил на деловую встречу, а кто-то, выйдя на кованный балкончик, пил кофе или поливал цветы.

Университетский корпус встретил Миру привычной тяжестью дверей, приветливым «здравствуйте» вахтёра и студенческим гомоном. Уже начиналась перемена перед второй

парой – а значит, гумфак окончательно проснулся и зажил полной жизнью.

Лавируя в толпе, Мира проскользнула мимо библиотеки, буфета, поднялась на второй этаж и притаилась в нише около нужной аудитории. Где-то недалеко могла быть преподавательница английского, пару которого Мира сегодня пропустила. Она глянула на экран телефона, и в ложбинке между ключицами образовался противный комок: зачёт уже через десять минут!

«Ну, как мне там говорил Полев? Подбородок держу чуть выше, чем в обычной жизни, говорю тоже чуть громче, голос посылаю в конец аудитории, ноги ставлю пошире, чтобы опора была прочнее...»

– О, Мир! Так ты тут, наше местечко застолбила! – Из-за угла выскочила подруга Юлька.

– Тише ты, спалишь! – прошипела Мира, доставая из сумки планшетку с речью.

Вечно удивлённые Юлькины глаза метнули в Миру искорку.

– А-а, проспала что ли?

– К зачёту готовилась. Полев, конечно, весь из себя гуманист, но одно только это меня не спасёт. Так что вот, чтоб листочек не колыхался. – Мира потрясла планшеткой. – Я почитаю, хорошо?

– Ага, сейчас как раз мой должен подойти. – Юлька кивнула, бросив взгляд на экран телефона. – Насчет английско-

го не волнуйся, у нас сегодня толком никого и не было. Кузнецова даже не удивилась. А то смотрю, стоишь вся бледная.

Рядом с аудиторией постепенно собирались студенты. Мира попыталась уткнуться в планшетку, но всё ещё продолжала озираться по сторонам: повторить речь в такой обстановке было непросто. Ей стоило большого труда заранее не выдать того, что к Юльке подошёл сзади её парень, пытаюсь закрыть ей глаза руками.

– О, Лёша! – Юлька обхватила руками его шею.

Мира криво улыбнулась. Сколько она на него ни смотрела – зная его с прошлой осени, так же как и Юльку, – столько он ей и не нравится. Скользкий какой-то...

– Да-да, нам сейчас тут физ-ру выставят. – Он глянул на площадку возле лестницы на третий этаж: рядом был зал, где занимались студенты технических факультетов.

Юлька вцепилась в Лёшу просящим взглядом.

– Ты же меня подождёшь, да? Я одной из первых постараюсь выступить, мне только за эту даму ещё пальцы крестиком подержать нужно...

Мира пыталась растереть комок, поселившийся в ложбинке между ключицами. С каждой минутой гул университета всё сильнее и сильнее отдалялся от неё, а тело становилось всё легче и легче. Когда она выйдет к доске и начнёт свою речь, её полностью окутает пелена. Так безопаснее.

– Мы с Тёмычем потом в свой корпус, лабу доделывать, – прорезался из реальности голос Лёши.

– Ну-у-у-у-у, – протянула Юлька. – Мир, а ты потом куда? Мира не успела ответить, как Лёша поймал за плечо проходившего мимо высокого растрёпанного парня в чёрной рубашке и протянул ему руку.

– О, а вот и... Эй, куда?!

– Утро доброе. – Тот, кого Лёша назвал Тёмычем, сунул руки в карманы, надел на себя улыбку и схватил девушек взглядом.

– Приве-е-т, Артём, – потеплела Юлька и метнула взгляд в сторону подруги. – Это Мира.

– П-привет, – отозвалась эхом Мира.

Гул коридора окончательно померк, и в глаза ей врезался узор на рубашке Артёма – мелкая белая клетка. Мира машинально оправила платье одной рукой и продолжила будто бы не своим голосом, обращаясь уже к Юльке:

– Я сегодня свободна. Давай потом в сквере посидим.

– Да, только сначала зайдём за кофе и ещё за...

– Пироженками.

– С вишней! – Юлька вновь метнула в Миру искорку из глаз.

– Кого она больше любит, Лёх, тебя или пироженки? Смотри, а не то... – Артём ткнул приятеля в бок и махнул головой в сторону лестницы.

Лёша молча хлопнул его по плечу, потрепал Юльку по голове и пошёл к спортзалу.

Юлька ушла посмотреться в зеркало, а Мира теперь уже

взаправду вернулась к речи, и больше её ничего не прерывало до тех пор, пока не пришёл профессор Полев. Невозможно было не почувствовать момента, когда в коридоре появлялся этот человек, сочетающий в себе твёрдость и редкую жизнерадостность.

Полев был одним из самых деятельных людей, которых Мира когда-либо знала, и на гумфаке ему в этом точно не было равных. Заведование кафедрой русского языка, всевозможные конференции, конкурсы и гранты, монографии и сборники – всё это так занимало его самого, что он не мог не делиться со студентами своей энергией. В каждом человеке, который встречался ему на пути, Полев видел того, кто может так же, как и он, наслаждаться жизнью и без меры любить что-то своё, – и это было приятнее всего. Он и на зачёте не изменил себе – искусствоведам первого курса предстояло выступить с речью о чём-то, чем они увлечены, и увлечь этим своих однокурсников.

Профессор открыл аудиторию, приостановился сбоку от двери и слегка подался вперёд, протянув ко входу раскрытую ладонь.

– Коллеги, прошу!

И студенты – кто-то с нетерпением, а кто-то нерешительно – стали по очереди шагать в аудиторию.

– Юль, скажешь потом, как оно? Только честно, умоляю, – попросила Мира.

– Да когда ж я тебе неправду говорила...

В самый последний момент Мира боковым зрением увидела, как Артём, уже будучи вдалеке, оглянулся напоследок и скрылся в коридоре.

3

– Ты куда это, Тёмыч? – в глазах Лёши мелькнуло замешательство. – Мы зачёт идём ставить или нет?

– Сейчас, погоди.

Артём украдкой оглянулся, поудобнее натянул ремень сумки на плечо и двинулся в сторону кафедр гумфака. Он шёл, совершенно не стесняясь того, что звук его шагов наполняет уже опустевшие коридоры трескучим эхом, подходил к каждой табличке и прищурился.

«И где эта его Юлия учится? Кафедра русского языка... Кафедра теории и истории литературы... Кафедра мировой истории и истории России... Кафедра общей и социальной педагогики... Кафедра философии... О, точно, вот! Кафедра искусствоведения».

Артём потрянул головой и сделал шаг влево от двери. На стенде чего только не висело.

«Лаборант в главном корпусе, звонить по телефону...»

«Приглашаем принять участие в XII научной межвузовской конферен...»

«30 апреля студенты кафедры искусствоведения посетили...»

«Внимание искусствоведов 1-го курса!...»

– Так-так...

«Полуавтоматы по искусству Древнего Востока получа-

ЮТ...»

Артём упрямо бежал взглядом по списку студентов до тех пор, пока внутри не вспыхнуло редкое, но такое желанное для него чувство – будто бы он выбил страйк в боулинге.

– Молодой человек, вас что интересует? – Из-за приоткрытой двери кафедры выглянула девушка и осторожно посмотрела на Артёма.

«Ох уж эти лаборантки. То, что меня интересует, я уже нашёл, спасибо».

Артём сфотографировал список, круто развернулся и пошёл в сторону спортзала. Девушка осталась стоять в дверном проёме – и, уходя, он чувствовал на себе её взгляд, но его нисколько это не волновало. Теперь можно было идти за зачётом – украдкой вспоминая кое о чём приятном, припасённом напоследок.

Завалившиеся в аудиторию искусствоведы первого курса сгрудились возле первой парты среднего ряда. Полев встал перед ними и протянул им шляпу, где были перемешаны номерки, каждый из которых гласил, каким по очереди будет выступать тот, кто его вытянул. Самые смелые сразу начали тянуть к шляпе руки – среди таких была и Юлька, которая вытащила номер два. Мысли Миры же сплелись в один тревожный узел. Брать ли сейчас, когда выбор ещё большой, или дожидаться, пока выбора не останется, чтобы не было обид-

но? В какой момент будет пора?

Не дожидаясь, пока мысли окончательно её дезориентируют, Мира усилием воли разорвала узел и будто бы не своей рукой потянулась за номерком, а потом сразу же вперилась в него взглядом.

Четырнадцать.

Что ж, придётся сначала посмотреть на других и накопить порядочно волнения перед тем, как выйти к доске самой. Полев ободрительно кивнул, и Мира, обратив напоследок внимание на добрые морщинки у его глаз, пошла к уже занятой Юлькой третьей парте, чтобы уступить место у шляпы другим.

– Да с какого первый? – раздался возглас, и это значило, что к шляпе наконец прорвалась Таня Рыжова, пожалуй, одна из самых заметных на первом курсе. Мира вовсе не удивилась тому, что номер, который вытянула Рыжова, ей не понравился: она могла протестовать против чего угодно и делала это, наверное, по привычке. Остальные же – кто-то не обращая внимание на Рыжову, кто-то хихикая над ней – продолжали брать номера и садились за парты.

Мира снова уткнулась в планшетку, чтобы улучшить последние минуты, когда её внимание не занимает выступающий у доски, и гул аудитории снова померк. Прийти в себя удалось только тогда, когда Полев, заглянув в шляпу, объявил:

– Последний номерок, коллеги. Кто не пришёл на зачёт?

Студенты начали смотреть друг на друга и оглядываться по сторонам, но никак не могли понять, кого же всё-таки сегодня нет, пока в аудиторию не вошла Таша Московцева.

Это был первый раз, когда все заметили, как она пришла. Обычно её не замечали вовсе – потому что вряд ли кто-нибудь из искусствоведов первого курса мог отчётливо вспомнить, как звучит её голос. Обычно Таша проскальзывала в аудиторию под конец перерыва, когда все были увлечены своими делами или разговорами друг с другом; ни с кем не здоровалась, не делилась новостями и ничего не спрашивала, а на парах отвечала только в случае, если того открыто требовали преподаватели. Да и само её имя ассоциировалось у Миры с тишиной.

Сейчас Таша оказалась в центре внимания и потому выглядела озадаченной. Полев кивнул, достал из шляпы номерок и вручил ей. Теперь зачётные выступления можно было начинать.

Рыжова вывалилась к доске прежде, чем кто-либо успел вспомнить о том, что первой выступает она. Мира уткнулась в планшетку и продолжила снова и снова перечитывать свою речь, хотя затвердила её уже до такого состояния, что та стала терять всякий смысл. Это было обидно. Теперь ещё и в уши врывается зычный голос Рыжовой – она говорила о том, как любит ходить в походы.

Мира тоже это любила, только стеснялась называть походами то, что устраивала сама себе почти каждую неделю. Когда в запасе была хотя бы половина дня, она открывала в телефоне карту города, закрывала глаза и тыкала пальцем в случайную точку – а потом удобно одевалась и обувалась, собирала в рюкзак запас еды и воды и всеми силами добиралась на место.

В той самой точке начиналась её игра. Мира выключала телефон, запихивала его в дальний карман рюкзака и забывала о том, что он существует. Внимательнее всматривалась, вслушивалась в то, что её окружает, будто старалась услышать чей-то зов.

Дальше она легко понимала, в какую сторону зовёт её город, и не противилась этому. Так поступить было бы глупо: он никогда её не обманывал и всегда давал даже чуть больше, чем обещал изначально.

Вчера Мире выпала точка в районе, где ещё лет пятнадцать назад жила её прабабушка, с которой она так и не успела по-человечески сблизиться. Обшарпанные, потемневшие от времени жёлтые двухэтажки, которые ещё в послевоенные годы строили пленные немцы, стояли в низине. Их не видевшие асфальта дворики с аккуратными невысокими заборчиками вокруг палисадников тонули в зелени. Это настроение хотелось запечатлеть. Мира машинально потянулась рукой в карман, а потом остановилась – нет, не сегодня.

Город звал её дальше, туда, где стучал колёсами поезд;

а потом ещё дальше, за железнодорожные пути. В этот раз он подарил ей берёзовую рощу, которую ей тоже захотелось запечатлеть, но она снова пошла на принцип. В конце концов, теперь никто не мог отнять у неё эту рощу – она могла прийти сюда в любое время, когда позовёт её город.

И теперь ей хотелось знать, слышит ли этот зов кто-то другой, и если да, то какие места город подарил ему.

Мира очнулась от всплеска аплодисментов и увидела, как Рыжова, поклонившись, засмеялась. Следом по локтю проползло что-то, легонько защекодав, – это были волосы Юльки, которая встала и готовилась идти к доске, потому что был её черёд выступать.

Говорить она собиралась, конечно, о танцах. Юлька всегда ставила их в приоритет – нередко уходила с пар, быстро убегала с совместных прогулок, вдруг вспоминая о том, что нужно готовить зал. В прошлом сентябре её почему-то захотели выдвинуть на роль старосты, но она и тут выбрала танцы.

Юлька порой признавалась, что любит сцену, и Мире казалось, что это взаимно. На неё пристально смотрели десятки, сотни людей, а она оставалась собой. Вряд ли чужое внимание было её самоцелью, как у Рыжовой. В каждом выступлении Юльки из тех, которые Мира успела увидеть за неполный год их знакомства, она улавливала капельку личного,

нечто такое, что та хочет доверить ей и только ей. Это сквозило в мельчайших тонкостях движений, во взгляде – им она одновременно охватывала всех, кто сидит в зале, и искала среди них кого-то конкретного, чтобы через танец рассказать ему то, что знает о жизни только она сама.

Юлька и теперь, казалось, танцевала, только жестами, а на её щеках от улыбки проявлялись милые ямочки. Глядя на её светлые, волнистые длинные волосы, чуть взъерошенную чёлку и полуудивлённые голубые глаза, Мира ощутила её открытость, за которую она Юльке втайне завидовала. Это насколько же нужно верить в себя, чтобы не бояться преподнести себя такой, как ты есть, – думала Мира. Насколько сильно нужно любить людей, как глубоко нужно интересоваться ими, чтобы давать им то, что даёт Юлька.

Мире гораздо нужнее был сам зов города, о котором она собиралась рассказывать, и открытия, которые он даёт, нежели те другие, кто тоже мог его слышать. Если бы не зачёт у Полева, она могла бы ещё месяцами бродить по улицам одна и ни с кем не обсуждать это. Она была из тех, кто без труда обходится без контакта с людьми, не чувствуя себя неестественно и не мучаясь скукой.

Порой, когда Мира отчасти замыкалась в себе, Юлька шутила: «Совсем я тебе не нужна стала, да?». Мира, улыбаясь, молчала, но ловила себя на мысли о том, что эта шутка из тех, в которых есть доля правды. Жить на факультете без Юлькиной поддержки было бы сложнее, но уж точно воз-

можно.

Явно было бы больше смешков от Рыжовой и тех, кто вертится вокруг неё, но в конце концов, Мира поступила на гумфак для того, чтобы учиться. Чтобы связать свою жизнь с тем, что интересует её больше всего, – с изучением искусства. Что могут какие-то там смешки против дыхания веков?

Ничего не могут. Вспомнив об этом, Мира почувствовала, будто внутри что-то щёлкнуло. Они ведь и против целого города, против его дыхания ничего не могут тоже. Он точно сильнее, важнее, а самое главное – он её любит. А она любит его – так почему бы просто не сказать об этом вслух?

Мира выпуталась из своих мыслей уже тогда, когда Юлька, искристо улыбаясь, шла обратно за парту. Она явно была довольна результатом – и Полев тоже выглядел довольным. Аудитория расслабилась, настроилась на дружелюбный лад и теперь немного гудела, с интересом ожидая того, кто пойдёт к доске следующим.

Но делать это никто не спешил. Гул аудитории начал понемногу утихать, и сидящие на передних партах стали оглядываться, пытаясь выцепить в толпе того самого человека.

– Да кто третий? – спросила Рыжова.

Полев глянул на наручные часы, пригладил бородку и промолвил:

– Коллега под номером три, прошу. – Видя, что никто не

откликается, он начал водить ручкой по списку. – М-м...
Московцева Наталья.

Это сочетание фамилии и имени звучало непривычно, и некоторые стали с недоумением переглядываться. Потом кто-то шепнул:

– Да Таша!

И взгляды обратились на Ташу, сидевшую в одиночестве на второй парте у самой двери. Она надела очки, чуть вжала голову в плечи и продолжала молчать, пока в аудитории становилось всё тише и тише. Мира на миг почувствовала себя на её месте и вспомнила о том, что тоже боится выступить.

Полев встряхнул руку с часами и снова посмотрел на них.

– Наталья. Вы готовы?

Таша молчала.

– Вы не готовы, Наталья. – Голос профессора понизился, и он, словно стараясь быть тактичным, сказал: – Оставайтесь, пожалуйста, со мной, когда все уйдут.

Замотав головой, Таша сдёрнула с крючка сумку и выско-чила из аудитории. Миру будто что-то пронзило изнутри так больно, что сбилось дыхание. Толпа зашушукалась, рассуждая о том, что будет дальше; кто-то даже сорвался вслед, но решил не догонять и остался в дверях.

Полев не стал дожидаться того, что все заговорят в полный голос, поправил роговые очки и постучал ручкой по столу. Шуршание голосов утихло.

– Коллеги. – Он встал и сделал многозначительную паузу,

намекая, что пора вернуться на место. – Надеюсь, вы поймёте одну простую вещь: не для всех публичное выступление – чистая радость. Для многих из нас оно ещё и стресс. Думаю, что в аудитории немало тех, кто сейчас волнуется о том, как у него всё пройдёт.

Мира уважала Полева за то, что он часто попадал в точку, говорил о том, что было важно и близко ей, как бы угадывал её мысли. Он и здесь всё понимал.

– Когда-то я был на вашем месте – с полвека назад. И вот что я могу сказать по опыту. Волнение бывает продуктивное – когда вы волнуетесь о том, как лучше выразить свою идею, как найти с аудиторией контакт... – Взгляд Полева переходил от одного ряда к другому и в этот момент неожиданно остановился на Мире. – А есть деструктивное, то, которое нас разрушает. Оно мешает нам выразить себя и нагружает наш организм. Бывает и такое: люди не справляются. Да что там, некоторые даже не могут сказать об этом внятно. В этом случае человека стоит только поддержать.

Профессор сел на стул и легко улыбнулся:

– Ну что. Следующий?

4

4 мая 2013 года, дневник Миры

Не понимаю. Раньше я никогда не видела сны со звуками. А теперь везде, так же, как и огонь в прошлом сне, была музыка. Вечная музыка вне времени и пространства – орган, наполнявший меня до краёв.

Мы стояли на пороге странного здания, похожего на католический храм, и молча смотрели на то, как хлопья снега опускаются на землю. Он был совсем рядом. Я еле-еле касалась его локтя своим локтем и даже вздохнуть не могла. Кажалось, он это почувствует, скажет что-то, посмотрит на меня, и я всё-таки увижу его лицо. А вроде бы так хотелось?.. Но было боязно, только уже совсем не так, как раньше.

Боязно было убить момент, прорвать это оцепенение. И одновременно хотелось бежать и кричать – от того, как много во мне всего, сколько во мне этой музыки. Не убежать хотелось, а двигаться, жить, звучать. Но тело – руки, ноги, горло – не откликалось. Тело продолжало стоять на пороге и глазами, которые раньше показывали мне мир, осоловело смотреть на снежные мушки.

Я так и не нашла в себе смелости ни двинуться, ни вздохнуть, и он посмотрел на меня первым. На моём плече от его взгляда остался след – и это было так невыносимо, что я не смогла не посмотреть прямо туда, где должно было быть его

лицо. И увидела там пустоту. Не черноту, а именно пустоту. Ничто.

Эта пустота начала затягивать меня внутрь, и всё тут же кончилось. Но кончилось только в этот раз – я точно знаю, что мы ещё увидимся.

Теперь это уже не вопрос, потому что отступить я не собираюсь.

5

В зачётке Полев расписался без колебаний, но Мира втайне боялась, что он поставил ей всего лишь оценку «сойдёт».

Расслабиться так и не вышло. После того, что случилось с Ташей, Мира не переставала прокручивать в голове, как то же могло бы случиться с ней самой. Вот она вдруг запинается посреди выступления и замолкает. Полев отрывает взгляд от ведомости, все смотрят на неё одну и ждут: что же она сделает дальше? В густой тишине звякает чей-то смешок – и она беспомощно мотает головой, хватая рюкзак и вываливается из аудитории в коридор, где ещё тише. За спиной уже гудит аудитория, а Мира сжимается и вспоминает, что забыла там кардиган и зонт. Возвращаться не вариант – надо потом написать Юльке, чтобы захватила их с собой, хоть и совестно, что та будет мотаться с её вещами.

До остановки идти приходится в футболке, а потому становится зябко. Дорога мелькает кусками, думать и вспоминать совершенно не хочется – хочется быть забытой, исчезнуть, сгинуть. Но город, подхватывающий её сразу после того, как она оставляет за спиной тяжёлую дверь гумфака, возвращает в реальность, будя досадными каплями дождя. А потом шепчет, утешает: «Пусть, пусть, пусть».

Капля попадает в глаз – и Мира вздрагивает, чтобы вернуться окончательно.

Ведь Полев расписался в зачётке без колебаний и, глядя одобрительно, вручил ей со словами:

– Больше упражнений, Мирослава Геннадьевна, и вы у нас раскроетесь. А сейчас – подбородок чу-уть выше, чем вы привыкли.

Пока она шагала к своей парте, её обнимала взглядом Юлька.

– Ну, сильно я тряслась? – спросила Мира, усаживаясь.

– Да незаметно почти. Забей.

Она почти всё сделала правильно. Быть может, немного недотянула, но это совсем не удивительно. Забыть это гораздо проще, да и исчезать не надо. Но город всё же и вправду шептал дождём по асфальту: «Пусть, пусть, пусть». Примирял её с тем, что когда-либо происходило наяву или только в её воображении. А небо грохотало, откликаясь ему: «Да, да, да!».

Лишь за десяток метров до остановки Мира вспомнила о том, что зонт в аудитории всё-таки не оставляла и потому мокнет зря. Раскрывать его уже не было смысла – она мигом заскочила под козырёк. Там стояли озябшие, как воробушки, люди. Двое влюблённых, держась за руки, обсуждали какой-то фильм – видно, только что вышли из кинотеатра неподалёку; пожилая дама диктовала то ли сыну, то ли внуку список покупок в продуктовом; а блёклый мужчина болезненного вида жаловался другу: «Да ведь май уже, сколько можно-то?».

Каждый из этих людей в сиянии городских огней казался Мире чуточку родным. Но пора было покинуть их всех и вернуться домой – в Сориново.

В Соринове когда-то жила её бабушка – до тех пор, пока не уехала в деревню с концами. Мире с мамой пришлось перебраться к ней в тот день, когда отец решил точно: эта семья ему больше не нужна. Они запихнули в рюкзаки и старые матерчатые сумки самое необходимое, потому что их попросили уйти сегодня, и побрели на остановку.

Жизнь менялась неумолимо; дома у них теперь не было. На улицах города распласталось удушливое лето, и казалось, что поездка в автобусе довершит его дело. Но как только они нашли себе место, уселись наконец, заняв сумками половину задней площадки пазика, и тот тронулся, Мира зацепилась взглядом за родную остановку и увидела, как грянувший неожиданно порыв ветра разметал тополиные ветви. А потом впереди открыли окно, и хотя бы дышать стало легче.

Мира прислонилась к стеклу запотевшей головой, билась ей, когда автобус подпрыгивал на кочках, и больше ни на что не надеялась. А ведь с тех пор ей нужно было преодолевать этот путь каждый день, туда и обратно, вместо того чтобы просто перейти через дорогу и попасть в школу. Тут школа была плохая – так сказала мама. Уж лучше было выделить десять рублей на проезд.

Проспект в тот горький час – и потом ещё сотни раз – обманул Миру своей гладкостью и чистотой. Стоило чуть спуститься во дворы, и те бросили ей в лицо пыль, которую с земли поднял ветер. Не зря, стало быть, это место когда-то называли Сориновым.

Ещё школьницей Мира вычитала в учебнике по краеведению, что в допетровские времена здесь была деревня, которая так же и называлась. Прогресс пришёл сюда только к концу девятнадцатого века, когда от Соринова построили железную дорогу в город. С годами город разрастался и подползал всё ближе – до тех пор, пока грань между ним и деревней не стёрлась. Тогда местные жители стали считать себя городскими, хотя и теперь иногда казалось, что они даже в веке двадцать первом жили по своим, особенным законам.

Солнце отдавало Соринову последние за весь день лучи света, а те, будто не в силах разлиться по всему двору, падали прямым в лужи. К лужам за эту весну Мира уже привыкла. Вот и теперь она перепрыгивала через них, подходя к дому, и чувствовала себя шахматистом. Чтобы обойти последнюю, ей пришлось отступить в траву – и вот же, угодила в грязь.

Сосед бросил свою машину посреди дороги, будто так и надо, и вот тот самый бело-серый кот уселся на капот и хозяйским взглядом обозревал двор. Кошки здесь вообще устроились вольготно, местные любили их подкармливать.

Даже теперь, хотя дождь только-только кончился, кто-то уже успел разложить недалеко от подъезда объедки для них.

Окно в кухню было открыто, а шторы отодвинуты – похоже, мама вернулась с работы пораньше. Интересно, это трещит сковородка или запоздалые капли дождя барабанят по карнизу?

Последние глотки грозового воздуха, пара ступенек, код двести сорок восемь, щелчок, тяжесть – и последняя на сегодня чужая дверь, теперь уже железная, хлопнула за спиной. Да уж, это точно сковородка – мама жарит рыбу. И все соседи знают, что у Осокиных на ужин минтай в кляре. С картошкой он будет, конечно, а с чем же ещё. Мира поднялась до двери, опасаясь споткнуться о ступеньки, – в подъезде снова украли лампочку, а свет из окна на втором этаже досюда уже не доходил. И ручка дверная опять решила отойти... А защёлка никогда и не работала нормально.

Да уж, это точно минтай. Дышать мгновенно стало нечем, а лоб взмок. Мира бросила рюкзак с зонтом на коврик у двери и стала, запутываясь, снимать кардиган.

На ногу, обутую в грязный кроссовок, вдруг наступила кошачья лапа – а потом сразу две лапы оперлись на колено, и сквозь треск сковородки, с которым уже пришлось смириться, пробилось наглое «мр-р?».

– Пират! – Мира отодвинула кота. – Подожди.

Тот недовольно сверкнул глазами в полумраке и сел вылизывать свой толстый бок.

Наступая сама себе на ноги, Мира разулась и поплелась в ванную, а там заткнула затычку и врубила горячую воду. Это было единственное, чего оставалось ждать от этого дня. На пол упала футболка, за ней джинсы с носками, а потом и бельё. Вода показалась промокшим и потому подмёрзшим ногам почти кипятком, но привыкнуть было делом двух минут.

– А поздороваться ты не хочешь? – проворчала мама из-за двери.

Отвечать не хотелось, но Мира села в ванной.

– Мирослава...

Дверь дёрнули снаружи, и шпингалет, как обычно, сорвался. Пират еле втиснул свои бока в щель, муркнул и подбежал к ванне. Дверь снова захлопнулась.

– Просила же не закрываться, а ты... Сама потом убирать за ним будешь, – бросила мама и, судя по всему, ушла в кухню.

Пират свернулся на груди одежды, поднял лапу и стал вылизываться. Опять шерсть. Вставать, шлёпать по коврику, хватать этого наглеца мокрыми руками, чтобы убрать его с одежды, – и к рукам прилипнет та же шерсть. А ведь даже если одежду и повесишь, она снова упадёт с крючка, и кот снова на неё взгромоздится. Только ещё и мокрый.

Мира выдохнула и легла в воду. Кожу по всему телу жгло, зато внутри мало-помалу становилось легче. После этого дня, в котором она сплошь сама себе не верила, ей не нужно было ничего особенного – только тепло и тишина.

Но закрыть глаза не получалось. Ещё в детстве, бывало, ей казалось, что когда она закрывает глаза в ванной, в углу прямо у двери из ниоткуда появляется кто-то большой, чёрный и молчаливый – и смотрит. Смотрит так, что спина и шея становятся чугунными, и надо бы повернуться, дав ему понять, что ты не боишься, и уткнуться взглядом в пустоту. Сейчас глаза были открыты, а ему, этому чёрному и молчаливому, было хоть бы хны – он и теперь стоял и смотрел. Может, и во снах это он и был? Если так, дал бы уж отдохнуть вечером.

А если не так – то кто же был во снах и как скоро он обнаружит себя наяву? Стоя на остановке ещё полтора часа назад, Мира всматривалась в силуэты, ловила голоса и жесты тех, кого ей удавалось разглядеть в полумраке. Теперь он всегда мог быть рядом, пожалуй, даже в шаге от неё – оставалось только увидеть его и различить в толпе.

Наверное, она бы узнала его, на мгновение уловив в груди ту лёгкую пустоту нереальности. Ещё через мгновение эта пустота бы оборвалась, и Мире бы врезались в глаза черты его настоящего лица. Она попыталась бы узнать, припомнить в нём то, что раньше так хотела, но не могла увидеть во сне.

«Так вот ты какой», – сказала бы она себе мысленно и попыталась бы не выдать, что очень его ждала и потому чуточку боится. Сделать вид, что она знает, как нужно себя вести, что говорить и предлагать. К тому же он наверняка говорил и предлагал бы что-нибудь своё – можно было бы откликаться

и строить жизнь с ним рядом, лишь иногда вздрагивая, как в то самое первое мгновение.

Стоило только оглянуться теперь и понять, что в углу, как всегда, никого нет. Тяжесть ушла с плеч, и стало вдруг заметно, что вода уже не так горяча, как хотелось бы. Мира вытащила пробку из ванны и напоследок снова легла. Впереди были расспросы, упрёки и этот вонючий минтай.

Теперь дышать в кухне было уже возможно. Мира наложила себе рыбы с картошкой и еле приткнулась в кухонном уголке – мама завалила своими вещами почти всё его сиденье, а стулья опять куда-то запропастились. Сразу же прибежал Пират, которого будто никогда и не кормили, и уселся рядом – видимо, чтобы проверить, не перепадёт ли чего ещё и здесь. Мама шлёпнула влажной тряпкой об стол и стала его протирать – можно подумать, раньше было никак.

– Сдала?

Мира кивнула, ковыряя рыбу вилкой.

– Другого я от тебя и не ждала. – Мама промывала тряпку в раковине.

– А то.

– Я всё смотрю, на тебе в последнее время лица нет.

Сердце пропустило удар.

– Это учёба на тебя так влияет, или... – уцепилась мама.

– Учёба, – отрезала Мира.

– И вчера в три часа свет опять горел. Тоже учёба?

Осталось лишь закивать и набить рот картошкой, чтобы был повод промолчать. Мама тут же отступила и начала разбирать что-то в кухонном ящике. Сама-то она чего не спит в три часа и почему за её светом следит? Говорила же: вот будет тебе восемнадцать, тогда и начнёшь сама всё решать. Ну так вот же – мне уже восемнадцать, и теперь это уже моё дело, сплю я по ночам или нет.

Вот только хорошо было бы на самом деле выбирать, что будет сегодня ночью. Проспишь ли ты сладким сном до утра или вывалишься в полусознание вся липкая, с пересохшим горлом и в полной уверенности, что кто-то стоящий в дверном проёме взглядом припечатывает тебя к кровати. Или и вовсе придёшь в себя на кухне, толком проснувшись лишь от того, что цифры электронных часов алыми полосками врезаются в глаза: ноль три ноль ноль.

А самое главное, никак не узнать, даст тебе передышку вот эта, сегодняшняя ночь – или снова толкнёт тебя в непонятное и чужое, то бьющее под дых, то сковывающее по рукам и ногам. Ты уж как-нибудь выползешь к утру, обессиленная, и потом весь день будешь вздрагивать, как бы не оступиться – улетишь ведь обратно.

Как Мира вилкой разламывала минтай на кусочки, так и каждая из этих ночей крошила её.

– На, дождался. – Она кинула рыбу в миску Пирата, а тот с благодарностью протёрся боком о её ногу и принялся есть.

Мама цыкнула, глядя, как остатки картошки летят в мусорное ведро:

– И аппетита у тебя что-то не заметно.

Мира бросила в щербатую красную кружку пакетик хмозного чая якобы с лесными ягодами и плеснула туда полустывшей воды из чайника. Лицом посветила – можно и к себе.

Когда Мира уже почти закрыла дверь, в комнату просочился Пират. Последовавший за этим щелчок замка был убедителен: наконец-то её больше никто не тронет.

Никто не спросит, зачем высокими стопками лежат на столе конспекты, папки, скетчбуки. Зачем рядом на полу брошены – пора бы уже завести корзину для них – черновики.

Почему не заправлена постель и как можно пускать на неё кота. И когда, в конце концов, когда ты польёшь цветы.

Выпив полкружки чая, Мира достала из рюкзака потрепанный ежедневник и открыла его в месте, где лежала закладка. Запись о зачёте по риторике можно было с чистой совестью жирно зачеркнуть, чтобы потом перевернуть страницу.

И чтобы увидеть там напоминалку:

«7.05, 9:45, 37 ауд. Предзачётное по выставочной де-ят-ти».

Боже, пусть это будет просто теория. Пожалуйста.

И пусть наконец выйдет отдохнуть сегодня ночью, а завтра обязательно получить ответы на свои вопросы – уже наяву.

«Кто ты?» – написала она следующим пунктом и обвела эти слова волнистой рамочкой. Вот и говори теперь.

Завтра её ждал ответственный день, а сегодня был день тяжёлый, и ничего уже не хотелось Мире, кроме как лечь в постель. Открыв напоследок форточку и впустив в комнату сырой воздух, она улеглась и укуталась одеялом. Пират, устроившийся на подушке, свернулся вокруг её головы, и это было последнее, о чём она в тот день помнила.

6

Ну наконец-то он свалил. Артём собрал рукой занавеску на входе в дом и захлопнул дверь, а потом сбросил сумку и стал закрываться на замок. В спину ему упёрлась взглядом бабушка. Она сидела тут, на веранде, и смотрела телевизор, а на плите у неё уже что-то выкипало.

– Куревом откуда несёт, а? – Бабушка принюхалась и с упрёком уставилась на него.

Его и самого выворачивало от запаха сигарет, но заставить Лёху не курить хотя бы при нём было нереально.

– Да этот, баб, – отмахнулся он, заходя в ванную. – Я ж не дурак. У тебя плита.

Намыливая руки у раковины, Артём уставился в зеркало – видок, конечно, потрёпанный. Когда он вышел из ванной, бабушка уже ставила на стол тарелку. В этот раз были макароны с тефтелями – сейчас самое то.

– Ну что? – Бабушка налила в кружку компот.

– Поставили, – довольно ответил Артём и подвинул кружку к себе.

– И много тебе ещё?

– Два, и тогда к сессии допустят.

Ему всегда было приятно возвращаться домой – и расслабляться. Не держать удар, а просто быть. Отдыхать, копить энергию и решимость, чтобы потом в новый день с но-

выми силами бросаться в жизнь.

– Я в логово твоё зашла сегодня. – Бабушка упёрла руки в боки.

Сложный у неё всё-таки был характер – иногда приходилось осаживать, если чересчур лезла в его дела. Хотя ладно уж, характер – это у них было семейное.

Артём с ухмылкой посмотрел на бабушку, и она продолжила:

– Ну сделай уборку уже, в конце концов. Самому приятно разве?

– Да, да, во всём права, – ответил он, чуть не давясь едой. Даже эти претензии не мешали её любить.

Доедал он молча – и бабушка тоже молчала, просто сидя на стуле напротив и глядя на то, как он ест. Интересно, вот что у неё было в голове в эти моменты? Выглядело так, будто он, садясь за стол после трудного дня и поедая то, что она приготовила, становился в её жизни сам по себе важнее, чем что угодно ещё. Настолько, что она на какое-то время забывала даже про телевизор с его сериалами.

Только когда Артём стал мыть тарелку, бабушка бросила:

– Сегодня помяни так.

И эти слова по нему ударили. Прошло уже девять лет с маминой смерти, и сегодня он уже не раз думал об этом. Но мысль о том, что это всё-таки не враньё, каждый раз гремела как гром среди ясного неба и заставляла его не верить. Но верить было надо – как иначе тогда жить в этой реальности.

– А двенадцатого тогда съездим, – добавила бабушка. – И посидим как следует. На Красну горку-то.

Боль осела где-то пониже горла. Боль, и теперь ничего больше. А бабушка казалась спокойной, как будто всё так и надо было. Надела очки, села в кресло напротив телика и взяла вязание. Вот это уже было на весь вечер, и Артём с болью остались вдвоём.

Голоса из телевизора притихли, и старческий запах тоже угас. Спорить сложно – убраться надо. Но сейчас было совсем не до того. Завтра.

Артём взял с полки розовый фотоальбом с глупыми блестящими сердечками и открыл его. С первой же фотографии на него смотрела она – совсем молодая. С ним на руках. Дурацкий свитер, какие давно уже не носят, рыжевато-русые волосы, чуть вздёрнутые брови. Она смотрела и даже предположить не могла, что оставалось восемь лет до того, как Нагины все втроём – бабушка, мама и он сам – узнают то, что узнали. И девять лет до того, как...

Она умерла, когда ему было десять. Забрала с собой все ответы на вопросы, которые он мог бы ей задать, но так и не успел. Теперь ему оставался только её точный, по-настоящему нагинский взгляд. Почти так же на него смотрит бабушка – и так смотрит на мир он сам.

Никакие гены отца в нём этого не перебили. А ведь отец

и в буквальном смысле бил её своими руками, швырял ей в лицо слова о том, что Артём этот непонятно чьё отродье.

Он мог бы пойти за ним, по его пути, и её возненавидеть. «Карьеристка нашлась, – говорил отец, морщась. – Ходит она там, хвостом крутит». Говорил, а потом кричал, а потом бил её. А когда она начинала собирать вещи, снова говорил, только уже в другом тоне и другими словами. И она, хлопая мокрыми ресницами, раскладывала вещи из сумок по местам. А он кричал ещё и ещё...

Сил не хватило ненавидеть его за этот крик – только презирать. И когда пришло время, Артём снова стал Нагиным на бумаге, хотя на деле был им всегда. Когда-нибудь, можно надеяться, такой взгляд, как у него, бабушки и мамы, будет у кого-нибудь ещё – и он сам устроит его или её жизнь по-другому. Там, где можно будет выбирать, он сделает то, что нужно. А пока он не выбирал – ни альбома с глупыми блёстками, ни того, что мама умрёт от рака, ни такого отца.

Артём стал переворачивать страницы альбома. Чем дальше, тем больше было того, что помнил он сам. В один момент, после поездки в Анапу, всё обрывалось, и дальше шли белые листы. Год её угасания и фото с похорон сохранила у себя только бабушка, а он не мог это держать у себя.

Вернувшись к первой фотографии, Артём погладил пальцами страницу, тихо закрыл альбом и поставил его обратно на полку.

«Спи спокойно, мам».

Ему тоже оставалось лишь заснуть. Только он проснётся завтра и станет делать свои дела, поедет в универ, будет сидеть над лабами, есть в столовке и мотаться по корпусам.

А она больше не проснётся. Она не знает, что с ним происходило последние девять лет, и никогда не узнает. Вот бы сегодня – хотя бы только сегодня – она посидела с ним за ужином, и он рассказал бы ей о том, как прошёл день. Но она не может этого сделать, а он – это исправить. Никогда не мог.

Время выбросило его туда, где она была такой, какой застыла в его памяти, – и он застыл вместе с ней. Вытерпеть это было невозможно, но без этого не получалось.

Как-то одна из ночей с пятницы на субботу выдернула его из сна, а потом тут же накрыла чёрным мешком – маленький ты, рано ещё не спать, жди до утра. Из зала доносилось сопение бабушки – и часы не молчали: тик, тик, тик. Вот-вот он не выдержит, вернётся, утонет во сне...

– Ха-хах, – донеслось из приоткрытого окна. – Да тише ты, дурак!

Это мама! Её голос и её немножко взвизгивающий смех. Артём до боли распахнул глаза, вскочил с кровати и на ощупь подошёл к окну. Ничего не видно было, только мама как бы захлёбывалась, и тараторила что-то, и снова смеялась, отвечая тому, кто перебивал её басом. Никогда он не видел и не слышал её такой. Никогда она не была такой с ним.

Дома она всё молчала. Просто ли сидела у телевизора или зажигала сигарету – лицо у неё было такое, как если бы то, что она делает, было последним. Молчала всё и бабушка – говорила разве только, что говорить с мамой нет смысла. Бабушка знала, как надо жить, а мама...

Точно ли она этого не знала – или просто скрывала, что знает?

«Ночь, пожалуйста, сними свой мешок – я ничего не вижу. Я хочу видеть маму. С кем она?»

Ответили ему только холодное стекло, темнота и тишина. А бабушка и наутро ничего не ответила. Только поставила перед ним тазик оладий и маленькое блюдце мёда, когда он нехотя сел за стол, и сказала:

– Чтоб три штуки.

И ушла во двор по своим делам.

Того, кто ночью говорил басом, уже не было, а мама спала. Она всегда возвращалась с работы поздно, особенно в пятницу. В субботу отсыпалась подольше, чуть отдыхала дома и к вечеру бежала на подработку. Артём просил взять его с собой туда, на склад, а она в ответ только улыбалась и трепала его по голове.

Уроки он делал ещё с вечера – так заставляла его бабушка, – и следом его ждали два дня попыток найти себе занятие. Можно было распотрошить бабушкин книжный шкаф и не найти там ничего интересного, одни романы в мягких обложках и рецепты. Выйти со двора и залезть в рощу напро-

тив, чтобы набрать себе каких-нибудь палок или найти хороший куст под шалаш. А можно было посмотреть втихушку, чем заняты соседи.

По выходным улица Дальняя просыпалась небыстро. Раньше всех вставали Кузьмины – они жили по соседству справа. Тётя Валя стучала кастрюлями на кухне или копалась на участке за хлипким заборчиком. Дядя Серёжа открывал двери гаража и, разбросав инструменты, стоял над открытым капотом «Оки». Временами только кричал от бессилия.

Чинить ему приходилось одной рукой – другой рукав старой рубашки был завязан. Артём не знал, как спросить у него, почему так случилось, а бабушка и тут долго не хотела отвечать. Пока однажды не сказала, что спрашивать у дяди Серёжи об этом неприлично и он пришёл так с войны. Это было, когда мама ещё только закончила школу.

Артём тихо подходил сзади и наблюдал за тем, как сосед копается в машине. Любопытно было посмотреть, что же там такого. Наконец дядя Серёжа оборачивался и чуть пугался, заметив Артёма, а потом вновь задумывался.

– Да вроде нигде ничего не прогорело, видишь... – говорил он лающим голосом. – Да прокладка лопнула. Вот и вся проблема, цуцик.

Потом выходила со двора тётя Валя и спрашивала:

– Баб Оля дома?

Артём кивал, и они вместе шли к ним домой.

– Ваш опять там помогает, – улыбалась тётя Валя, на минутку разуваясь у входа. – Ольга, ты мне вот что скажи, у тебя крахмал есть? Некогда уж до магазина...

Артём же сразу забывал и о Кузьминых, и о бабушке, ведь к тому времени уже просыпалась мама. Хоть на пару часов можно было к ней прилипнуть. И пусть она в основном молчала – с ней рядом хорошо было просто застыть.

Когда он проснулся уже по-настоящему, всё было почти так же. Летел тот же май, бабушка гремела тарелками с кухни, а из окна глядел тот же пустырь напротив. Одну только маму жизнь вырвала с мясом из его объятий – и теперь она никогда уже не постарела бы.

«Спи спокойно, мам, буду у тебя в воскресенье. Проживу только сначала эту неделю.

Сегодня вторник, и половина зачётов уже сдана, поэтому рано можно уже не вставать. С Лёхой только соберёмся над лабой посидеть. Последнее, что нужно сделать по учёбе перед майскими праздниками.

А первым делом, как и всегда, зарядка».

Зарядка выпадала из памяти сразу, как только заканчивалась, – настолько она стала привычной.

Потом – так уж и быть – шла уборка. Бабушка ведь от своего не отступит. Вещи, висевшие на компьютерном кресле, Артём сложил в неловкие стопки и загрузил на полки шка-

фа так, чтобы сверху всё выглядело ровно. Бумажки со стола сгрёб в кучу, чтобы потом рассмотреть, что нужно, а что уже нет. Конспекты поставил на полку рядом с тем самым альбомом – и тут дёрнулось что-то в груди. Успокоился, взял со стола две кружки из-под чая и отнёс их на кухню сполоснуть.

– Доброе, ба.

– Ну наконец-то! – Бабушка, дожаривая сырники, поставила чайник.

– Щас приду, – сказал Артём, уходя в ванную, чтобы намочить тряпку для пыли.

В комнате он прошёлся ей по столу и краям полок, и... решил, что этого хватит. Ну, можно и пропылесосить, но только потом.

А так – убрался? Убрался. Теперь можно было идти пить чай.

Часы с ажурной позолоченной стрелкой, висевшие на веранде, показывали одиннадцать. Между завтраком и сборами в универ ничего уместить уже не получилось бы, так что ел Артём спокойно. Бабушка снова сидела напротив, смотрела на него и слушала, как он рассказывает ей об учёбе. Ничего, правда, не понимала, но всё равно им гордилась.

Хотя сейчас было бы чем. Он выбрал факультет прикладной математики, потому что оттуда выпускали хороших программистов, которые, ясное дело, жили потом неплохо. Так говорили на дне открытых дверей – и даже успешных выпускников приглашали.

Но то, что слово «математика» поставили в название факультета не случайно, Артём понял лишь по ходу дела – и заскучал. Её было так много, а из языков на первом курсе им дали только Паскаль и Бейсик, то есть совсем мёртвые. Это было уж совсем никуда, так что приходилось самому как-то вертеться, и он выбрал язык Си как хорошую базу.

Но сегодня вместо того, чтобы лишних пару часов посидеть над Си, нужно было доделать лабу по матанализу, а для этого он хотел собраться с Лёхой – тот лучше понимал во всех этих абстракциях.

Загрузив в бабушку кучу непонятных слов, Артём поблагодарил её за завтрак, сполоснул посуду и на пару минут заскочил в ванную. Когда он вышел, минутная стрелка клонилась к шестёрке. Это значило, что пора идти: дорога с Дальней в центр занимала даже без пробок часа полтора, а они с Лёхой договорились встретиться перед четвёртой парой.

Дорога ничуть не изменилась за десять лет, какой уж тут асфальт. Соседи давно уже ушли на работу, а вот Кузьмин на месте, только уже не в «Оке», а так, непонятно чего.

– Доброе утро, Тёма. Баб Оля ещё не вышла?

– Здравсьте, – бросил Артём и постарался ускориться, чтобы не заводить беседу.

На остановке столпилась уже большая очередь на маршрутку. Та, пыхая газами, подъехала почти сразу после того, как он встал в хвост. Полтора часа тычков в бока, невыносимых запахов и поедания чужих волос – и мы в центре.

«Эта, как её там. Ну которая вчера, с Белкиной. Маша? Ира?..

Мира.

Как будто спросил кто-то: чего тебе надо – чисто для души? А её имя ответило. И добавило потом: это я тебе обещаю».

Но в тот день было не так. Она отошла чуть в сторону от фонтана и стояла, обхватив себя руками. Губы скривились, а взгляд пролетал куда-то сквозь тех, кто шёл в её сторону по дорожке из глубины сквера.

За её спиной взорвался смех, и Артём остановился. Это была Белкина с её свитой.

– Так вы ж вроде дружите?

Губы Миры скривились ещё сильнее, а ресницы захлопали. Внутри у Артёма больно шевельнулось что-то знакомое, и он как будто потрогал пальцами невидимое стекло между ней и собой.

– Сядь.

Она так и продолжала стоять, только слёзы уже лились из бледно-серых глаз.

– Сядь, я тебе говорю. – Он взял её за предплечье и подтащил к лавочке. – У тебя есть мои десять минут.

– Коллеги... попрошу внимания, – Гершель, преподаватель по выставочной деятельности, постучала ладонью по столу, с пустым ожиданием глядя в конец аудитории, где уже никто не сидел.

Стало немного тише, но гул всё никак не утихал. Мира, сидевшая на первой парте прямо перед кафедрой, стиснула зубы и ждала, пока однокурсницы замолчат и пара действительно начнётся. Сороковую аудиторию заполнила неловкая пауза – и тут же прервалась тем, что преподавательница кашлянула.

– Пять минут для решения организационного вопроса, и вы пойдёте радоваться майскому солнышку, – продолжила Гершель. – Целых полгода мы с вами говорили о выставочной деятельности, а теперь настала пора перейти к практике.

Голоса однокурсниц стихли окончательно.

– Восемнадцатого нас ждёт Международный день музеев и, как вы наверняка уже знаете, выставка студенческих работ. На факультете сложилась добрая традиция: для вас, наших первокурсников-искусствоведов, эта выставка означает первую возможность быть увиденными и услышанными... если вы, конечно, этого не сделали где-нибудь ещё.

Сзади кто-то спросил:

– А можно не рисовать?

– Ограничивать вас по формату я не вправе: рисуйте, пишите, лепите, шейте. Главное...

Гершель опять постучала ладонью по столу, чтобы не дать гулу аудитории вырасти.

– Вы посмотрите на себя со стороны в сравнении с коллегами, воспримете реакцию зрителей и осознаете результаты вашего творчества. А для того, чтобы ваш раздел выставки представлял собой целостное творческое высказывание... нужен куратор. Да, об этом позаботится куратор выставки от первого курса.

Мира мысленно отдалилась от аудитории, и голос Гершель стал звучать глухо. То, о чём она рассказывала, уже не имело значения: ну какой из Миры куратор? Кто-нибудь да выдвинется, чтобы перед всеми блеснуть, а она просто сдаст свою работу – и посмотрит на чужие. Первое и так беспокоило, потому что нужно было что-то выбирать и показывать, да и второе – это значило, что другие будут оценивать и её тоже. Тут с собой бы разобраться.

– Ну-у, у меня отчётное по танцам на носу, да ещё с сессией вместе, – протянула рядом Юлька, от чего Мира очнулась и поняла, что куратором быть ещё никто не вызвался.

– Коллеги, почему вы воспринимаете кураторство как повинность? Этот опыт даст вам...

Не успела Мира услышать то, что Гершель скажет дальше, как почувствовала, что её ударили по плечам.

– Осокина хочет!

По аудитории проползло хихиканье. Сзади сидела Рыжова, для которой такие выкрики были делом привычным. Гершель ненадолго забыла о шуме на задних партах и опустила голову, чтобы посмотреть на Миру, сидевшую

– Та-татьяна Максимовна... – Та перебирала в голове варианты отговорок и чувствовала, как несмотря ни на что в этом проваливается.

– Да, Мира? Ты хочешь быть куратором?

Мира мысленно пробежалась по лекциям о выставочной деятельности, а потом представила себе будущее. Вот она договаривается с волонтерами. Вот они вместе составляют план, собирают работы и формируют экспозицию. А вот монтируют выставку – и потом работают на открытии и после него. Смешки, гул, хлопанья по плечам и другие забавы продолжаются, но она растёт и становится всё ближе к искусству – как ей и хотелось.

– Да, – сказала Мира, сглотнув ком в горле. – Я буду.

Теперь, когда всё было ясно, однокурсницы скопом вывалились из аудитории и унеслись в столовую. Гершель, посмотрев немного в окно на толпящихся во внутреннем дворе студентов, стала собирать бумаги в сумку. Мира прятала взгляд и делала вид, что уже осталась одна. Она никак не могла дождаться минуты, когда это и вправду случится.

Наконец Гершель, глядя на то, как Мира запрокидывает

голову вверх и шумно выдыхает, сказала:

– Найдите себе пару хороших помощников, и дело пойдёт как по маслу.

Внутри всё заклокотало, но Мира только и смогла сделать, что кивнуть.

– Ну или хотя бы одного помощника, – добавила Гершель так, что теперь в её голосе почудилась нотка понимания. – Тогда всё тоже решаемо. Не думаю, что за пятнадцать лет на факультете значимо что-то изменилось с тех пор... как я сама курировала выставку на первом курсе.

То, что клокотало внутри, вдруг куда-то рухнуло, и теперь Мира оставалось лишь несколько секунд смотреть вслед преподавательнице, которая, попрощавшись, ушла. В аудитории настала долгожданная тишина, но мысли в голове никак не хотели замолкнуть.

Ну и что ей теперь со всем этим делать? Как собрать со всех работы? Однокурсницы не сильно загорелись, да ещё и сессия приближается... Одной всё точно не успеть.

Может, Юлька так себя только напоказ повела, а если поговорить наедине – согласится? Наверное, она уже купила себе вафли в буфете и идёт обратно – так почему бы её и не встретить?

До следующей пары оставался ещё час с лишним. Мира накинула на голые плечи палантин, в котором всегда было уютнее, и направилась к выходу из аудитории. Хлопнула старой деревянной дверью, а потом вдруг опомнилась – пара же

всё-таки – и осторожно, стараясь не сильно скрипеть паркетом, пошла в ту сторону, откуда должны были прийти остальные.

Преодолев одно крыло, она услышала, как впереди смеются одноклассницы – возвращаются из буфета. Так что можно было притормозить на повороте, а заодно поковырять носом туфли и без того разбитый паркет. Его на гумфаке не меняли уже со времён Союза, и выпускники, забежавшие в корпус по праздникам, с ностальгией хихикали о том, что главная черта факультета – постоянство.

Очнувшись от размышлений, Мира подняла глаза и увидела перед собой Юльку, что-то жующую. Ещё секунда, и они двинулись обратно в аудиторию.

– Я вот всё думаю, что теперь с выставкой, – начала Мира, избегая смотреть Юльке прямо в глаза. – Не успею ведь одна собрать со всех работы даже к восемнадцатому. А надо бы ещё на несколько дней раньше... Целостное творческое высказывание, понимаешь ли.

Юлька помолчала.

– Не факт, что я в эти две недели буду появляться в универе... Мир, мне бы свою успеть сдать, не то что с других собрать. Танцы. Да и ты же знаешь, каково мне вообще рисовать...

– По себе знаю.

Юлька приостановилась, на секунду чуть отстав:

– Прости.

Мира дала ей себя догнать, поправила палантин и обхватила плечи руками. Давить и спорить не было никакого смысла. Нужно было искать другие варианты, причём среди тех, кто по крайней мере не поднимет лишнего шума. Может, те, кого сегодня ещё не было, окажутся поговорчивее. Или кто-нибудь из полуавтоматчиков, загруженных чуть меньше, – Пономарёва, там, или Ионова. Сейчас все соберутся – и точно ясно станет.

А сейчас нужно просто дойти до своего места, сесть и выбросить это всё из головы. Чем больше тревожишься, бьёшься, силишься сделать лучше, тем сильнее всё, как назло, ускользает из рук.

Пара по искусству Древней Руси ползла по-досадному медленно – выбросить из головы мысли о выставке не получилось. Да ещё и через полчаса после начала пары в аудиторию прошмыгнула та, кто никогда не создавала шума, если к ней обращались с просьбами.

Мира даже не удивилась тому, что сразу не подумала о Таше – настолько она всегда была незаметной. Таша никогда не опаздывала – а сегодня, казалось, опоздала не просто так. Мира только и ждала момента, когда кончится пара и можно будет к ней подойти. Конечно, просить её собирать работы у других было глупо – наверняка многие даже имя её помнили плохо, – и Мире предстояло заниматься этим самой. Но

ведь всегда есть и другая работа. Должна же Таша хотя бы понять... Должна же?

Мире тоже порой хотелось закрыться в себе и внутрь никого не пускать, но долго она так не выдерживала. Слишком велик был интерес к тем, кто вертелся вокруг неё, – хоть и страшно было натолкнуться на неприятие. Таша выглядела хотя бы человеком безопасным: в конце концов, у неё не вырвалось ещё ни одного глупого смешка, когда...

Когда все смеялись, она молчала и делала вид, что ничего не происходит. Когда все возмущались, или ликовали, или интересовались чем-то и задавали вопросы, её это будто не волновало. Если морской штиль воплотился бы в человеке – это, как казалось Мире, точно была бы Таша. Сейчас одно лишь это искупало её замкнутость, которая обычно мешала другим выйти с ней на контакт.

Конечно, она могла и тут сделать вид, что ничего не происходит. Тем более что они с Мирой особо и не общались. Вспомнив о своей привычке не замечать Ташу, когда это не несло в себе никакой выгоды, Мира почувствовала, как внутри всё сжалось. Какой же эгоизм. И теперь ты хочешь, чтобы помогли тебе.

Но что делать, если нет другого выхода? Можно, конечно, пойти обратно к Гершель – или даже не выдержать и написать ей... о том, что Мира не справится.

Тут Гершель, наверное, вспомнила бы что-нибудь о том, как она сама курировала выставку пятнадцать лет назад и

чего боялась. Ей и теперь было тяжело держать дисциплину в аудитории – слишком тихим и тусклым казался её голос, слишком плавно она интонировала. Искусствоведы первого курса жили, дышали, говорили совсем иначе и заглушали Гершель, отчего её не было слышно из-за кафедры и она вынуждена была подходить ближе.

Мира в ответ на её просьбу хотя бы попытаться сперва замотала бы головой, а потом надтреснутым голосом сказала бы:

– Мне никто не хочет помогать.

И это было единственное, что она может сказать Таше после пары по Древней Руси, если ничего нового не придумает. Звучало бы как-то неубедительно.

Нужно подготовиться и придумать план. Такой, чтобы было понятно: она знает, что делает, и ни капельки не боится. Там будут видны все этапы и все сроки, ясно будет, кто за что отвечает, и Ташина роль покажется ей посильной. А может, на такой план со временем придёт и ещё кто-нибудь?

Она не согласилась даже продумать экспозицию. Для этого совсем не нужно было ни с кем общаться – Мира собрала бы все работы, и Таше осталось бы составить из них то самое целостное высказывание. Ну, может, помочь ещё с монтажом...

Но она не согласилась – и добавила, что занята делами в

собачьем приюте «Омега». Да, она рассказывала о нём ещё тогда, когда все познакомились в прошлом сентябре. Пригласила всех хотя бы в один выходной, убрать за хвостиками. Но никто так и не пришёл, и Мира тоже.

Таша снесла это безропотно, и в её графике, похоже, ничего не изменилось. Она всё с тем же равнодушием к цветовым сочетаниям и стремлением к практичности одевалась по субботам, и когда после пар все шли гулять, очень спешила. Наверное, это были те редкие моменты, когда она менялась и приоткрывала свою силу, о которой Мира могла только догадываться. В приюте эта сила наверняка вставала в полный рост – и стоило бы сходить туда, чтобы помочь и заодно увидеть это.

Но сначала нужно было разобраться с выставкой. Чем дальше, тем сильнее возможность решить вопрос сегодня ускользала из рук. Искусствоведы первого курса, выйдя за двери гумфака, стайками пошли по Калининскому проспекту. Мира скакала то к одним, то к другим, звала по имени, трогала за плечо, напоминала, чтобы услышать очередной отказ. Потом они, собравшись в кучу у пешеходного перехода, подождали удобного момента, чтобы перейти, и расползлись по скверу.

Кто-то ушёл на дальние ряды, туда, куда почти не доставали лучи солнца, а кто-то устроился под кустом сирени у памятника Пушкину. В центре, у фонтана, остались Мира с Юлькой и те самые Пономарёва с Ионовой. Облокотившись

на ограду, они чуть вздрагивали, когда мельчайшие брызги долетали до их голых рук, подставленных майскому солнцу, и болтали о том о сём.

– Девочки, насчёт выставки, ну хотя бы экспозицию... – затынула Мира. – Или наоборот, только организационное, а?

Юлька вздохнула и замолчала.

– Я только после девятого смогу сказать, – отозвалась Пономарёва.

– Напишу тебе тогда, – уцепилась Мира.

– Э-э, да. – Ответ звучал уже чуть менее уверенно.

– Тебе всегда больше всех надо. Согласилась, чего теперь к другим-то липнешь? – А вот Ионова точно верила в то, что говорит.

– Я не вызы...

– За язык никто не тянул. Тебя спросила Гершель, а ты ответила.

Ионова была права – Мира даже не попыталась отказать, и теперь это её ответственность. Если она не справится, снимет её с себя, роль куратора отдадут кому-то другому, и она, придя на выставку, будет думать: а что, если бы это сделала она сама, своими руками? Что, если этот зачёт стал бы для неё гораздо более заслуженным? Совсем по-другому смотрела бы на неё и Гершель, и профессор Полев, и другие преподаватели с разных кафедр. Возможно, стали бы сговорчивее и лаборанты.

И вот так просто взять и решить, что это будешь не ты, да?

Совсем не просто. Ещё сложнее будет потом общаться с тем, кто всё-таки станет куратором. Она не перенесёт.

Но как сделать всё это одной, вот так, в первый раз? Хорошо, что план уже есть. Ещё бы не слететь со стипендии потом... не вызвать вопросов у мамы.

Последнее и вовсе невозможно – и это каждый раз так больно ударяло под дых. Мира молча встала и отошла чуть в сторону от фонтана, обхватив себя руками и как бы пытаюсь утешить. Из размышлений её выбросил смех однокурсниц.

Глядя глаза в глаза, прямо навстречу ей шёл тот, с кем её познакомили вчера.

Май 2014 года

– Так вы ж вроде дружите? – бросил он с такой небрежной растерянностью, какую я редко ловила в его голосе за следующие полтора года.

Ага, дружили мы, дружили.

Я вообще ни с кем никогда не умела дружить. И любить никого не умела. Пора признать это честно. Слова такие говорила, иногда бывала рядом, а иногда нет – и всё же почти не мучилась болью ничьей, кроме своей. Никто не был для меня важнее, чем я сама, хоть и себя я тоже не любила и не люблю.

Услышав его вопрос, я не готова была всё это признать, но тут же развалилась на куски. Перед глазами поплыло. Он уса-

дил меня на скамейку, сказал что-то – уже не помню что, – и меня схватила мысль: он слышит. Это ощущалось так, будто падающий самолёт, в котором я сидела, притиснувшись к креслу, вдруг прекратил сбрасывать высоту.

В тот день он, смотря в сторону, почему-то выслушал всё. и про Международный день музеев, и про то, что я должна, и про то, что я совсем одна и хотела уже просить маму. Он согласился быть со мной после пар до восемнадцатого и в день самой выставки, якобы просто помочь. Это вовсе ничего не означало... пока. И вот зачем? Что было у него в голове? Ведь это всё ему совсем неинтересно.

Он проверил время, достал из рюкзака ручку и написал у меня на руке свой номер. Куча нечётных цифр, для меня холодных. Десять минут, которые он назвал своими, кончились, так что он встал и ушёл.

А я выдохнула и только тогда увидела лёгкое голубое-голубое небо над опустевшим сквером. Начинаясь четвёртая пара, которой у меня уже не было.

8

Да, в тот день он взял на себя всё, что на него обвалили. Постарался не выдать свою заинтересованность, неизвестно откуда вдруг взявшуюся, и подставил плечо. В этом не было совершенно ничего удивительного – так уж Артём был воспитан.

Она волновалась и путалась дико. Пыталась увязать концы с концами и выдать что-то похожее на план, но лепетала беспомощно, лила на него поток непонятностей – как-нибудь так, наверное, слышала его бабушка, когда он говорил об учёбе? Артём понял только, что надо страсти с её курса какие-то работы и вывесить их в специально подготовленном для этого месте. Ну и в чём тогда проблема? Десятого после четвёртой пары в двадцать... какой? А к чёрту, возле кофейного автомата, а там разберёмся.

– Да всё будет, – сказал он и хлопнул её по плечу.

Этот взгляд в который раз стал до страшного знакомым. Артём сделал над собой усилие, чтобы не дрогнуть, и, развернувшись, зашагал в универ: в компьютерный класс было давно уже пора. Но перед самым пешеходным переходом он не выдержал и оглянулся – за разговором прошло незаметным то, что её одноклассницы уже ушли.

Белкина не осталась ждать Лёху, а Мира всё так же сидела на лавочке в опустевшем сквере и на него смотрела.

Непонятная жуткая слабость навалилась снова. Он отвернулся и застыл на месте, хотя на зебре уже остановилась машина.

– Ты идёшь или нет?! – Водитель подгонял его жестом высунутой из окна руки.

Артём помедлил ещё пару секунд, пока не услышал сигналы тех, кто уже вереницей собрался следом, и перескочил через переход.

Бред какой-то. Ну совсем бред.

Десятого, когда он зашёл в корпус гумфака, девчачий смех грохотал где-то вдалеке. Двадцать какая-то была на втором этаже, возле кофейного автомата – который, судя по гудению, не так уж давно для кого-то работал.

Артём заглянул за первую попавшуюся приоткрытую дверь. На доске была нарисована какая-то фигня, а за передней партой с бумажным стаканом сидела Мира. Это был кофе. Судя по запаху, сладкий.

– И зачем же портить?! – не выдержал он и ухмыльнулся, садясь рядом.

– В смысле? – спросила она и сделала глоток.

– Вкус кофе раскрывается гораздо лучше, когда...

– Ой, да какой уж тут кофе. – Она закатила глаза и теперь была права. – Лучше вот, посмотри пока.

Артём обернулся. На задней парте лежали чьи-то рисунки

на бумаге и на холстах. Те самые работы, значит. Разные. На одной тихая речушка, похожая на ту, что была у них в области. На другой улица где-то в центре. А на третьей почему-то рыцарь на белом коне и в доспехах. Много чего было.

Мира допивала свой мерзкий кофе и смотрела на фигню на доске, когда он прервал её вопросом:

– Это твой рисунок?

Её взгляд на щеке обжёг.

– Да какая разница.

– Большая.

Она промолчала.

– Я так тебя совсем не пойму, – бросил он.

Наверное, так себя чувствовал тот рыцарь, когда поднимал забрало. Если вообще что-то да чувствовал.

– А надо? – скакнула Мира навстречу. Может, врала, что не её рыцарь, а может, и нет.

Тут и он сам не ответил. Отступил – но и тот шаг был значим, видно же его было?

– У меня ещё целая неделя, – сказала она, вставая, чтобы выбросить стакан в урну. – И встретимся мы с тобой семнадцатого... здесь же. Я эту аудиторию у диспетчера заняла.

– И всего-то?

– Всего.

– А в чём моя помощь?

– Парты передвинуть и смонтировать всё. На следующий день с девяти до пяти быть где-то рядом и снять после за-

крытия. Я покажу.

И куда делось то лепечущее существо с мокрыми ресницами? Она будет заправлять делом, а Артём просто растаскает парты и поможет ей всё это повесить, а потом убрать.

– Сейчас-то я зачем здесь? – спросил он, не зная, куда деться.

– Для ясности. Я в курсе, что вы с Лёшей сейчас ещё зачёт сдавали, и решила убедиться, что ты...

– Не слился.

– Что ты помнишь.

– Если тебе интересно, я специально ничего не планировал на восемнадцатое.

– Вот и хорошо, – выдохнула Мира и встала над второй партой, собирая рисунки в огромную папку. – Что я тебе должна?

– В следующий раз принеси один предмет, который тебя характеризует. Ну, кроме твоей работы. И я тоже что-нибудь придумаю.

Тогда-то в его голову и закралась мысль о том, чтобы показать ей свой.

Назавтра они висели друг у друга на телефоне. Артём уселся на веранде, в кресле, где обычно заседала бабушка, а Мира сказала, что у них дома беспроводного нет, и устроила себе уютный уголок из подушек в коридоре – её мама как

раз ушла куда-то.

Голос её звучал немного устало и глухо, когда она болтала о том о сём. Какой же дубак и как обидно, что он настал сейчас, в мае. И как же трудно думать об этой выставке – но Артёму за то, что согласился помочь, спасибо. А пока лучше уж подумать о том, как скоро весь первый курс поедет в Страхов на архитектурно-археологическую – практику, в смысле, – а там сто-олько всего интересного. Вообще-то их туда снаряжают местную Сретенскую церковь копать, что само по себе занятно, но думать втайне хочется о другом, совсем другом, пусть и исторически более позднем, – и страшно этим поделиться. Хотела бы Мира, чтобы он знал, что за чудо этот осколок русской неоготики.

И да – того рыцаря нарисовала и вправду она. Узнав об этом, Артём рассмеялся, а Мира до странного знакомо захихикала в ответ. Услышав шум на веранде, из комнаты выглянула бабушка – и задержалась взглядом на нём. С каких это пор он за домашний взялся – говорил ведь, что по нему одни старики языком чешут?

А он ухмылялся и кивал, чтобы дать понять: не сейчас. Вспоминал все исторические фильмы, которые только смотрел, и все школьные уроки МХК, чтобы разговор – вместе с чем-то у него внутри – не проваливался в паузы.

Бабушка ушла. На веранде всё так же лилась болтовня, хоть темы и были совсем не его. Одно цеплялось за другое, неслись друг за другом мысли, идеи, образы и шутки, порой

неловкие, а порой меткие, пока Мира вдруг не вдохнула резко и на том конце провода не послышался стук.

– Мама...

Артём еле слышал шаги, лёгкие, почти невесомые, а потом хлопнула о стену входная дверь. Через несколько мгновений в трубке снова что-то задрожало, и Мира выдохнула:

– Спасибо тебе. Завтра ещё услышимся.

Вот только он не смог бы выйти на связь. Не только потому, что полдня собирался провести не дома, но и потому, что обычно бывало после, когда они с бабушкой возвращались наконец домой и Артём закрывался у себя в комнате. Тут у него тоже была память о маме. Та, что была доступна только ему и никому больше, – фотоальбом. Никто не посмел бы его тронуть, если бы Артём не разрешил сам.

– Меня завтра не будет, – выдавил он. – Семейное.

– Жалко, – отозвалось в трубке. – Тогда над экспозицией посижу. А так – пиши.

Он расскажет и покажет ей всё, только немного позже. Когда решит, что она достойна.

Поездка к маме выжала из него всё, что только было внутри. На следующий день он дополз до зачёта по матанализу и сдал его кое-как – слабаком был. Это видели все. Наверняка судили по своим меркам и были правы.

Но нужно было собраться и стать кем-то большим, чем он

сам, чтобы ровно через год, а потом ещё и ещё, встретить этот чёрный день уже по-другому. А пока, выйдя в сквер, Артём вдохнул свежего воздуха и постарался вспомнить о том, что он жив. Зацепиться за что-нибудь и точным движением вернуться на ноги, как возвращался уже который год.

Но было в этом году и новое: не только универ, но и то, что на лавочке у памятника Пушкину его ждали. Мира сидела с полуприкрытыми глазами и тоже пыталась добыть из ниоткуда хоть каплю сил – сама зачёт сдала. Откинулась на кованую спинку, как будто не чувствовала, что с холодного металла падают дождевые капли. Вот же тетеря.

– Ну, – с ожиданием начал Артём.

– Что ну? – она, как назло, сделала вид, что ничего не помнит.

– Я ведь тебя просил принести предмет, который тебя характеризует.

Мира отвела глаза и замолчала снова. Сделала вид, что её волнуют садовники в зелёных жилетках, вышедшие в сквер после дождя, странная птица, которая села на ветку дерева напротив и что угодно другое, только не он сам и не их разговор.

– Наверное, меня характеризуют не предметы.

Захотелось вдруг взять её и потрясти за плечи. Чтобы потрясти ответ на вопрос: да кто ты, в конце концов, такая? Сложную из себя строила, что ли. Уходила всё дальше от ясности, плодила абстракции, и хотел бы он понять: зачем?

Может, если бы знал, легче бы было.

– Вот только если бы можно было бы тебе поехать с нами на практику, в Страхов, – продолжила Мира, – я бы взяла тебя с собой на пленэр, и ты, наверное, меня бы понял.

«Ага, – подумал Артём. – Примерно так же, как ты поняла бы меня, если бы я позвал тебя в компьютерный класс делать лабу».

– Ну да что мы всё обо мне да обо мне? – Она попыталась выскользнуть. – Я ведь тебе даже про рыцаря спалила, а сама о тебе совсем ничего... Ты тоже ведь обещал что-нибудь придумать?..

– Я всё уже придумал. Просто этот предмет слишком уж тяжёлый, – соврал он. – Была на Дальней когда-нибудь?

– По крайней мере, я о ней слышала. А что?

– Моя святая святых, – горько сыронизировал Артём. – Живу я там.

В её глазах мелькнула осторожная нотка – и сразу же исчезла.

– Вот это ты, конечно, забрался – через весь город ехать придётся.

Неужели вот так всё просто и происходит? Скучно. Даже слишком.

В Международный день музеев Артём с трудом разлепил глаза и сразу же вспомнил о том, как вчера таскал парты в со-

роковой аудитории гумфака и помогал Мире с тем, что она, как в кино, называла монтажом. Путалась, что и куда по плану они решили вешать, – видно, от нервов. Остановливалась, проглатывала ком в горле и молча смотрела на него, снова напоминая о чём-то.

Он выдерживал этот взгляд так, чтобы ободрить её, и дело двигалось. Всему находилось своё место – и её славному рыцарю, и городским пейзажам, и сельским, и тому, что он мог понять с трудом или даже не собирался.

«Времена» – было выведено чёрным на большом плакате, который они повесили на дверь. Чуть ниже шло: «Место, где сойдётся прошлое, настоящее и будущее, – аудитория 40. День: 18 мая 2013-го».

Покидая корпус, они наклеили на стены указатели с ажурными часовыми стрелками, чтобы посетители знали, куда идти. Прилепив последний прямо у самого входа, Мира выставила ладонь, как бы говоря «дай пять». Артём дал – и его рука на пару мгновений задержалась в её руке.

Ему и теперь, утром следующего дня, казалось, что он это прикосновение ощущает. Бабушка из-за приоткрытой двери ванной поглядывала на то, как аккуратно он бреется, и чуяла неладное, а увидев белую рубашку, не смолчала:

– Это ты куда такой намылился?

– У нас вернисаж, – выговорил Артём, понимая, что она вряд ли когда-нибудь слышала от него это слово. Он и сам помнил его только из той песни, которую бабушка порой на-

певала, собираясь с кем-нибудь на прогулку.

– У вас, – с многозначительным взглядом подчеркнула она.

Артём молча посмотрел на часы и взял с пола сумку. Распечатанные программки были на месте, фотоаппарат на месте, телефон тоже. На разговоры времени не оставалось – он спешил.

Без двадцати девять его встретило облегчение в глазах Миры. Она натянула на себя улыбку, которую не собиралась снимать, кажется, весь день, и попросила её сфотографировать. То тёмно-синее платье с бантом смотрелось торжественно и скромно. На все времена.

– Теперь кураторство стало даже приятным, да? – спросил Артём, показывая ей результат.

А на её лице была всё та же улыбка, наивная и даже немного глупая. Не расслабились её губы и тогда, когда за дверью загудела толпа.

– Вот что ещё, – сказала Мира, раскладывая программки на парте у входа. – На кафедре должна уже лаборантка прийти – принесёшь экран для проектора? Рыжова там аж короткометражку сняла.

В те дни его делом было соглашаться, и он пошёл. Ну и грохнулся на лестнице, когда спускался обратно. Кафель на ступеньках – придумали тоже. С экраном было всё в поряд-

ке, да наверняка и с ним самим, по крайней мере, с копчиком, рукой и ногой. Рубашка запыхалась сзади, но Мира и тут выдержала на лице улыбку. Устанавливая экран для проектора, она немного медлила, чтобы движения её казались другим взвешенными. Не так суежилась, как обычно.

Толпа, стёкшая к двери аудитории, начала просачиваться внутрь, и Артём, стоя на входе, вручал каждому программку. Со временем стало ясно, что опираться лучше только на одну ногу, а на вторую стоит обратить внимание. Хотя на вид всё было в порядке, пока его боль не заметила Мира.

Лодыжка, как выяснилось в тёмном углу коридора, начала опухать, и та улыбка – а ведь казалась чуть ли не вечной – затухла.

– Ой... – Это прозвучало так, будто ногу ушибла она.

– Да всё ок. – Он отмахнулся и вдруг понял, что очень слаб, настолько, что не в силах даже это признать.

На плечо легла её рука.

– Ты всё уже сделал. Вызывай такси, и в травмпункт.

– А ты... – начал было он.

– А я что-нибудь придумаю.

Хорошей новостью было то, что ни перелома, ни трещины рентген не выявил. Всё же это оказался ушиб. Глядя на то, как Артём ходит по дому, бабушка, сидевшая на веранде с

соседкой Вале́й Кузьминой, прозвала его калекой, и все они посмеялись.

А плохой новости не было. Заодно появился повод лучше подготовиться к экзаменам, да и Мира завтра предложила зайти. «Ну да, фотик-то не твой, вернуть надо», – пошутил Артём в переписке и вдруг понял: он хочет видеть её здесь не только ради этого.

Он хочет показать ей маму.

Может быть, и потом, уже в следующем мае, съездить к ней вместе. Может.

– А что тебе привезти? – защebetала Мира уже в трубку. – Или испечь чего? Ты что любишь-то?

– Приходи так, – ответил Артём, глядя на темнеющие за окном деревья.

Дальше он слушал в полусне, как бабушка с Вале́й о чём-то говорят, говорят и говорят на веранде, но никак не мог расслышать, о чём. Свет не выключали ещё долго. Артёму чудилось, что дверь в его комнату кто-то приоткрывает, но двинуть после такого дня хотя бы рукой он был не в силах. А потом болтушки наконец разошлись, и всё свалилось в темноту.

Вынырнув утром, он стал ковылять по комнате, чтобы подготовиться к тому, что придёт Мира. Горел май, визжала газонокосилка, из распахнутого окна палило солнце, и пыль, которую поднял Артём во время уборки, мерцала в нагретом воздухе. Секунды, минуты, часы примчали его к обеду, но

кусок в горло не лез. Потом наконец засобиралась по своим делам бабушка, и дом затих. В тишине-то и стало слышно страх.

Этот день был достоин того, что выпало на кон. Теперь, когда над душой не висело данное им слово, всё становилось проще и одновременно сложнее. Он ничего не был должен Мире – но и ей ничего не было от него нужно. Или всё-таки могло?..

Артём цеплялся за слова в уме, издёргал их все до изнеможения, но так для себя ничего и не понял. Оставалось лишь в нужный момент открыть рот и спросить. Хотелось лишь того, чтобы по ту сторону решилась и ответила она.

Казалось, она могла. В тот день её улыбка выглядела совсем иначе. Она не лепилась к лицу снаружи, а шла откуда-то из её глубины – напрямик в его глубину. Мира всё-таки испекла и принесла яблочный пирог, а вот фотик забыла. Может быть, только в кавычках.

Он смотрел на свой дом её глазами и видел убогость, которую пока не мог изменить. Облупившаяся краска на дверном косяке, подвыцветшая клеёнка на кухонном столе стали заметны ему, но её вроде бы не смущали. На веранде опять лилась болтовня – только теперь они оба были здесь.

С полки на них смотрела мамина кружка, и в комнате ждали её фото.

9

Площадь Пушкина, скованная горькой утренней прохладой, ещё спала, когда у входа в сквер припарковался университетский автобус. Искусствоведы первого – или уже второго – курса отправлялись в исторический городок Страхов на архитектурно-археологическую практику в усадьбу Махтенбургских, где страховская администрация планировала в том числе и с помощью гумфака устроить музей.

Сессию Мира сдала без троек и тем теперь удовлетворилась. Месяц, хотя она этого совсем не ожидала, мелькнул и угас. Сдав первый экзамен, она едва успела отоспаться и снова села за стол переписывать конспекты от руки: только так запоминалось хоть что-то.

Болела рука. Болела спина. Затекали ноги. Голова трещала, как сумасшедшая. Летели годы, века, эпохи в искусстве, рождались, расцветали и увядали направления и стили – всё это ненадолго заплывало в голову, чтобы после того, как хлопнет за спиной дверь экзаменационной аудитории, выветриться почти до основания. Потом шла ещё одна попытка отоспаться, а за ней – снова конспекты. Июнь истёк до того, как Мира поставила штамп в зачётке. В июле их ждала усадьба.

Весь месяц Мира провела одна. И тут, утром на площади Пушкина, тоже. Кого-то провожали родители, кого-то ба-

бушка, кого-то парень, а ей не за кого было цепляться взглядом, как за последнее напоминание о доме. Лишь Таша тоже стояла молча, но подходить к ней теперь не хотелось.

Когда все собрались, пересчитали друг друга и автобус тронулся, стало немного легче. Может, ей удастся развеяться вдали от дома. Может, у Страхова тоже есть свой особенный зов – нужно просто дать ему шанс и прислушаться. Может, жизнь приготовила ей что-нибудь поинтереснее того, что – кого? – она, не успев толком обрести, потеряла.

Уставая от подготовки к экзаменам, Мира спала крепче, чем когда бы то ни было, – не тревожил даже соседский сверлёрж за стенкой. И человек без лица больше не приходил. Так может, всего-то и понадобилось – спать нормально, как говорила мама?

Наверное, она права. И в том, что всё ещё будет, тоже.

Мира потом долго помнила, как смотрели ей в спину пустые глаза-окна Сретенской церкви. В тринадцатом веке она сгорела – остался только фундамент, искать который они тогда и приехали. Её отстроили заново, и она жила, звенела колоколами, а потом вдруг снова сгинула в пожаре. Это было не дважды и не трижды, но каждый раз церковь восстанавливалась и делалась немного другой. Из каждой эпохи выносила что-то своё.

Так продолжалось до тех пор, пока в веке девятнадцатом

молодое поколение семьи герцогов Махтенбургских не купило страховское имение и не переделало там всё под себя. От тех-то хозяев остался и краснокирпичный псевдоготический замок с давно заросшим садом у обрыва, и колокольня со стрельчатыми арками, и конюшня, и бывший свитский дом – всё, что благодаря стараниям гумфака затем стало музеем-усадебой.

Унёсся девятнадцатый век, утащил с собой дворян, а имение осталось, и хозяин у него был новый – государство. Тут церковь и вовсе обезглавили, лишив собственного предназначения, разделили на этажи и комнаты, чтобы там жили люди. Обыкновенные люди с их мирскими заботами, оставившие после себя старую мебель, картины, книги, фотоальбомы и дневники.

Церковь приютила их, но всё так же стояла и ждала двадцать первого века. Времени, где её снова примут, где захотят узнать, какая она была и на каком фундаменте построена. Вспомнят о том, что на ней был крест.

И наконец этот век настал.

Городок Страхов встретил его таким же беспорядочным, как и сама Сретенская церковь, да и вообще вся усадьба. За окном автобуса то мелькали теснящиеся друг к другу старые разноцветные домики с белыми резными наличниками, то провалами шли заросшие чем ни попадя пустыри. Потом началась застройка конца девятнадцатого века, среди которой вылезло вдруг серое, безликое здание местного филиала

университета. Мире странной показалась сама мысль о том, что здесь вообще может быть университет.

Автобус привёз их на самую окраину Страхова, в усадьбу, и высадил возле полуразрушенных асимметричных ворот из красного кирпича. За кронами деревьев виднелась – тоже краснокирпичная – башня замка, о котором Мира так долго мечтала. Он, как и родной, любимый город, ей многое обещал.

Но пока всем нужно было не туда. Свитский дом – в нём раньше жила прислуга герцогского семейства, а теперь на двадцать дней разместились искусствоведы – успокоил их прохладой после июльского пекла. Легко вздохнула Юлька, расслабилась Рыжова. Таша украдкой взглянула на Миру перед тем, как они разошлись по своим новым комнатам. Только в их гулкой тишине, разбирая вещи и слушая, как дышит за спиной Юлька, Мира вспомнила о том, что они здесь для дела.

Июнь 2014 года

В те душные, потные дни вспоминать об этом было удивительно больно. Каждый раз что-то било мне в грудь: всего этого не было. Тебе показалось. Зачем надумывать? Ты всё так же одна. Ну да, у тебя есть мама. И Пират. Иногда Юлька – когда рядом с ней не ошивается кто-нибудь ещё со своим глупым хихиканьем.

А в нём было что-то такое, что обещало от этого избавиться. В то воскресенье я летела на Дальнюю так, что забыла его фотоаппарат. Опаздывала, потому что пирог никак не хотел пропекаться – ну и не пропёкся, дрянь такая. Стрелка пошла на чулке. Сама вспотела в автобусе. А он и не заметил будто бы ничего – он вообще в тот день показался мне слишком тихим. В доме вообще было тихо и ещё, наверное, теснее, чем у нас.

Мне хотелось сказать ему спасибо, но я не знала как. Сидела тупила, чай прихлёбывала, слушала, как гудит холодильник. Рассуждала о том, чем вторая сессия будет отличаться от первой. О том, как тополиный пух надоел, как заложен нос и слезятся глаза. О том, как мы поедим к Махтенбургским, когда – или если – сдадим наконец все экзамены, и что там за чудо-замок.

Об остальном молчала, о нужном. А он становился всё тише и тише – тоже как будто застряло что-то в горле. «Подожди», – говорит вдруг и идёт в комнату.

(На раскопе я корила себя за то, что так туда и не зашла, хоть думать надо было о другом.)

Приходит с большим розовым фотоальбомом под мышкой и ставит свою табуретку рядом с моей. Я втягиваю живот и почти не дышу. Он приоткрывает обложку, и ему на колени сваливается с десяток фотографий. Там люди, разные люди. Взгляд его вспыхивает, как будто что-то случилось, он захлопывает альбом, и как шварк им об стол.

Я тогда вздрогнула – вообще не поняла, что случилось. Потерялась в том, что хотела сказать. Вообще тишина повисла, и я почувствовала себя вдруг совсем лишней. Стало ещё хуже, когда в окно веранды торопливо застучали и слышался женский голос.

– Валя, соседка, – пояснил он, выглянув в окно, и направился к двери. Распахнул её, оперся о косяк и, похоже, совсем из себя вышел.

Слышно было про вещи, его вещи. Соседка тараторила про бабушку, то ли оправдываясь, то ли пытаясь его успокоить, а я тихонько приоткрыла обложку и вытащила из стопки самую большую фотографию.

С неё на меня смотрела женщина с ребёнком – около года, наверное. Я перевернула фото и увидела, что на обороте написано: «24 апреля 1995 г». Конечно, это он и был. Да. Я вглядывалась в черты детского личика, чтобы распознать в них того, кого встретила восемнадцать лет спустя, когда вдруг поняла, что он стоит у меня за спиной.

– Вот я тебя просил? Все вы лезете куда не просят.

Эти слова он сказал мне уже совсем по-другому. Так, как часто говорил со мной потом, многим позже. Но тогда я ещё не привыкла к таким его интонациям. Тогда-то мне и ударило в грудь первый раз.

Всего этого не было. Тебе показалось. Зачем надумывать? Ты всё так же одна.

Снова июль 2013 года

Так, а сколько сейчас времени?

Я открываю глаза и обнаруживаю себя на кровати в комнате, куда поселились мы с Юлькой. Раз она всё-таки согласилась, нашу дружбу можно же сохранить, наверное?

Наверное. Даже не поворачивая головы, вместо посапывающей под одеялом фигуры я краем взгляда нащупываю на соседней кровати пустоту. Оборачиваюсь – и вижу, как той же пустотой, только уже темнеющей, зазывающе склабится окно.

А за окном сумерки. Как и тогда, когда я заснула. И так же ноги гудят после раскопа. Только не слышу теперь, как болтают за окном, и не чувствую запах курева. Встаю, накидываю на ходу кардиган и выглядываю наружу – ещё не так поздно, но везде уже темно. Темно и во всех комнатах, куда поселились остальные, – ни одной узкой полоски света из-под двери на весь коридор.

Тяжёлая входная дверь поддаётся со скрипом и выпускает меня на улицу – а та молчит. Одни лишь фонари горят, будто бы ждут меня. Знаю, что ждёт меня и замок Махтенбургских.

Ведь я сплю, и это снова один из тех снов, где мы во всём мире наедине – я и он. Знаю и то, что сейчас *он* тоже ждёт меня там, на пороге. Только теперь меня уже не забросило в зиму, время осталось течь как ему полагается, и вместо хлопьев снега в воздухе плавает запоздалый тополиный пух. И

теперь я знаю, как выглядит *его* лицо, – да что там, даже в глаза ему смотрела.

Но теперь наяву уже не могу. Развалила всё сама, своими руками. Потому-то иду так быстро, держась взглядом за ту виднеющуюся за кронами деревьев башню, которую заметила ещё днём. Быть может, там, под защитой старого мудрого замка, который видит жизнь вот уже третий век, получится что-то понять и изменить.

В прошлом сне это был именно он, тот замок. Я и не сразу обратила внимание на его зубцы и главную дверь с аркой – точно такого в жизни не видела больше нигде, только там. Правду, похоже, говорили на гумфаке – пока не начнёшь рисовать, всегда чего-нибудь да не замечаешь.

Пока не совершишь ошибку – не замечаешь тоже.

Тропинка истончается, остаются за спиной фонари. Дорогу к замку ещё никто не протоптал, но я знаю, где она, и сегодня ошибки не совершу. В мире сна мне не страшны ни гадюки в высокой траве, ни чужой смех за спиной, ни местные с неблагоприятными намерениями. Особенно тогда, когда мне нужно видеть замок – и того, с кем в музыке органа я стояла на его пороге в прошлый раз.

Дорога оказывается верной. Деревья расступаются, и замок обнажается в своей мудрой, но неприветливой красоте. Я подхожу ближе и не верю себе: среди русской природы он выглядит как незваный гость.

Иду дальше и дальше – вырисовываются прежде бывшие

белыми зубцы, а потом и вершина арки, только крыльцо остаётся скрытым за высокими кустами. Мне нужно его видеть! Я срываюсь на бег, но пространство буксует.

Тише, Мира, ты же спишь. Совершишь ошибку – потеряешь и этот вечер. Ещё одной ошибки никто не потерпит.

Останавливаюсь, тихо выдыхаю, а потом опять вдыхаю, стараясь не вылететь из сна, сбережь его, пока медленно, медленно шагаю дальше. Трава становится выше, а сама я будто куда-то проваливаюсь, но крыльцо всё же открывается моим глазам.

И я никого не вижу. Там пусто.

Так может, он в замке? Я снова не выдерживаю и срываюсь – меня выбрасывает вперёд. Бегу, чуть ли не спотыкаясь, уже по разбитым каменным ступеням, чтобы схватиться за ручку ещё одной двери, которая мне тоже обязательно поддастся, ведь ждал же, звал же меня зачем-то замок Махтенбургских?

Покрытая почему-то облупленной краской дверь оказывается до невообразимого лёгкой, и мой взгляд упирается в поросший паутиной деревянный чулан. Полки его пусты, и пустота, которой уже невозможно противиться, выедаёт меня до краёв.

«Всего этого не было. Тебе показалось. Зачем надумывать? Ты всё так же одна, – слышу я. – Даже во сне».

Через двадцать минут после того, как свитский дом

проснулся и зажил своей жизнью, Мира вышла на улицу. Уже по дороге на завтрак синева высокого июльского неба выжигала глаза, которые и без того от вчерашнего недосыпа болели и сохли. Больно было и потому, что замок её обманул. Это случилось во сне – а теперь нужно было встретиться с ним наяву. Хуже того, сделать о нём доклад на пленэрном занятии и потом так же, как и все, его зарисовать.

Ещё в конце семестра Мира еле выбила себе право о нём рассказывать, что в очередной раз вызвало глупые смешки и в первый раз снисходительное «ну ладно, если уж ты так хочешь...», – а теперь такое рвение казалось ненужным.

Доев полубезвкусную кашу, она позволила дню течь, как ему того требовалось. Всё равно ведь не было смысла противиться. Приехала сюда вместе со всеми – значит, должна вести себя как все и делать то же самое, что и они. Все отдохнули недолго за болтовнёй после завтрака и двинулись на раскоп, где несколько часов кряду работали. Кто-то осторожничал, а кто-то забывался и нарушал правила, о которых ему затем строго напоминали. Кто-то хорошенько вымазался в пыли и не обращал внимания на боль в ногах, а кто-то берёт силы. За работой половина второго дня пролетела уже быстрее, чтобы принести за собой слепополуденный отдых.

Хорошо было после раскопа искупаться в местной речке – название её так и не запомнилось, – а потом наконец пообедать. Дальше все заскочили в свитский дом переодеться, взяли этюдники и, держа их под мышками, стайкой растяну-

лись по тропе, ведущей к замку. Местные уже давно истоптали её – ну конечно же, какой из Миры первооткрыватель?

Деревья, кусты и травы, наоборот, разрослись гораздо сильнее, чем во сне. Зелень бушевала так, что её густой запах напитывал раскалённый, плывущий волнами воздух. Чтобы не схватить солнечный удар, все устроились в тени старого дуба и разложили этюдники. Мира нехотя бросила взгляд на замок, проглотила досадный ком в горле и начала свой доклад.

Внимательнее всех её слушал, казалось, сам замок. Он смотрел на неё своими узкими стрельчатыми окнами как ни в чём не бывало – куда как живее и приветливее, чем ночью. Только верить ему уже совсем не хотелось. Он отверг её, не дал ничего, кроме стылой горечи, и теперь ни на чуточку не мог принадлежать ей. Он был для всех, и чудилось в этом что-то похожее на предательство.

Но отказаться от пленэра было нельзя: что бы ни случилось, практика есть практика. Закончив доклад, Мира присоединилась к остальным. Открыла небольшой подольский этюдник, укрепила на нём шероховатую зернистую бумагу и, скользнув по ней пальцами, стала набрасывать основу. С того момента всё и пошло не так.

Ночью во сне замок звал и ждал её, обещал новую встречу и новый кусочек пазла о том, зачем происходит то, что происходит, – а теперь будто бы смеялся в лицо. Линии на бумаге дрожали так же, как углы ризалитов замка в знойном

июльском воздухе. Потом оказалось слишком много воды, и акварель поплыла. В тот день она вела себя особенно своеобразно, и в этом тоже чудилось что-то похожее на предательство.

Солнце чуть клонилось к западу и не так уж пекло, когда все парами-тройками стали складывать этюдники и возвращаться в свитский дом на полдничный чай. Мира закончить зарисовку так и не успела – да и не стоило, наверное, заканчивать. Не сошлись друг с другом цвета, бывшие прежде белыми зубцы получились слишком уж грязными, а там, где хотелось видеть нежные разводы, тяжелели кривые мазки. Ну и, конечно, никаких псевдоготических ритмов она не передала. Это была ещё одна неудача – замок не поддался и наяву.

Мира разорвала бумагу пополам и захлопнула этюдник. Как же ей хотелось, чтобы в свитском доме её сейчас кто-нибудь ждал. Тот, кто встал бы посреди чаепития, забыл бы про всех и ушёл вместе с ней в комнату. Тот, кто соединил бы две половинки зарисовки и увидел в ней что-нибудь хорошее, а потом, спросив, правда ли можно забрать, забрал бы себе и сохранил. Тот, с кем ей захотелось бы поделиться своими – пусть и неприятными – открытиями.

Тот, у кого можно было спросить: а каким он видит замок Махтенбургских?

Когда Мира, болезненно потупив взгляд, ушла, свет из окна померк, и стала вдруг заметна трещина на маминой кружке. Снаружи загулял ветер, то захлопывая, то снова открывая дверь, которую кое-кто поленился за собой закрыть.

Артём с трудом подошёл к выходу, дёрнул дверь на себя и щёлкнул задвижкой, а потом вернулся к столу. «24 апреля 1995 г» – выхватил он взглядом стройный бабушкин почерк на обороте фотографии, где мама держала на руках его годовалого. Теперь видеть бабушку совершенно не хотелось. У неё была туча, натуральная туча своих старых фото – и ведь понадобилось же зачем-то лезть в *его* альбом, да ещё и без спроса. Валя, конечно, маму помянуть пришла, и нужно было ей показать, но почему именно эти?

Артём схватил то самое фото, всегда стоявшее в альбоме первым, перевернул и осёкся. Его насквозь прошило воспоминание о том, как вспыхнул Мирин взгляд и захлопали её ресницы, когда он бросил ей то, что у самого уже вылетело из головы. Так мама смотрела на его отца, цедившего сквозь зубы то, что она потом так и не смогла ему простить. Мама, конечно, была права... а теперь кто был прав?

Никто.

Но всё равно это одни лишь слова, и только они. Он её не тронул.

Артём зажмурился, всё равно не прекращая видеть перед собой замахнувшегося на маму отца. Она попыталась прикрыть лицо и отшатнулась назад. Его рука отскочила от её головы, будто хлыст, едва успев прикоснуться. Образ мамы снова исчез, и взгляд Артёма уткнулся в фото, которое от неё осталось. Бесформенный свитер с орнаментом, волосы цвета пожухлой листвы и, конечно, *их* взгляд.

Теперь она была в полном покое, и дурное прошлое не имело уже никакого значения. Артём не знал, жив его отец или мёртв – хотя молодой ещё вроде, – кем сейчас работает, как выглядит, завёл ли ещё семью, есть ли у него другие дети и как они растут. Бабушка тоже, наверное, не знала. Не было никакого смысла искать его и расспрашивать, почему всё сложилось именно так. Значение имело только будущее. Смысл был в том, чтобы не стать таким, как отец.

Завести свою семью и оберегать её, никому не давать в обиду. Но для этого ему понадобится измениться.

Даже, вот например, со словами аккуратнее быть. И исправить их, если получится. А когда у него не получалось то, к чему он стремился? Последний раз в десять лет, – горько усмехнулся Артём, наконец собрав все фотографии до единой в альбом и отнеся его на законное место на книжной полке. Безотказное лекарство от рака ещё никто не изобрёл.

Ажурная стрелка часов перевалила за четыре, и это значило, что автобус из центра уже выгрузил на остановке тех, кто ехал на Дальнюю, в том числе и бабушку. Теперь она на-

верняка ползла к дому, а автобус за её спиной разворачивался, впускал в себя тех, кто с Дальней уезжал, и трогался с места. Ехала в нём и Мира – если не решила, как обычно, соригинальничать и пойти каким-то своим путём. Ну что ж, пусть остынет, времени для того ещё предостаточно. Самое время заняться подготовкой к экзаменам.

И неважно, что всё ещё болит нога. И даже хорошо, что не нужно больше обращать внимание ни на неё, ни на бабушку. Одна пусть сдаёт тоже свою сессию, едет потом на свою долгожданную практику. Мотается по той дыре, куда их привезут, рисует всё и вся. Другая пусть сидит у себя на веранде по вечерам, пялясь в телевизор, и забывая то про вязание, то про пригорающий на плите ужин. Ходит в библиотеку, чтобы пообщаться с такими же бабульками, и в церковь по выходным. Трындит со своей Валеёй у забора... Валеёя же никак не может одна, когда Серёжа её уезжает вахтой, как сейчас, вот к бабушке и липнет.

Валин голос он слышал и теперь – тараторила как заведённая. С каждым разом всё яснее слышалось, как прерывает её низковатым, чуть обиженным голосом бабушка, пока её фраза не повисла в воздухе последней. Скрипнула калитка, раздались усталые шаги и шуршание пакета, и вот входную дверь дёрнули.

Артём снова щёлкнул задвижкой и сразу же повернулся к двери спиной, давая понять, что видеть никого сейчас не хочет.

– Ну вот и всё, вот и всё, – оскорбилась бабушка.

Пока она разувалась, Артём налил воды в кружку и, хорошенько хлопнув дверью, ушёл к себе.

Бабушка шумела водой в ванной, открывала и закрывала холодильник. Потом послышалось бурчание:

– Крошки за собой на столе она кому оставила... Тоже мне хозяйка будет. Ладно с этого чего спрашивать – все они дети в таком возрасте. Но это ведь девушка...

– А с каких пор этим должны заниматься гости? – Артём высунулся из-за двери. – Уж извини меня, я не успел.

Он вышел на кухню, взял тряпку и стал собирать со стола крошки, чувствуя на себе удивлённый взгляд бабушки. Затем вытряхнул тряпку, помыл руки и, через боль пролетев в свою комнату, хлопнул дверью контрольный раз. Больше от этого дня ждать ничего не стоило.

Следом растянулся самый нудный месяц в его жизни. Бесмысленные разговоры на консультациях, вопросы в билетах, которые никогда не понадобились бы в работе после окончания универа – слишком много математики, – чужое щёлканье мышкой в компьютерном классе, тоскливый запах читального зала.

И если на окраинах города, тонувших в зелени, было хоть как-то можно дышать, то тех смельчаков, кто доезжал-таки до центра, лето душило безжалостно. Кондиционеры в кор-

пуге включали через раз. Боль в ноге понемногу отпускала. Приходя на очередной экзамен, Артём заставлял своих однокурсников распластавшимися по стене – и приваливался к ней сам.

Тем летом ему хотелось замереть, ничего не делать, никому ничего не рассказывать, забыть о том, каким выдался май, – и он забывал. Когда заходишь в экзаменационную аудиторию и берёшь билет, легко забыть обо всём, кроме вопросов, которые тебе попались, и задач, которые нужно решить. Концентрируешься на них – и во что бы то ни стало делаешь. Чтобы потом выгрузить это всё в экзаменатора, забрать у него из рук зачётку, где появилась новая строка с тремя буквами «х о р», закрыть за собой ещё одну дверь – и ещё раз забыть.

В коридоре его ждал Лёха.

– Спешишь к своей? – завёл разговор Артём.

– Утром уже проводил, на практику уехала.

– Надолго?

– Недели на три.

Значит, единственная возможность вернуть свой фотик появится ещё не скоро. Грудь начало саднить, но лучше было не подавать виду. Вместе они двинулись к курилке, жить без походов в которую Лёха никак не мог. Артём обычно оставался в корпусе и ждал, пока тот вернётся, но теперь, оказавшись на первом этаже, прошёл за железную дверь, как будто так и было надо, и спросил:

– Дашь одну?

Лёха, многозначительно взглянув, молча протянул ему сигарету с зажигалкой и уселся на кованое ограждение.

А Мира... она вроде бы не курит.

Пора.

Артём вскочил с полной уверенностью в том, что опаздывает, и только потом открыл глаза, чтобы их наполнила тьма. В соседней комнате похрапывала бабушка, за окном стрекотал сверчок, и где-то через дорогу, за пустырьём, лаяли собаки.

Ему уже никуда не было нужно – ни завтра, ни послезавтра. Сессию он сдал без троек, даже все книжки – ни одна из которых так и не понадобилась, это ж факультет прикладной математики – отнёс обратно в библиотеку, а практика начиналась только через неделю. Вот теперь-то ему и будет скучно. Лёха уехал на дачу помогать. Для тренировок жарко. Фотика нет. Можно засесть за С и готовиться к практике, но когда это надоест, что тогда?

Артём привычным движением нащупал на столе у кровати телефон и разблокировал экран. Ещё два нажатия, и открылся её профиль ВК. Фото с аватарки она убрала и поставила вместо него чёрный квадрат. Что, интересно, значит этот перформанс?

Ещё два нажатия, и он в паблике гумфака.

«вчера в 11:30

Искусствоведы 1-го курса приехали на практику в чудный исторический городок Страхов. Здесь им предсто...»

К чёрту. Что там на фото?

Нет. Нет. И тут нет.

Вот. Лёхина Юлька в обнимку с этой, которая орёт у них вечно, показывают виктори пальцами – ага, сессию сдали, чего бы не порадоваться. С ними с десяток тех, кого он впервые видит, и Мира. Вполоборота на подоконнике. Солнечный свет делает чёрные волосы шоколадными... и одета она уже не в платье, в которых ходит в универ, а непривычно – в серую футболку и старые джинсы. А взгляд – страшно думать о том, что он может значить. Легко ошибиться. Ясно одно: она не там, где её сфотографировали, а где-то в другом месте и с кем-то другим.

Артём вдруг ощутил то двухсекундное прикосновение её руки к его руке тогда, накануне выставки. А потом вдруг её руку на его плече на завтра. Увидел её улыбку на следующий день и услышал болтовню, так быстро сменившуюся тишиной на веранде.

Если ничего не получится исправить, он поедет к маме с бабушкой или вообще один. Выйдя в сквер после очередного зачёта перед следующей сессией, он сядет на пустую скамейку, и не в кого будет бросить дружелюбную насмешку.

Но если ничего не получится исправить, мысли на летней практике будут только чище. Он будет думать только о языке

Си.

В конце июля духота развеялась, и дожди принялись за город всерьёз и надолго. В центре даже на автобусных остановках и здесь, под козырьком у входа на гумфак, уже не осталось сухого островка. Начинало темнеть, загорались фонари в сквере через дорогу, и всё расплывалось перед глазами. Редкие прохожие стремились куда-нибудь зайти – кто-то в университетский корпус, кто-то в кофейню неподалёку, – а кто-то со вздохом облегчения садился в машину.

Артём стоял прислонившись к ещё тёплой гранитной стене у места, где все обычно парковались, и ждал. Лёха предпочёл заказать своей Юльке такси, а сам сидел у себя дома, – он же так сделать не мог.

Мира должна была его увидеть. Хотя бы на мгновение. Она не может проскользнуть мимо него взглядом на полупустой улице, и дело совсем не в фотике, который нужно ему вернуть. Уж как-нибудь вернёт, пусть даже и через третьи лица. Дело в том, что...

Что он не хочет больше один. Ни ездить к маме, ни выходить с пар, ни сидеть по вечерам в своей комнате, слушая бабушкин телевизор за стеной.

И в этот дурацкий дождь он притащился в центр с Дальней, потому что хочет быть с ней и для неё.

Она должна была увидеть его и это узнать.

За стеной ливня на перекрёстке ему привиделся автобус в бело-голубых цветах университета. Это не мог быть ничей другой автобус. Она вот-вот будет здесь, и всё решится в какую-нибудь из сторон. Чем меньше времени оставалось, тем труднее было дышать.

Артём не выдержал и сделал несколько шагов вперёд, прямо под дождь. Машина с завыванием промчалась мимо, окатив половину тротуара и заодно его джинсы грязной водой.

Вот тварь.

Только не сейчас.

Одежда совсем прилипла к телу, и кеды промокли. Теперь даже в зонте не было уже никакого смысла. Вот в каком виде он её встретит – такой грязный и жалкий.

На обочине остановился таксист и стал кого-то ждать. Пусть это за Юлькой. Хватит уже мучений на сегодняшний день. Пусть Мира увидит его, но пройдёт мимо, как будто бы ничего – даже той улыбки – не было. Тогда он отправится на остановку, уже шмыгая носом, и будет долго, как обычно все его соседи по району, ждать маршрутки до Дальней. В пути, прислонившись головой к запотевшему стеклу, он напишет Лёхе и спросит, когда подруга его Юльки вернёт фотоаппарат. Вот и всё.

Из мыслей его вытащило то, что ещё один автобус бело-голубой расцветки, теперь уже с гербом университета, остановился рядом с такси. Открылась дверь, и все стали прыгать на тротуар; ускакала в ожидающую её машину белобрысая

Юлька.

А Мира никуда не спешила: сказала водителю что-то, кивнула и вышла последней. Еле-еле разложила зонт, шатким движением перепрыгнула через лужу, поправила ремень дорожной сумки на плече и остановилась взглядом на входе в корпус.

Артём сделал ещё один шаг вперёд, и она шагнула ему навстречу.

– Ну ты пиши, – как бы извиняясь сказала Юлька и понеслась к выходу из университетского автобуса.

Таша кивнула строго и снова уселась на сиденье, чтобы не толкаться вместе с остальными, а просто подождать.

А Мира призналась себе в том, что все они ей за эти двадцать дней до жути надоели. С их вечным шумом, смехом и разговорами о том, о чём вообще не было смысла разговаривать. С их домашним вином, которое они доставали из сумок всякий раз, когда руководители практики закрывались на ночь у себя.

Они и вчера вечером, когда последний день раскопа остался за спиной, это сделали. Вернулись с посиделок у костра, поеденные комарами, и сели в общей комнате, уже чуть притихшие. Смысла оставаться здесь было всё меньше. Все они узнали, что Сретенская церковь построена на фундаменте начала тринадцатого века, и могли с чувством выполненного долга возвращаться в университет уже второкурсниками. Одна она узнала, укрепилась в мысли о том, что всё произошедшее в мае было сплошным обманом: замок ясно дал ей понять.

И вот уже завтра все соберут вещи, проводят взглядом асимметричные ворота из красного кирпича в окне автобуса и через пару часов будут в родном городе. Мира поплетёт-

ся на остановку, чтобы в тысячный раз сесть на расхлябанный автобус до Соринова и потом месяц с лишним, до самого сентября, искать поводы оттуда выбраться. А осенью ей, конечно, станет легче – надо только поменьше смотреть на программистов, которые ходят на физ-ру в корпусе гумфака.

И всё-таки, что бы там ни произошло между ней и замком в самом начале практики, нужно было посмотреть, как там он. Это был последний шанс увидеть, всё ли осталось как прежде. Мира молча выскользнула в коридор, прошла по темноте до скрипучей входной двери и оказалась на улице.

Чем привычнее становились тропинки городка Страхова, тем быстрее они оставались за спиной каждый раз, когда Мире нужно было куда-нибудь попасть. Казалось, уже через мгновения она шагнула в траву, чтобы подойти с другой стороны, там, где ей хотелось больше всего, и ещё через мгновения глыбой встал перед ней сам замок.

Она достала телефон и, хотя ничего уже не было видно, сфотографировала его. Всё равно ведь приглушить и забыть ничего не удастся. Что бы ни случилось – замок оставался дорог ей таким. Дальше он всплывал в голове уже ночью, на границе сна и яви – в тот миг, когда Мира обычно чувствовала, что падает с высоты, вздрагивала от страха и просыпалась в кровати. Только в ту ночь, открывая глаза, она всё ещё видела замок и улыбалась.

И теперь, сидя в университетском автобусе и дожидаясь, пока все выйдут, она тоже почувствовала, как в улыбке рас-

тягиваются губы.

Лил дождь, и Артём был весь мокрый. Прошло две или три секунды, прежде чем Мира окончательно поняла: он здесь, и ей ничего не показалось. Он здесь не случайно, а для того, чтобы её увидеть. Она не настолько обидела его, чтобы вот так, насовсем... и это правда? Может, хоть сколько-нибудь всё-таки обидела, но об этом теперь можно будет поговорить потом, когда появится время. А пока он был весь мокрый.

– На какую надо? – махнул он головой в сторону остановки, и его глаза блеснули в вечернем городском свете.

– Мне в Сориново, – ответила Мира исчезающим голосом, только и успев накрыть его зонтом.

Что мелькнуло в его глазах, она не различила. Артём взял её сумку, накинул ремень себе на плечо, и она вдруг ощутила другую свою руку, не занятую зонтом, в его руке. Идя к переходу, они всю дорогу молчали, стараясь не встречаться взглядами со случайными прохожими и не смотреть друг на друга. Зайдя под козырёк на той стороне дороги, где никого уже не было, они остановились. Нужно было что-то сказать.

– Пятидесятый или семнадцатый, – проговорила Мира. – Хотя, наверное, уже только пятидесятый.

– Я помню, – ответил Артём, хотя никогда не был у неё дома.

Они всё так же молча стояли на остановке, и Мира счи-

тала секунды до момента, когда решится убрать из его руки свою руку. Это было уже слишком. Но когда момент наступал, она назначала следующий такой же и принималась считать секунды уже до него. И снова, и снова, и снова.

Это длилось до тех пор, пока не подъехал, скрипя тормозами, пятидесятый. Тогда Артём всё-таки отпустил её руку, чтобы заплатить за проезд, а потом стать ещё ближе. Дээпэшный пол размокал под грязными ногами набившейся в автобус толпы – подумать только, на улице никого почти не было, откуда их всех понабрали?

Мире только и оставалось смотреть, как убегают вдаль, прощаясь с ней в заднем окне, огни центра. Чувствовать, как он стоит совсем рядом и тоже пытается придержать дыхание. Оставалось терпеть чьи-то тычки в бока, притискиваться ещё ближе и совсем забывать, как дышать. Ждать, пока рассосётся толпа, каждый выйдет спеша на своей остановке и постепенно опустеет автобус.

Тогда в пустоте не было уже ничего плохого – наоборот. Она оставляла место для того, что Мире хотелось увидеть все предыдущие двадцать дней. Можно было признаться в этом самой себе и глядеть, как он сидит напротив, поставив одну ногу на печку. Протирает кружок на запотевшем от дождя стекле и тоже смотрит на то, как убегают вдаль огни. Время от времени бросает взгляд на неё саму, чтобы понять, не пора ли выходить, и даже после того, как за окном исчезают и снова возвращаются признаки цивилизации, держит-

ся спокойно.

Выходить им нужно было за одну остановку от конечной. Когда до неё осталось три, они поняли, что сидят в автобусе одни.

– Вам где? – спросила кондукторша и, получив ответ, махнула водителю в зеркало заднего вида.

С той секунды он гнал, пока не выбросил их там, где они просили. Соскочив с площадки на остановке, Артём подал Мире руку. Она представила то, что уже никогда не сбудется: будто ей предстоит идти до дома одной – а потом проглотила слёзы и расправила плечи.

Пусть он никогда не узнает, о чём она думала. Теперь это было уже не важно.

Я стояла в полумраке подъезда и всё так же боялась дышать. Казалось, будто меня мог услышать кто-то, способный читать мысли и чувства. Нельзя было взять и доверить их другому просто вот так, без стыда. Всё слишком менялось. Развивалось так быстро, как в моей жизни никогда не было. Да что там, это не могло происходить со мной. Настоящая я со своим прежним лицом должна была зайти домой и, оставив за спиной закрытую дверь, сделать что-то, чтобы приглушить в голове этот не-сон, такой чудный, но страшный. Нельзя было оступиться ещё раз, нужна была холодная голова.

А с головой управиться не получалось: перед глазами кру-

тилось то, как он держал меня за руку и мы делили город на двоих. После трёхнедельной разлуки город радовался мне, усталый от дождя, но родной; по сравнению со Страховым надёжный и статный, обещающий счастье. Я всегда любила его таким – но обычно мы встречались не ставя никого в известность, – а теперь смогла разделить это с кем-то... хотя бы на десять минут. Нет, на целые десять минут.

Хватит – сказала я себе тогда. Мама, наверное, уже устала меня ждать. Нужно было сделать нормальное лицо, чтобы предъявить его ей и не вызвать лишних вопросов, но я не могла. И устоять на месте не получалось, что для меня было странно. Она точно заметила бы. Стоило сначала успокоиться.

В подъезде было тихо. Судя по звукам, идущим из квартир, выходить никто не планировал, и я решила зачем-то подняться по лестнице. Преодолела половину пролёта, вышла под свет лампочки и остановилась у зияющего прямоугольником окна. Приоткрыла скрипучие обложки пары советских книг, которые выложила соседка на случай, если кому понадобятся, тронула пальцами гладкие, будто покрытые воском листья её фикуса. А потом вдруг поняла, зачем поднялась, и, заставляя глаза привыкнуть, выглянула во двор.

Чернели деревья. Из арки, куда въезжала машина, отсвечивали её фары и фонари проспекта. Пьяницы мирно болтали на лавочке у соседнего дома. А на железной трубе посреди двора, повернувшись к подъезду лицом и глядя теперь

уже прямо на меня, сидел Артём. Глаза его – я тут же вспомнила, что зеленоватые, – своей силой чуть ли не прожигали темноту.

Так стало ясно и здесь: приглушить и тем более забыть ничего не удастся. И неважно, заметит ли мама по лицу, что со мной что-то не так, а если да, то о чём она подумает и какие вопросы задаст. Теперь всё зависело только от моих решений, а я... не могла больше сопротивляться и с той поры способна была выдержать любой стыд.

Ведь появилось то, что страшнее. Это был вопрос «кто он мне?» – и ответ на него.

Я только и успела определиться с ответом в первый раз, а Артём соскочил с трубы, развернулся круто и пошёл со двора.

– Приезжай ко мне. Покажу тебе то, что в тот раз не успел, – наавтра его голос низко звучал в трубке. – И к речке ходим.

Мира опять сидела у телефона в коридоре, стараясь не обращать внимание на недовольный взгляд мамы. Губы снова сами растянулись в улыбке.

– Часам к трём пойдёт? – спросила она у Артёма.

– Ага, – согласился тот и хохотнул. – Фотик теперь не забудь, тетеря.

– Ах ты... напишу тогда.

Трубка телефона легла на своё место, а Мира прошмыг-

нула в свою комнату к шкафу. После дождя было ещё свежо, но на закате всё обещало исправиться. Одеться красиво ничто не мешало сразу: в тот день на неё глядело бирюзовое платье с бантом. Волосы легли в слегка небрежный пучок, в небольшой чёрный рюкзак нырнули фотоаппарат Артёма, кардиган на всякий случай и трактат Стендаля «О любви», чтобы почитать в дороге.

– Буду к девяти, – сказала Мира маме. – С девчонками в центр.

Мама метнула в неё на прощание ещё более недовольный взгляд. Она задавала подозрительно мало вопросов. Хотя тем было и лучше: не приходилось ничего выдумывать. Потом всё решится само собой, и он обязательно ей понравится.

Иначе было никак. Теперь, казалось, удача и доброе настроение следовали за Мирой по пятам. Даже сориновские улицы смотрели на неё не так кисло, как раньше. Давались погладить наглые бродячие коты, обходы луж оказывались там, где их прежде не было, и туфли оставались чище, чем могли бы быть.

Проспект тоже встретил её теплее, чем обычно. Точно вовремя к остановке подошёл чистенький, почти пустой автобус. Августовский ветер врвался в полуоткрытое окно на ходу и теребил волосы, поток солнечных лучей заливал салон и сквозь покрытое белёсыми разводами стекло грел, как будто могло быть ещё лучше. Когда Мира пересаживалась на

маршрутку до Дальней, центральные улицы словно обняли её и до конца уверили в том, что всё будет хорошо.

Стендаль в своём трактате, говоря о зарождении любви, им вторил:

«Любить – значит испытывать наслаждение, когда ты видишь, осязаешь, ощущаешь всеми органами чувств и на как можно более близком расстоянии существо, которое ты любишь и которое любит тебя».

А потом предлагал присмотреться:

«Дайте поработать уму влюблённого в течение двадцати четырёх часов, и вот что вы увидите».

Дальше должно было начаться то, что Стендаль называл кристаллизацией. Влюблённый видит во всём, с чем он сталкивается, общаясь с тем, в кого влюбился, новые достоинства и восхищается ими.

«В соляных копиях Зальцбурга в заброшенные глубины этих копей кидают ветку дерева, оголившуюся за зиму; два или три месяца спустя её извлекают оттуда, покрытую блестящими кристаллами; даже самые маленькие веточки, не больше лапки синицы, украшены бесчисленным множеством подвижных и ослепительных алмазов; прежнюю ветку невозможно узнать».

Что за кристаллы увидит она теперь, после того, как они вместе разделили город на двоих? И после того, как он смотрел на неё потом в окно подъезда, не желая уходить? Мира запрокинула голову, прислонив её к спинке кресла, и за-

крыла глаза. Перед внутренним взором снова возник замок Махтенбургских и маячил до тех пор, пока маршрутка, уже набитая, не добралась до Дальней.

На улице стало прохладнее, а ветер утих. Кроме гула уезжающей газельки только и было слышно, как звенит что-то в небе. Затем хлопнула дверь несколькими домами впереди, кто-то крикнул устало и вышел за скрипнувшую калитку.

Мира увидела высокого худого мужчину лет шестидесяти в камуфляжной одежде, идущего ей навстречу с топором в руке. Он шёл медленно, склонив морщинистое лицо, как бы нехотя и вместе с тем понимая, что надо, – и завернул вдруг к калитке Артёма.

Мира остановилась, чтобы решить, идти ей вместе с ним или подождать, а мужчина приблизился к двери и вздохнул.

– Ну что, бабушкин защитничек, – бросил он, поставив топор у стены на крыльце.

2014-й

Когда дядя Серёжа, да ещё с таким многозначительным видом – ясно было, что взял далеко не поделиться с соседом, – поставил топор у стены на крыльце у Нагиных, я видела его в первый раз и решила, что он слегка того. В груди что-то провалилось вниз, и обнажилась та самая пустота, которую я частенько встречала тогда во снах воплощённой.

Ну они тут и живут, конечно, – подумала я тогда. И каково Артёму здесь с его горячностью приходится. Не натворил бы

чего-нибудь кто из них...

Теперь, почти два года спустя, я думаю – да нет, знаю, – что того был не дядя Серёжа. И ещё вот что знаю: даже если чувствуешь, куда смотреть, видишь порой совсем не то, что следовало бы. А то, что нужно было изначально, открывается твоим глазам слишком поздно.

Когда то, что даст тебе другой, станет твоим безвозвратно.

Сидя в одном из тёмных сориновских дворов, Артём во все глаза глядел на выросший перед ним дом. На эту, казалось бы, обычную серую пятиэтажку хотелось смотреть взахлёб, так, как если бы это всё ещё была Мира, уходящая. Потом она на самом деле, будто услышав его, почувствовав, появилась в окне подъезда. Всё внутри словно сжали в кулак и рванули – вот он и сбежал позорно, держа в голове последнее, что осталось у него в тот вечер: её немного испуганный взгляд.

В каком-то смысле дом и вправду мог хранить в себе её или хотя бы её частичку: Мира ведь жила здесь, и даже не один год, а вроде бы почти десяток. И это было совсем не так, как у Артёма.

Сам он вырос на Дальней – там, где за калиткой, на другой стороне улицы, открывалась полная свобода. Можно было, никого не спрашивая, уйти глубоко в рощу. Идти долго, пока она не начнёт редеть, и за ней, держа в руках травинку, отыскать новый выход к речке. А можно было остаться у дома и сидеть в тишине, слушая, как хозяйничают в своих домах соседи и в конце улицы кричит петух.

Мира выросла здесь – а здесь за домами, на которые она, должно быть, смотрела по утрам из окна, шумели машины. По дворам с лаем носились бродячие собаки, орали местные,

и пахло здесь не рекой и травой, а железной дорогой: где-то вдалеке нет-нет да и выдавал гудок поезд. За одной серой пятиэтажкой выскакивала другая и скалилась окнами третья; когда расступались другая и третья, показывался ещё целый выводок кирпичных коробок, и где-то между ними можно было выйти на закованный в бетон берег водохранилища.

Перейдя трясущийся железнодорожный мост, Артём в холодеющей ночи три часа добирался до Дальней. Прошёл по лесу, где увидел следы кабана, двинулся мимо кладбища, где осталась мама, уже на слабеющих ногах добрался до постели и упал в неё абсолютно счастливым.

Назавтра Мира дала ему ещё пару десятков слов и несколько мимолётных шуток. Он крутил их в уме и ждал, когда настанут назначенные три часа. Оставались минуты, когда хлопнула вдруг дверь у Кузьминых, протянулись мимо забора тяжёлые шаги соседа и послышался стук в дверь.

Тут же всплыло в уме лицо бабушки. Всякий раз, когда Артём ей грубил, она долго куксилась и не хотела как следует поговорить, разве что бурчала что-то себе под нос. А потом шла к Кузьмину и ему, похоже, плакалась. О том, как устала, да и вообще вырастила на свою голову, теперь не знает, как справляться, – хотя, можно подумать, Артём когда-нибудь выходил из себя без причины. А Кузьмин, как у него появлялось свободное время, являлся с выяснениями отношений.

Вот и теперь он вернулся с вахты, и всё обещало быть как всегда. Угрозы – как будто бы не понимал, кому угрожать

собрался; потом перебранка, а за ней долгий нудный разговор с воспоминаниями о том, каким человеком воспитывали его мама и бабушка, как помогал им Кузьмин и почему он чуть ли не заменил Артёму деда. А сейчас было ну совсем, совсем не до этого. Он ждал.

– Да погоди ты, старый, – процедил Артём и схватил телефон.

В уже открытом диалоге с Мирой чернели буквы:

В чём дело?

Чёрт. Значит, она стоит прямо за калиткой и уже его видела. Такое Артём испытывал только в детстве, когда в автомате с игрушками трофей вдруг выпадал из щипцов, несмотря на все попытки донести его до конца. Пальцы умоляюще забарабанили по экрану:

я потом всё объясню

найди где присесть, а я пока разберусь и потом к тебе выйду

на остановку, наверное

обещаю

только жди

Теперь дело было за ней, а уж он постарается всё уладить как можно быстрее.

– Ты здесь чего? – Артём уставился на соседа, открыв дверь.

– Не тыкай. – Тот шагнул ближе. – Разговор есть.

– У меня без твоих разговоров дел полно.

Дальше между ними легло молчание. Кузьмин стоял на крыльце и смотрел прямо в глаза Артёму. Тот закатил глаза и выдохнул:

– Да ну ладно, ладно. Пять минут...

– Как только я за порог... – Кузьмин просунул руку в дверную щель, открыл дверь и втолкнул Артёма на веранду. – Так ты сразу за своё берёшься.

– За что я брался-то, старый?! – ошалело выпалил Артём, чувствуя на себе взгляд в упор, и продолжил уже мягче: – Меньше в вещах моих лазить нужно, вот что я объяснял и баб Оле, и твоей Вале.

– Вещи-вещами. – Сосед закачал головой. – Нужны нам твои вещи. Никто их у тебя не отымет.

– Уж постарайтесь, – Артём скрестил руки на груди.

– А бабушку беречь надо. Иначе то кто у тебя на свете останется?..

– Да вы разве.

– И правда что. Тоже мне цуцик.

Кузьмин вздохнул всё так же горько, но уже примирительно, и стал поправлять сбившийся коврик у двери.

– Девчонка твоя?

– М... – нужное слово застряло в горле, прежде чем Артём успел решить, правдиво оно или нет.

– Ну да бог с вами. Пойду я, – сказал сосед и напоследок, уже почти за дверью, добавил: – Смотри мне только... и тут тоже.

Только хлопок двери заставил Артёма понять, что разговор окончен. Это было что-то новенькое. Неужели приход Миры заставил Кузьмина вести себя по-другому? Может, тогда и бабушка с ней уймётся, и они все заживут в идиллии, о которой он мечтал с детства, но так никогда и не видел?

Может-то может – сейчас всё это зависело от его действий. Артём разблокировал телефон и не увидел в диалоге с Мирой ничего нового, хотя то, что он отправил, было прочитано.

Мир, – начал он и остановился, увидев, что она прочитала сообщение сразу.

Тоже с открытым диалогом сидит, – усмехнулся Артём. – Твоя, значит, девчонка, спрашивает старый. Вот тебе и ответ.

Мир

я всё уладил

приходи

чайник же ставлю, да?

ты тут?

Сообщения сразу становились прочитанными, но оставались без ответа. Секунды шли, собираясь в минуты, но ничего не менялось. Поменять всё мог только он сам. Артём нашёл контакт на втором месте в избранном и нажал кнопку вызова. После двух гудков Мира взяла трубку, но продолжала молчать, а на фоне был слышен шум двигателя.

Вот так, значит? Артём сбросил вызов и молча сел в крес-

ло на веранде. Просто сидел и ничего не делал до тех пор, пока не вернулась, разрешив свои дела, бабушка.

Тогда за окном были уже сумерки, а Артём всё так и не включил свет на веранде. Бабушка поймала его выражение лица, ещё разуваясь на входе, и в ту же секунду смутилась и дрогнула. Он подошёл к ней, чувствуя, как дрожит подбородок, и обнял, а она, такая тёплая и мягкая, но слабеющая от старости, обняла его в ответ. Артём пообещал, что больше не даст её в обиду даже себе самому.

Затем они долго сидели за столом, пока невесть откуда не полетели мотыльки. Ели бутерброды из булки с вареньем, запивая их кто чаем, а кто молоком, вспоминали его детство. Подбородок всё ещё дрожал, и Артём старался не показывать этого, а бабушка делала вид, что не замечает, но, наверное, всё понимала. Наевшись, он принёс из своей комнаты фотоальбом, а она – из своей. Тем вечером у него появилась пара новых фотографий мамы, которых он раньше не замечал или не хотел замечать.

Тем вечером он почти забыл, что хотел бы делить воспоминания не только с бабушкой.

Проснулся он так же рано, как обычно в последние дни и просыпался. В руке лежал телефон, и пара уже ставших привычными движений показали: Мира повторила свой перформанс – на аватарке вместо фотки с практики стоял чёр-

ный квадрат. Не помня себя, Артём оделся и без завтрака вышел на улицу.

Дальняя только начинала раскачиваться, и когда он сажился на маршрутку, работать локтями не пришлось. Потому что сам он толком пришёл в себя лишь тогда, когда пересел в центре города на пустой пятидесятый. В Сориново почти никто не ехал, кроме рабочих местного завода, – зачем это надо было кому-то в августе в восемь утра?

И всё-таки он сегодня был здесь. Сидел на той же самой трубе, откуда хорошо просматривался подъезд, наблюдал за теми, кто оттуда выходит, и в каждом старался различить знакомые черты. Через полчаса вышла бледная, приземистая темноволосая женщина – похожая. Артём вцепился в неё взглядом, как будто мог удержать её хоть на секунду дольше, а то и заставить не уходить вообще.

Но она тоже ушла, не оставив ответа о том, кто она и не может ли быть её мамой. Только и оставалось теперь перебирать то, что запомнил за последние два дня, а потом снова, и снова, и снова смотреть на дом, выпитывая его в себя без остатка.

Напоследок Артём решил подойти ещё ближе. Тронуть его холодную серость, убедить себя в том, что делает это в последний раз, и наконец уйти – по-настоящему. Он встал, приложив ладонь к кирпичной стене, запрокинул голову и закрыл глаза, чтобы вдохнуть ослабевший за ночь запах железной дороги, и вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд

и снова их открыл.

В окне первого этажа прямо над ним сидел толстый рыжий кот. Помахивал хвостом и смотрел презрительно, как бы насмехаясь. Можно подумать, знал Артёма и был в курсе, что тот думает о его хозяйке.

Да, это был её кот.

Это его фото она присылала, когда он что-нибудь творил или хотя бы принимал, уснув, забавную позу.

Артём скакнул чуть в сторону, взял торчащую в высокой траве длинную ветку и стал скрести ей по оконному стеклу. Сначала кот смотрел на него, как на глупца, а потом начал стучать лапами по стеклу, играя. Они играли до тех пор, пока не сдвинулась штора и не пришла, хихикая, Мира.

При виде Артёма улыбка сразу сползла с её лица, и оно застыло в глуповатом выражении, которое принимало всякий раз, когда она не знала, что делать дальше. Если Мира смотрела на него так, Артём вспоминал: она тоже в это всё не верит.

Ведь это всё нелепая игра, которая обязательно когда-нибудь закончится.

Поддерживая эту игру, он жестом показал, что приглашает её выйти на улицу, а она мотнула головой, имея в виду, что нужно, наоборот, зайти. И вдобавок показала пальцами тройку – видимо, номер её квартиры.

В подъезде в нос хлестнул запах чего-то жареного. Золотистая тройка висела на старой стёганой двери. Когда он по-

дошёл, дверь тут же отворилась и рыжий наглец в нетерпении чуть не выскочил наружу. Артём же оказался внутри – и везде, во всём была она. Вот в этом тесном, оббитом панелями коридорчике она каждый раз собиралась в универ, в этой выглядывающей через дверной проём кухне она каждое утро пила чай...

Не успев увидеть ничего ещё, Артём почувствовал себя в её объятиях: её разом стало так много, как раньше он себе позволить не мог. И теперь, в отличие от того, что он помнил из того вечера в набитом автобусе, не нашлось больше удобного повода.

Она тоже просто хотела с ним быть.

В тот день Миры было больше, чем Артём вообще мог себе представить. Из-за этого на него легла страшная тревога. Следила за ними со стеллажной полки та самая картина с рыцарем, кот скрёбся в закрытую хлипкую дверь, мялись простыни; минуты, часы летели, сшибая всё и растворяясь в обжигающем тепле, а потом застыли, показав, как лучи света шарят по её бледной, покрытой мурашками коже.

Потом она села так, что скрипнул диван и волосы разметались по бёдрам, обхватила руками живот и легла к себе на колени, а Артём тупо смотрел ей в спину и улетал мыслями куда-то далеко. Так далеко, что весь день с самого утра вдруг показался ему мелким, глупым, не заслуживающим внима-

ния. В одну из минут ему даже почудилось, что он стал к Мире равнодушен, но пришлось вернуть себя в колею.

– Не смотри на меня. – Мира встала и начала, торопясь, надевать футболку. – И вообще, мама уже скоро приедет.

– Раз так, – сказал он, мысленно оглянувшись назад, – я останусь, и...

– И?

– Мы познакомимся.

Она, заканчивая одеваться, взглянула на него так, будто это её добило. Ушла в кухню, поставила чайник и осталась там. Артём же встал, тоже наспех оделся и остановил взгляд на столе. Ну и бардак. Куча скетчей, застарелая баночка с серо-бурой водой из-под красок, разбросанные карандаши, конспекты и мелко исписанные, полуоборванные тетрадные листы, комья бумаги, не долетевшие до корзины в ногах...

В корзине поверх всего лежал несмятый набросок человеческого силуэта, бесплотного, чуть ли не похожего на призрак. Лицо его Мира, видимо, не успела нарисовать или, как часто бывало, отвлеклась. Она вообще нередко вела себя ветрено, но это было поправимо. Ведь правда?

Ещё с полчаса прошли в смущённой тишине и безделье, пока не послышался стук в дверь и Мира не помчалась в коридор, чтобы открыть. В квартиру, отряхивая ноги, зашла та приземистая темноволосая женщина, которая выходила из подъезда утром. В её глазах мелькнуло узнавание, и лицо расслабилось в приветливой улыбке.

– А ты...

– Артём.

– Елена... Александровна, если хочешь.

Он решил, что пока хочет, и после небольшого промедления все уселись за стол. Ели разогретую тушёную картошку с мясом и глядели друг на друга неловко, не зная, что делать, – Артём в такой ситуации был в первый раз, но пока не успел узнать, в первый раз ли были они. Разговор понемногу клеился, все узнавали друг о друге основное, то, что пока не успели узнать, и делились планами на будущее. Когда тарелки опустели, по лучшим чашкам разлили принесённый с дальней полки шкафчика чай. Хлебная почти кипяток, Артём козырнул своим программированием и заметил в глазах Елены Александровны уважение, а в ответ спросил:

– А как вы позволили ей на такую специальность поступить?

Она отодвинула голову назад, будто пытаюсь понять, то ли расслышала, и рассмеялась.

– В смысле позволила?

Артём посмотрел на неё в упор, краем взгляда видя, как напряглась Мира, и она уже спокойно продолжила:

– Я, конечно, не в восторге была... И не знаю, куда она потом пойдёт со своим искусствоведением. Но это её выбор.

Мира заёрзала на сиденье и встряла в разговор, окатив Артёма осуждающим взглядом:

– Давайте сменим тему?

Так нависла досадная тишина. Пока все трое допивали свой чай, лицо Миры – такой залом на лбу совсем не подходил для восемнадцати лет – понемногу смягчалось. Она встала из-за стола первой и отошла, а Елена Александровна ещё раз посмотрела на Артёма любуясь, но с ноткой серьёзности, и нарушила молчание:

– Мне же нужно видеть, с кем общается моя дочь. Бывает сложно, но в случае чего я её в обиду не дам. И знаешь... я тебе доверяю.

Он вспомнил, что обещал себе о бабушке, и жёстко кивнул. Внутри как будто лопнула пружина, и тот день наконец дал ему расслабиться. Он измотал Артёма, но совсем не так, как было, когда тот ездил к маме, – так можно было изматываться сколько угодно. Но, казалось, таких утомительных и вместе с тем счастливых дней в его жизни больше не будет.

Они с Мирой вышли из подъезда вместе, когда уже потемнело, и ещё минут десять стояли обнявшись. Вечер всюю остывал, и кусали комары, но теперь это было легко терпеть, потому что появился какой-то смысл.

– Я больше не буду говорить чушь, – прошептал, чувствуя, что пора оторваться от Миры, Артём.

– А я убежать, – продолжила она. – И всё у нас...

– ...будет хорошо, – закончили они вместе чуть вразлад.

С тем, чтобы всё стало хорошо, смысла тянуть не было.

Когда Артём скрылся в арке, Мира повернулась к двери и набрала код двести сорок восемь. Дверь подъезда поддавалась с трудом: живот болел так, что хотелось согнуться пополам. Такое в жизни было впервые. Впервые было и то, что Артём ей не поверил.

«Ты преувеличиваешь», – отрезал он, и сумасшедшая нежность, какой Мира никогда не чувствовала прежде, сменилась желанием оттолкнуть его от себя посильнее и заплакать как ребёнок. Уйти с его глаз, чтобы не наговорить лишнего и не сорваться.

«Дурёха», – бросил он и потом сразу же забыл обо всём этом, чтобы больше не принимать во внимание и не обсуждать.

«Если тебе кажется, что я хочу тебя обидеть, это значит, что ты неправильно понимаешь смысл мною сделанного и сказанного», – как бы в знак примирения выдал он. Мира попыталась вспомнить эти слова потом, когда сидела на кухне и слышала критику в свой адрес, и почти сдержалась.

«Давай решим все проблемы заранее и сразу. Повторяй за мной, – командовал Артём позже, обнимая её у подъезда. – Если мне кажется, что ты хочешь меня обидеть...»

Мира, чувствуя абсурдность ситуации, отстранялась, смотрела на него в упор и видела, что он предельно серьёзен.

Серьёзен до такой степени, что в ней опять неизвестно откуда начинала разгораться сумасшедшая нежность. Еле удерживаясь от смеха, она повторяла то, что просили.

«...это значит, что ты неправильно понимаешь смысл...» – с улыбкой продолжал Артём.

Она повторяла, уже теряя смысл слов, и рассыпалась в хохоте, а он смеялся вместе с ней. Расслабившись, они снова обнимались и начинали строить планы.

Дальше следовало познакомиться с его бабушкой, а затем провести самый счастливый август на свете. Чтобы перейти ко второму пункту, нужно было без сучка и без задоринки пройти через первый, а для этого хорошо всё продумать. Произвести правильное впечатление – второго шанса ведь не дано, – как подобает одеться и обязательно взять с собой в гости приятное настроение.

Что бы ни случилось.

И никакая боль в животе не должна была этому помешать.

Именно так я это себе и представляла. Вот я уже не в первый раз вхожу в его дом, только теперь мне ещё труднее вести себя естественно. Усталость от новизны накапливается и выливается в нечеловеческую раздражительность. Я и вчера весь вечер чувствовала себя не в своей тарелке – но хорошо, что хоть это уже позади.

Осталось сделать аналогичный жест в ответ, и формаль-

ности наконец будут соблюдены. А чтобы все остались довольны, при его бабушке стоит вести себя поприличнее. Он даже попросил меня надеть то закрытое серое платье. Вот я и...

Стоп.

Я что, проспала?

Фух-х, полчетвёртого. Надо бы ещё часок поспать, а то потом стрижи заорут.

Из приоткрытого окна уже пахнет утром, а перед глазами уже не тьма – так, серость. Причудливые орнаменты на грани сна и яви ходят волнами, то собираясь в единую сумасшедшую круговерть, то рассыпаясь на мельчайшие песчинки. Да засну я теперь или нет?

Погоди-ка, а на том платье не сломана ли молния? Ох, как же сложно разлепить глаза. Щёлкнула выключателем – вообще больно стало. Да господи, где оно... Сама место хотела сэкономить, повешала по пять вещей на одни плечики, теперь вот мучайся. Хм, точно здесь.

А, так вот оно, я ж его тогда носила в ателье зашить, чтобы было в чём в универ ходить – сентябрь на носу. Интересно, влезу? Летом всегда просто кошмар, одни отёки.

Ну вот почему, спрашивается, так сложно примерить его вчера вечером... Да, день насыщенный выдался, да, устала. Но ведь сегодня меня ждёт день не легче – и хорошо бы поспать, верно? А я уже сама себя растормошила и лезу в платье.

Влезла. Да и вполне себе неплохо сидит. Жарко, наверное, будет, но мы всё-таки договорились. Договорились... если это можно так назвать. Упёртый он до крайности. Только, наверное, потому и могу терпеть, что сама далеко не подарок.

– Тебе идёт.

Что? Кто здесь?

Шарахаюсь так резко, что на секунду всё меркнет. А когда зрение возвращается, в глаза врезается пустота его лица. Та же бездонная пустота, что и тогда, когда я видела его в последний раз. Сидит ссутуленный на моём стуле, закинул ногу на ногу и подбородок уткнул в запястье. Смотрит внимательно, так, будто бы есть чем смотреть. Бросаю взгляд на свои руки и не вижу их – значит, всё же сплю.

– Ты... да меня так инфаркт хватит, – рывком выдыхаю я.

Руки на впалой груди скрестил и молчит.

– Но меня радует, что прогресс уже есть. – Я снова судорожно вдыхаю. – Ты всё-таки появился, а ведь уже давно не являлся. И сделал больше – хоть что-то сказал.

– Да уж, и как она тебе только разрешила поступить на гумфак, – отвечает безлиций, будто бы меня не слушая: – Нечего было получше придумать?

Похоже, это всё-таки Артём. И голос у него здесь почему-то противный-препротивный. Чуть ли не скрежещет в ушах.

– А что, по-твоему, лучше?

Вчера рот не смогла открыть, так хоть сейчас наверстаю

упущенное.

– Поприземлённее что-нибудь, с ясными перспективами, – закашливается он. – Кем-то же нужно потом работать.

– Ну не всем же учиться на нелюбимых технических специальностях, как тебе, Тёма?.. Ладно, зато маме моей понравился. «Он создаёт впечатление надёжности». Да, с этим спорить не буду, да и с тобой соревноваться. Куда уж мне.

Надо же, а наяву у меня так говорить не получается.

– Мимо, Мира. Даже если трактовки гуманистических чём-то да основаны, они и то не всегда верны, – усмехается безлиций. – А твоя... ты уверена, что во всём разобралась?

– Более чем. – Хотя на самом деле я уже совсем ни в чём не уверена. – Слушай, а что случится, если я всё-таки в красном платье приду? Или в бирюзовом? Не под землю же я провалюсь, нет?

– Возьми да сама проверь, что случится, – говорит он, пересаживаясь подальше, на подоконник.

У меня всплывает что-то в груди. Он говорит одновременно обо всём сразу и ни о чём конкретно, а я ничего не понимаю.

В чём-то даже хорошо, что он опять замолчал, – не раздражает меня больше. Секундная стрелка часов будто бы зависла на одном месте, хоть я и знаю, что они не сломаны. Кажется, это сломано что-то во мне. Хотя не произошло вообще ничего такого, что могло бы меня сломать.

Я снова бросаю взгляд на безлицега, чтобы продолжить

разговор, а пространство вдруг начинает вибрировать, куда-то меня выталкивая. Платье летит на спинку стула, а я сползаю на постель... и просыпаюсь. В комнате никого нет, и на спинке стула ничего не висит.

2014-й, дневник Миры

Ну что ж, дорогой мой дневник. Впервые обращаюсь к тебе так открыто – у меня никого уже не осталось. Я всё так же окружена людьми ещё больше, чем раньше, но теперь одиночество даже перестало быть иллюзорным.

Как это случилось? Больно так думать, но... я сама привела себя в эту точку. Каждым из своих прежних выборов и шагов.

Этот путь очень напоминает сходжение с пирамиды.

Изначально на её вершине стояли рядом два человека – я и тот, кто был мне близок. Мы друг друга стоили и могли друг друга понять. Были даже похожи. Но всё-таки оставались отдельными личностями, и когда кому-нибудь из нас или обоим сразу приходилось делать выбор, мы в глубине души делали его каждый самостоятельно, потому что сами отвечаем только за себя и свою жизнь.

Сделав какой-нибудь мелкий, будничный выбор, мы не всегда задумываемся о том, к чему он нас приведёт, но нередко чем бы то ни было оправдываем его. Обстоятельствами ли, чьим-то мнением – неважно. Важно то, что зача-

стую мы держимся за то, что вполне может оказаться ошибочным. Это же всё пустяк – лишь один мелкий шаг. Что он может сделать такого с нашей жизнью? Ничего.

Думая так, я шагнула вниз, к основанию пирамиды, а тот, с кем мы стояли на вершине, тоже сделал свой шаг вниз и в сторону, которую выбрал он сам. Куда бы он ни шагнул, пусть даже в сторону, противоположную моей, – мы всё ещё не ушли далеко друг от друга и держались за руки.

Потом мы делали ещё один такой же мелкий выбор – и снова шагали. И снова оправдывали себя, ведь ничего же по сути не изменилось. И продолжали идти.

Шаг, ещё шаг – и, так как мы с тем человеком пошли разными путями, настал момент, когда нужно разорвать руки. Мы отпускали их и оправдывали это тем, что всё ещё слышим голоса друг друга, а остальное нам, может быть, не так уж и нужно...

Подходя к основанию пирамиды, мы уже не слышали и не видели человека, с которым стояли на вершине, порой даже не думали о нём и сильно удивлялись тому, что произошло.

Так вот, когда мы стояли у подъезда обнявшись, мы были на вершине пирамиды. На следующий день я, выбрав серое платье – какой пустяк, – шагнула вниз, к основанию, а Артём выбрал другую сторону пирамиды (или это я выбрала другую сторону?). Тогда это было совсем не заметно, и моя рука пока ещё оставалась в его руке.

Пока, только пока, – но знала бы я, к чему меня... то есть

нас это приведёт.

«Возьми да сама проверь, что случится», – сказал безли-
цый во сне, а я решила не проверять. Но если бы проверила,
то всё могло сложиться совсем иначе. Ведь правда, дорогой
дневник? Правда?

А с Юлькой – даже и писать нечего.

Снова август 2013-го

– Совсем ты у меня уже взрослая. – Мама, любуясь, стояла
за спиной у Миры и наблюдала за тем, как та стоит у зеркала
перед выходом на улицу. – И такая серьёзная, строгая даже
в этом платье.

– Да ну тебя, – отмахнулась Мира, чувствуя, как в груди
расползается досада.

Сзади послышался вздох, и мама ушла в кухню, по-доб-
рому усмехнувшись напоследок.

– Смотри, с таким-то характером долго ли он тебя вытер-
пит. – А потом попрощалась, попросив быть аккуратнее, и
закрыла за Мирой дверь.

Про характер мама явно преувеличивала – Мира ведь пы-
талась идти на компромисс и в этой мелочи поступить так,
как советовал Артём. В конце концов, он ведь лучше знает
свою бабушку.

Тем более, он обещал, что Мира обязательно ей понравится,
и когда-нибудь они станут важными друг для друга

людьми, которые, что бы ни случилось, будут держаться вместе. Будут семьёй.

Приходя домой с учёбы или работы, сделав все дела, они будут закрывать дверь, оставляя за спиной тот, чужой мир с его пылью, грязью и шумом и попадать в другой мир – свой. Там их дождутся исходящая ароматным паром сковородка на плите, тёплый свет лампы у кресла, балаболящий фоном телевизор, без которого бабушке, как рассказывал Артём, тяжело обходиться...

Точно ли они захотят жить с бабушкой там, на Дальней? Этого пока ещё не обсуждали. Но это, наверное, не так важно. Совсем скоро у Миры появится дом, где всё вокруг будет помогать ей и её радовать. Артём обещал. Но тогда придётся оставить за спиной тот дом, что есть у неё сейчас.

«Отрезанный ломоть» – вдруг вспомнилось то отдающее позапрошлым веком выражение, которое использовала мама, когда имела в виду, что настанет момент и Мире придётся отделиться от неё насовсем. Раньше эти слова не говорили Мире ни о чём, но теперь пугали.

Когда она станет отрезанным ломтём, мама останется совсем одна, и, наверное, заскучает Пират. Прежний дом, раздражавший тем, что в нём всё разваливается, обернётся вдруг до странного не своим и одновременно тем, за что памятью хочется держаться. Последним пристанищем, которое будет, когда не останется больше ничего другого.

«Ты всё ещё маленькая девочка», – продолжит, скорее

всего, говорить мама, а вера в эти слова будет мало-помалу испаряться, пока не исчезнет вовсе. Слышать эти слова будет немного больно, да и смотреть, как что-то в доме меняется или, наоборот, пусть и покрываясь трещинами и сколами, остаётся прежним. Больно будет в любом случае.

Ей захочется забыть дом, где она была маленькая и совсем одна, но она ни за что не сможет.

Но пока до этого было совсем ещё далеко, и Мира жила с мамой, хоть уже и не маленькая, и делала свои первые шаги в будущее. После того, о чём она только что мечтала, улица Дальняя стала для неё ещё ближе. На неё даже получалось смотреть так, будто Мира не приехала сюда всего лишь третий раз.

Теперь здесь стояло тихое и безлюдное утро. Тут и вправду было уютно, хоть улица и расположилась где-то на отшибе. До самого горизонта только с одной стороны жались дома. Через ухабистую, давно уже обходившуюся без ремонта дорогу лежали пустыри, а за ними шла лиственная роща. Сейчас, перед сентябрём, она напивалась приветливыми лучами солнца, ветер качал верхушки деревьев, и где-то в глубине души казалось: так было здесь уже очень долго, так будет всегда, и можно сполна этим наслаждаться.

Нужная калитка оставалась приоткрытой: Миру ждали. Она прошла через узкий, тесный дворик, в первый раз обратив внимание на то, насколько он завален то тем, то сем, и постучала в покрытую облупленной краской дверь.

Артём открыл её и радостно шагнул назад. Мира тут же тихо прильнула к нему щекой, заметив, что бабушка стоит спиной ко входу и её не видит. Потом сухонькие плечи, обтянутые выцветшим халатом в цветочек, обернулись навстречу, а рябые, морщинистые руки раскрылись в объятиях:

– Да ты ж мой лапик...

Мира обняла бабушку в ответ и ощутила на своём плече её подбородок. Артём застыл в блаженной улыбке, а потом вдруг увидел, что на него смотрят, и смутился.

– Ольга Михайловна. – сощурилась бабушка из-под роговых очков с толстыми стёклами.

– Мира.

– Мирослава? Чувствуй себя как дома.

В следующие пару часов захотелось позавидовать Артёму за то, что у него есть бабушка. За то, что он её знает, она жива и с ней можно сидеть вот так за столом, есть её еду и слушать истории про советские времена. Учёбой на искусствоведа бабушка заинтересовалась, спросив на всякий случай о том, кем Мира будет работать, но, судя по всему, не услышала ответа, который мог бы её удовлетворить, и доверительно закивала.

Дальше они болтали о том о сём, пока не собрались обедать. Тут Ольга Михайловна резво организовала на кухне совместную готовку: Мира чистила, потом резала картошку для жарки, слушая советы бабушки, лепившей котлеты из

куриного фарша, а Артёма послали за зеленью на грядку. Когда всё было готово, они сделали ещё и салат из помидоров и огурцов, достали из кладовки компот, уселись за стол и ели, пока не взяла сонливость.

Потом Артём вдруг сказал: «Ну ладно, ба», – и встал из-за стола. Они вместе с Мирой, совершенно сытые и довольные, вышли из дома – воздух уже разогрелся понемногу – и ушли в рощу. Как он и говорил раньше, за ней была речка, на берегу которой Мира сидела, бултыхая ногами в воде и удивляясь тому, что родной город может радовать её и таким.

Артём, оставив её на берегу и сделав таинственное лицо, отошёл ненадолго и вернулся с охапкой пахучего вереска – он тогда как раз зацветал. Захотелось вдруг расплакаться: казалось, лучше быть уже просто не может.

Но было лучше и лучше. Вечером они посидели за чаем, а затем Мира вдруг посмотрела на часы – и поняла, что уже поздно, а она совсем забыла о том, сколько сейчас времени и где она находится. Ольга Михайловна поймала её взгляд и предложила остаться на ночь. Внутри всё сжалось: что же скажет мама? Ведь ещё совсем недавно мама была недовольна, когда Мира уходила гулять надолго, не рассказывая о том, с кем и куда идёт. Но мама, против всяких ожиданий, ответила по телефону так, будто всё было в порядке вещей.

Потом снова пришла непривычная, режущая боль, которая отдавала в живот, – только теперь пришлось вести себя ещё тише, – и вскоре Артём засопел. А Мира старалась за-

чем-то не сползти в сон и, лёжа у стены на тесной полуторке, смотрела на то, как трогают стены тени ветвей, похожие на чёрные щупальца неведомого и потому страшного создания. Это были деревья той самой рощи, которую она видела утром, и они намекали ей на то, что всё может сложиться совсем не так, как она себе придумала. Всё может разорваться, причём очень быстро, как почти разрывалось уже не раз. Она может его потерять, и виновата в этом будет она сама.

Мира посмотрела на Артёма: он был таким тёплым и к нему так тянуло. В этом доме всё пахло им. И вот почувствовал на себе её взгляд и заворочался, а потом нехотя открыл глаза.

– Ты чего не спишь?

А глаза у неё не закрывались, и она ничего не могла ответить. Артём вздохнул, буркнул, что теперь не сможет заснуть, и включил светильник у кровати.

В ту же минуту стало легче, и по телу Миры разлилось чувство, что она в безопасности. Артём зевнул, встал с кровати – та скрипнула – подошёл к книжному шкафу, взял что-то с полки и сел обратно.

Это был тот самый альбом, из-за которого тогда всё чуть не разорвалось.

Артём тихо, аккуратно, словно это было живое существо, которое он мог неосторожным движением покалечить, открыл обложку, улыбнулся и показал первую фотографию. Мира скользнула пальцами по файлу и улыбнулась в ответ.

– Она такая красивая...

– Была, – отозвался Артём и, видя в её взгляде вопрос, кивнул.

Мира взяла альбом в руки, стала медленно переворачивать страницы и рассматривать каждую фотографию, пока вдруг не выдохнула шумно и не положила голову к Артёму на плечо. Он ласково потрепал её по волосам и тоже выдохнул.

Хотелось бы ей, чтобы так было всегда.

Затем небрежным карандашным наброском прочеркнулся август. Мама всё ещё вела себя так, будто всё было в порядке вещей, разве что проскакивали иногда ироничные интонации. Настороженно нюхал Миру Пират, и неспроста: запах Артёма преследовал её везде. Нет-нет да и наставлял момент, когда она дёргалась, улавливая его совсем рядом и понимая, что всё это был не сон.

Серое платье понадобилось ещё и ещё раз, совсем скоро, когда наступил сентябрь. Начало занятий не казалось уже таким праздничным, как год назад, – теперь они стали второкурсниками. Перваков гумфак встретил актовой лекцией Полева – идя по коридору, Мира увидела, как сгрудилась вокруг профессора заинтересованная толпа новых студентов и студенток; а про тех, кто старше, будто бы все забыли. Это была уже их обыденность, отнимающая сон, время и силы.

Заспанным утром второго сентября все пришли к первой паре и собрались на лавочке рядом с вахтой. Дальше никого не пускали: уборщица мыла пол. Зайдя в корпус, Мира замешкалась у турникета, пока выискивала пропуск в кармане, и среди однокурсниц, посмотревших на неё, повисла тишина.

– Мы тут как раз говорили о... – сказала Юлька, переглянувшись с теми, кто сидел рядом.

– О ком? – уточнила Мира, подойдя и спрятав наушники в сумку.

– Да ладно, все уже слышали, что ты теперь с Нагиным.

– Отрицать не буду.

– Ну вот, ты тоже вышла из клуба одиноких женщин, – заметила Пономарёва, глядя на то, как все сидящие вокруг сваливаются в хохот.

– Приходи теперь пораньше, – добавила Юлька и подмигнула. – Будет чего обсудить.

Когда вахтёр наконец привстал и махнул рукой, искусствоведы второго курса пошли в аудиторию и растянулись по коридору, и Юлька с Мирой остались чуть поодаль от других так, что их не мог услышать никто другой. Юлька помолчала немного и сказала:

– Знаешь, я посмотрела на себя со стороны и поняла...

– Что? – удивилась Мира.

– Что в некоторые моменты вела себя не очень. Даже если я когда-нибудь не могу тебе помочь, мне всё равно не стоит

вести себя так... так...

– Да ладно тебе. – Мира качнула головой.

– Мир? Ну, в смысле, забыли?

И обе они облегчённо рассмеялись.

Сев вместе с Юлькой на свою любимую третью парту среднего ряда, Мира только и успела подумать, что скажет на это Артём, как в аудиторию прошагала новая преподавательница по русскому декоративно-прикладному искусству. Она, похоже, не собиралась давать второму курсу спуска и сразу же создала строгую атмосферу, вот только Мира, как бы там ни было, уплывала в свои мысли.

За окном тянулось пасмурное утро, да ещё и свет в аудитории выключили: так лучше было видно, что показывают на экране проектора, – за это однокурсницы уже год в шутку называли друг друга кротами. А на экране пестрила резьба по дереву, вышивка, роспись по керамике, и чем дальше, тем глубже затягивала Миру немая, дословесная невнятная тоска. Казалось, пара началась уже сто лет назад, а на деле она никак не хотела переваливать даже за половину, не то что заканчиваться; прохладный сентябрьский ветерок медленно раскачивал шторы, и в аудиторию осмелилась пробиться лишь пара лучей солнца, никакой погоды не сделавшая.

– Как фамилия? – вдруг сказал кто-то рядом сухим голосом.

Мира ёрзнула на стуле и продолжила смотреть в окно.

– Фамилия как? – Голос звучал уже громче и требователь-

нее на фоне завязавшегося шушукания.

– Осокина, – подсказал кто-то сбоку.

– Осокина! Мира. Мира!

Мира пришла в себя и схватилась за ручку и тетрадь: по лицу, отдавая в шею и грудь, расползалось жжение. Преподавательница смотрела прямо на неё и молчала.

– Это все заметили, – шепнула потом Юлька: – Ты сама не своя сегодня.

А чья же она была тогда? Вот чья?

Она была *его*. Она должна была принадлежать ему.

Так думал Артём, идя с остановки розовым сентябрьским утром после того, как проводил Миру и посадил её на автобус до универа. Ночёвки на Дальней продолжались и мало-помалу становились всё чаще. Начинала уже косо смотреть на него бабушка, и этот вопрос следовало решить. Вопросов от матери Миры не поступало – скорее всего, просто потому, что её матери было на неё всё равно.

«Мне же нужно видеть, с кем общается моя дочь», – Артём мысленно передразнил Елену Александровну и пнул задохший ком грязи на дороге. Увидела один разок, а потом отдала ему все бразды правления и вообще интересоваться перестала. Хотя... что ж, тем и лучше – минус одна проблема.

И всё же не так он себе представлял хорошую семью. Таковую, какую ему в будущем хотелось бы иметь. Уж он-то искоренял в себе всё, что могло достаться ему от отца, всеми силами стремился избежать его модели, а тут... и с другой стороны такой багаж сгрузили. Оставалось только следить за тем, чтобы Мира у своей матери привычки не позаимствовала. А ещё надеяться на себя – и на то, что, если вдруг это и случится, он сможет помочь ей всё исправить.

– Здорово, – выдернул его из размышлений Кузьмин, си-

дящий у себя на крыльце с сигаретой.

Артём кивнул в ответ и продолжил свой путь.

– Ты, поди, так и женишься скоро. А казалось, вчера ещё вот таким вот, – сосед показал рукой, каким именно, – тут ошивался.

– Да ладно тебе, старый.

– Я ж говорил... – Кузьмин стряхнул пепел с сигареты. – Твоя девчонка-то.

Артём снова кивнул и скрылся за дверью.

Может, когда-нибудь и произойдёт так, как он говорит. В конце концов, пока никаких весомых препятствий, кроме её порой дурного поведения, не наблюдалось. В душе она была совсем ещё ребёнком. Вот окончат они универ – тогда можно будет подумать о чём-то серьёзном. Поработают пару лет, в конце концов... если она, конечно, сможет найти себе работу не в музее.

А пока, несмотря на все недостатки, она просто была его и должна была принадлежать ему. Без всяких штампов и громких обязательств. Он понял это в тот вечер, когда она шагнула навстречу ему, насквозь промокшему от дождя. Он убедился в этом, когда она открыла ему дверь тем бессонным, рваным утром, которое притянуло его в Сориново. Он начал говорить ей об этом с тех пор, как она тем же днём заполнила собой всю его жизнь, – и до сих пор говорил. Неважно, какими словами и в каких именно моментах, – она должна была это понимать.

Тогда как раз был один из тех дней, когда это казалось особенно нужным, – потому он и промелькнул быстро. Солнце подарило свои лучи и вскоре ушло, оставив городу похожий на утро того же дня розовый вечер. Даже выхлопные газы и автомобильные гудки, наводнившие центр, ничего особенно не портили. Артём стоял в сквере у фонтана и пытался взглядом выцепить из толпы ту, кто теперь составляла его жизнь.

Неподалёку раздался давно уже знакомый смех Белкиной, а потом вдруг стала заметна и её белобрысая голова – и рядом с ней, конечно, виднелось по контрасту и что-то тёмное.

Это была Мира.

Они шли к фонтану – сначала по другой стороне улицы, потом через переход – и вот уже почти дошли.

Мира явно была довольна чем-то и держала в руке картонный стаканчик из кофейни, где их курс вечно заседал между парами и после них. Она обняла Белкину на прощанье и потёрлась щекой о её щеку так быстро, что Артём не успел сделать ни шага и ни звука. Следом Белкина упорхнула, и Мира осталась одна.

– Не понял, – полувопросительно сказал Артём вместо приветствия, подходя ближе, и положил руку ей на плечо.

– Нас тут отпустили пораньше, и вот... Чай малиновый взяли, – ответила она с улыбкой.

– Не понял, – повторил он, снимая лямку рюкзака с её трясущегося плеча. – И вообще, говорю я тебе, не наваливай столько на спину.

– Мне учиться надо.

Мира помолчала и продолжила:

– А что ты хотел понять?

Артём взял из её рук стаканчик и прихлебнул немного.

– Фу, кислятина... Бери обратно. Я не понял, чего это ты опять с Белкиной. Вы ж разошлись?

– Да не расходились мы. Мы и в Страхове вместе жили.

– А весной, тут же, что было? – задал Артём риторический вопрос и посмотрел на Миру в упор.

– Недопонимание было. Но теперь мы всё выяснили.

– Главное, чтобы оно того стоило. Только мне не говори потом: «Тёма, она у меня за спиной шушукается». Хотя я – я всегда буду думать о тебе...

– Куда ж ты денешься, – усмехнулась Мира, допивая чай.

– ...и всегда буду за тебя.

Они встали со скамейки, взялись за руку и пошли главной городской улицей по направлению к Соринovu, чтобы ехать Мире было меньше. Город всё стыл и стыл после недолгого, но солнечного дня, всё сильнее задувал ветер, всё меньше оставалось на тротуарах людей.

Мира устало молчала, а Артём говорил ей что-то, что важно было для него и потому было важно ей, пока не рассказал обо всём, о чём мог в тот день. Когда это случилось, он сглотнул и проговорил уже тише:

– Я так не хочу, чтобы ты ехала сейчас в свою бетонную дыру.

Мира остановилась и посмотрела ему в глаза.

– И завтра, – продолжил он. – И послезавтра. И всю следующую неделю.

Он хотел сказать больше, но почему-то не смог, и разговор развалился. Скоро они всё-таки пошли на остановку, куда приходили автобусы по направлению в Сориново, постояли, уже привычно обнимаясь на прощанье, и Артём отпустил её. Пока не уехал автобус, он смотрел, как она машет в окно рукой. Сам пошёл в совсем другую сторону, поглядывая на телефон и ожидая от неё сообщения, а через час не выдержал и позвонил.

Её голос звучал в трубке стеснённо, так, будто ей пришлось терпеть неудобство, и это его раздражало. Можно подумать, она сама автобус ведёт, – да и видел он, что там были свободные места, куда она наверняка и села.

– Ты говорить со мной хочешь или нет сегодня? – спросил он после пары повисших в воздухе и ничего не давших реплик.

Эти его слова тоже повисли в воздухе, что точно означало «нет».

Повисло бы такое молчание в трубке, если бы она хотела сказать однозначное «да»?

Нет, не повисло бы.

В первый ли раз с ним такое случилось?

Нет, не в первый.

Артём думал, что она станет для него особенной, но она

так быстро и даже здесь оказалась лишь одной из многих.

– Я доеду, и мы поговорим с тобой спокойно, а пока мне неудобно, – залепетала она в трубку.

А его разрывало прямо сейчас – потом, может, оказалось бы уже и не нужно. Хотелось сказать, что...

Да что там, уже и вправду не нужно. Это было уже совсем, совсем бесполезно.

В горле засел ком обиды. Артём уходил всё дальше и дальше от центра, который ассоциировался у него теперь не с универом, а с ней, и становилось легче. Наверное, не стоило теперь пятнать и Дальнюю – иначе как потом жить, если его места навсегда станут их?

Нужно было вести себя осторожнее, проверять тех, кто даёт надежды, и на все сто верить только себе.

А со своей дурью пусть сама разберётся.

Приехав домой, она написала, как он её и просил, но это было и вправду совсем уже бесполезно. До следующего полудня Артём не говорил с ней, делая вид, что её не существует, – сама приползёт. Погрузился в учёбу, думал о том, каким может быть его будущее без Миры, и видел его наполненным работой и саморазвитием. Он был уверен, что стоит на одном из кратчайших путей к успеху – хорошее образование должно было многое решить. Помочь заложить базу для семьи, а потом тогда уж и думать об этой семье. Не лететь

вперёд паровоза и не портить самому себе жизнь поспешными решениями, основанными на гормональных всплесках.

Думая так, он почти не замечал, что нутро его, будто ржавчина, подъедают обида и надежда на то, что она всё-таки разрешится. Не чувствовал, как становится хрупким внутренний стержень. Сидя дома наедине с собой, он был уверен, что справится, – дома и стены помогают. Но приехав на следующий день в универ, острее ощутил собственное одиночество.

Если бы он не надеялся, всё было бы в разы проще. Все вокруг почему-то считали, что надеяться на лучшее – это хорошо. «Надежда умирает последней», – мирно говорили они. Всё было так, но он не мог этому радоваться и, если бы мог, убил бы её первой. Надежда мешала видеть реальность такой, какая она есть, а что могло быть ценнее в жизни?

Мысленно отвечая себе на этот вопрос, он опять сглатывал обидный ком в горле и ждал, пока надежда умрёт.

Он ждал и не мог прекратить ждать, но надежда не слушала и тихо сидела внутри. Она шевельнулась, когда Артём вошёл в главный университетский корпус, где обычно учился, – хотя надежде там нечем было поживиться. Мира училась в другом здании, а у него сегодня не было физ-ры, так что хорошо было сесть на скамейку в коридоре и сидеть в ожидании пары.

Корпус вёл себя непривычно шумно. Много было тех, кого он видел впервые, – в основном женщин и девушек. Они

заходили внутрь, поправляли причёску у зеркала и гуськом тянулись на второй этаж, к конференц-залу. Где-то между ними пришёл наконец Лёха, сел рядом и открыл на коленях ноутбук.

– Слышь, а сегодня чего за столпотворение? – спросил Артём.

– Ой, да тут какая-то конференция по культуре, моя будет тоже – их сюда сгоняют, – ответил Лёха, имея в виду свою Белкину.

Внутренний стержень треснул напополам. Артём выдохнул, заведев у турникетов две головы – одну белобрысую, а другую с чёрными, как тот день, волосами.

– Ты чё? – удивился Лёха.

– Ничё. Встречай.

Тот день стал светлее, потому что она опять не смогла пройти мимо, замедлила шаг, а он не мог спрятаться, уйти за угол – ещё слишком жива была надежда.

Мира действительно шла на конференцию, но в тот раз не сгупила, выбрала его и решила, что он важнее. Сказала Белкиной, что придёт ко второй части, после кофе-брейка, схватила Артёма за руку, и они вместе скрылись от её преподав в глубине коридора.

На ней был глупый оверсайз-свитер почти тех же цветов, что и на том самом мамином фото. Когда они вышли вместе

во внутренний дворик университета, где Мира не была ещё ни разу – студенты из других корпусов туда прохода не знали, и Артём мог побыть проводником, – он порадовался, глядя на то, как гармонируют эти цвета с листвой деревьев.

Мира тоже заметно радовалась осени, тёплому сентябрьскому солнцу и тому, что они рядом.

– Ну почему ты всегда принимаешь всё в штыки, – вздохнула она. – Ездил же со мной в Сориново вечером, знаешь, что у нас с автобусами.

– Знаю, – улыбался он.

– И мне тоже жутко надоело туда ездить, – продолжила Мира. – Верить или нет, я каждый раз втайне мечтаю, что уж в тот-то вечер мы к тебе... А потом опять к тебе. И так сколько угодно.

Повисла пауза.

– А чего тогда время тянуть, – сказал Артём наполовину вопросительно, наполовину утвердительно. – Я поговорю с бабушкой.

Мира выставила ладонь, как бы говоря «дай пять». Точно так же она сделала в день подготовки к выставке. Казалось, это было вчера, а на деле просто уже почти четыре месяца... а ведь их жизнь только начиналась.

И внутри пока ещё робко, боясь упасть обратно, вставляла в полный рост надежда.

Надежда стояла на ногах всё крепче и крепче. После субботнего завтрака в доме установилось мирное настроение, и наступило самое время для того, чтобы поговорить о нужном. Не вставая из-за стола, Артём выложил всё как есть: они хотят жить вместе, и лучше – неважно почему – сделать это на Дальней.

– А ты понимаешь, что это будет твоя ответственность? – Бабушка смотрела на Артёма из-за роговых очков.

– Да, – ответил он.

– И тебе надо будет с себя начать.

– Я начну.

– И ты мне пообещаешь, что на ней женишься, потому что нечего мне девок зазря портить.

Артём кивнул, хотя до семьи было так далеко, что и представить себе казалось невозможным. Да, наверное, и не стоило – он думал только о том, что ему хотелось получить прямо сейчас.

– Вот что ты будешь с этим делать? – не отставала бабушка.

– Мы пойдём к её матери и попросим на первое время помощи... А потом я найду работу. У нас вон куча стажировок.

Вот только конкуренция за места на них была большой, претендовал на них много кто, и новоявленный второкурсник без особых достижений там никому не был нужен.

– Придумаю что-нибудь, ба, – подвёл он разговор к концу. – Мы обязательно будем тебе помогать, а...

– А я к лету уеду на дачу, чтобы не мешать вам тут, молодёжь, – подмигнула бабушка.

– Да не мешаешь ты... – Артём встал и потрепал её по седой голове. Пора было собираться и ехать в центр – они с Мирой договорились погулять там на день города.

Маршрутка дальше не ехала: главные улицы были перекрыты, и прямо по дорогам, радуясь непривычной свободе, струились потоки людей. Гулко отдаваясь внутри, грохотала музыка, приятная и не очень; разносились с установленных то тут, то там сцен усиленные микрофонами голоса; толпы собирались вокруг фокусников и столов с сувенирами; за мороженым и сладкой ватой растягивались очереди.

Артём бежал к остановке, дальше которой не ехал автобус Миры. То лавировал между людьми, то чуть не врезался в них, чертыхаясь, и очень спешил.

Когда он прибежал, её на месте всё ещё не было. Он встал, чтобы отдышаться, и заметил у остановки бабулю, торгующую цветами. Салютными залпами – кстати, Артём и Мира хотели остаться в центре до самого салюта в десять – распускались в её ведре ярко-малиновые и фиолетовые астры.

– Сколько? – спросил Артём.

– Питьсят за штуку, – улыбнулась бабуля.

– Чё так мало-то?

Он достал пятьсот рублей и взял девять штук. Потом он

обязательно пожалеет, что потратил деньги на такую дребедень, но сейчас не время жалеть – зато будет красиво.

Оставив сдачу у бабули, Артём оглянулся и увидел, что Мира уже на месте и ищет его глазами. Её глубокого синего цвета платье подходило к тому, что он хотел ей подарить, и он поспешил это сделать, чтобы потом взять её за руку и влиться в людской поток, текущий по проспекту мимо таких же бабуль, которые торговали пирожками, мимо уличных музыкантов с противно настроенными инструментами – в самое сердце города, в университетский сквер. Там можно было сесть на газон, постелив заранее подготовленный плед, и смотреть в высокое сентябрьское небо, куда в тот день больше никто смотреть не хотел.

Когда сидеть на газоне надоело, они, болтая о том о сём, решили резануть ещё один круг по главным улицам. Ещё один круг – и он ей всё скажет. Почему же он этого так боится, ведь это – хорошо?

– А я хочу взять себе малиновый чай... – Мира потянулась в кофейню.

Туда ходили многие из их универа, но особенно популярной кофейня была у гумфаковцев. Артёма смешило то, что они относились к ней чуть ли не как к святыне.

– Валяй, – бросил он и вырвал из её рук букет астр.

Он остался снаружи, потому что не хотел встретиться ещё с кем-нибудь из универа в кофейне и остаться там. Блуждал взглядом по меловой доске с меню у входа, переводил

взгляд на расписание, доску объявлений и вдруг остановился на слове «РАБОТА».

Он обещал бабушке найти работу, а стажировок не предвидится. Вот она обрадуется, когда узнает, что он решил не тянуть!

Кофейне требовались промоутеры. Работа, конечно, не особо приятная и перспективная, но...

Артём вытащил из кармана телефон и сфотографировал объявление, чтобы потом позвонить. Вскоре из кофейни вышла со своим малиновым чаем Мира. Она сразу же заметила, как изменилось его лицо – в этом смысле от неё всегда было трудно скрываться, – и спросила, в чём дело.

– У меня для тебя новость.

– А? – Она наклонила голову вбок.

– Завтра ты собираешь вещи и переезжаешь ко мне.

Мира поставила картонный стаканчик с логотипом кофейни на парапет и молча обняла его.

– А я начинаю работать, – закончил он уже ей на ухо, чувствуя, как она острым подбородком упирается в плечо.

Не уснуть на ходу Мире помогал разве что схвативший её за плечи холод сентябрьского вечера. Кончилось городское празднество, рассыпался разноцветными астрами салют, и все толпами повалили в спальные районы – домой. Теперь это слово звучало непривычно, ведь завтра, если мама всё-таки согласится, у неё будет уже другой дом.

Видеть на сориновских улицах так много людей было непривычно. Особенно поздним вечером. Теперь они не крались через освещённые участки, пытаясь срезать как можно больше расстояния и при этом ни с кем не столкнуться, – они размеренно шли по проспекту, а затем уходили во дворы, веря, что никто никому сегодня не причинит вреда. Держались за руки, кутали друг друга в куртки, разговаривали, смеялись и пели песни.

Шум остался с Мирой даже тогда, когда она закрыла изнутри входную дверь, – теперь он был слышен из приоткрытых в квартире форточек. Из последних сил смыв косметику, приняв душ и переодевшись в пижаму, Мира оставила серьёзный разговор на завтра и упала на подушку.

Она спала беспокойно, дёргалась, когда сориновские за окном бахали салютами и орали, но всё-таки спала – до тех пор, пока кто-то не сел на диван рядом, дав ей на плечо. Мира шелохнулась и поняла, что ей не кажется. Время потекло

медленнее. И чем медленнее оно текло, превращаясь в густую, вязкую субстанцию, тем ближе придвигался к ней этот кто-то и тем сильнее он притискивал её к кровати, тем ярче становились всполохи красного света, ползающие по стенам. Дошло до того, что она не могла и двинуться. Оставалось только ждать, пока это кончится, и в поисках выхода убежать обратно в сон.

Когда у неё получилось, тяжесть облегчилась, вернулась возможность дышать, а красные всполохи рассеялись в темноте. Мира расслабилась, потянулась и раскинула руки в стороны, а правая рука вдруг кого-то тронула.

Он всё-таки здесь?

С каждым разом это пугает и удивляет всё меньше и меньше. Открываю глаза – за окном светят фонари – и вижу перед собой тёмную, но теперь совсем уже не вызывающую страха фигуру. Там, где у неё должно быть лицо, появляются и тут же растворяются в тиши полуразмытые звёздочки из красного света, так похожие то ли на астры, которые теперь стоят в вазе на столе, то ли на городской салют.

– Мне ничего не остаётся уже, кроме как привыкнуть, – вместо приветствия говорю я и привстаю, потому что лёжа чувствую себя неуютно. Какой-никакой, а всё-таки гость, если уж можно так сказать.

– А я бы на твоём месте сильно не привязывался, – пари-

рует он, усаживаясь на компьютерное кресло напротив дивана. – Что в этом вообще может быть хорошего?

Я молчу, пытаюсь найти варианты, и всё-таки не могу.

– Ты ведь до сих пор даже не знаешь, кто я, – продолжает он после недолгого молчания с таким тоном, будто сейчас начнёт плести о себе небылицы, стремясь запугать. – В прошлый раз тебе так и не удалось это узнать. А наяву интереса ты не проявила. У тебя, в конце концов, свои заботы. Туча своих забот.

Продолжаю молчать, глядя, как кружится там, где у него должно было быть лицо, звёздочка из красного света.

– Ты не находишь, что всё это затягивается? – не отстаёт он. – Я ведь не просто так к тебе прихожу, а чтобы дать понять...

– Что?

– А вот выложить все карты на стол уже не могу. Это от тебя зависит. От того, что ты делаешь наяву и что происходит потом здесь со мной. От того, замечаешь ты это или нет, – и что потом опять делаешь наяву...

Звёздочка плавно гаснет.

– От того, остаёшься ли ты в своей бетонной дыре... – Он изображает кавычки длинными тёмными пальцами. – ...или видишь вокруг себя чудесный райончик, где...

– Так, значит, это всё-таки ты! – кричу я, чувствуя радость и раздражение одновременно. Сбрасываю с себя плед, вскакиваю, вмиг оказываюсь у компьютерного кресла и кладу ру-

ки ему на плечи.

– У меня нет «я», – как бы отгораживается он.

А следом начинает распадаться на части, расплёскивается по стенам и мебели алыми всполохами, и уже через пару секунд под моими руками ничего не остаётся. Сон наполняется голосом:

«Я просто показываю тебе то, к чему нужно присмотреться, чтобы потом сделать выбор».

Голос этот сдавливает меня в одну крохотную песчинку, выбрасывая в воскресное утро сентября.

Мира проснулась от дверного звонка и, услышав из подъезда, а затем в коридоре голос Артёма, решила сделать вид, что ничего не слышит, и постаралась не создавать шума. Слушала за закрытой дверью, как мрякает вечно голодный Пират, гремит по столу чашками мама, как закипает чайник и как всё круче завязывается их разговор.

Артём даже не предупредил, что придёт, а она почему-то не спросила, не поможет ли он ей рассказать всё маме. Он решил всё сам, за неё, и хорошо это было или плохо?

Мира вспомнила мерцающую красным темноту, встала с дивана, невольно скрипнув пружиной, подошла к письменному столу и аккуратно пересмотрела лежащие там наброски. Потом нагнулась, чтобы заглянуть в корзину, и увидела там то, что ей было нужно. Тихо села в компьютерное крес-

ло, взяла жирную красную ручку с блёстками и нарисовала на *его* лице что-то похожее на астру. Он говорил ей смотреть внимательнее, делая выбор, и она посмотрит. Начнёт прямо с сегодняшнего утра.

– Ну что, царевна, – улыбнулась мама, глядя на заспанную Миру, появившуюся перед ней на кухне.

– Садись за чай. – Артём по хозяйски отодвинул табуретку. – А потом будем вещи собирать.

Мамины глаза на миг погрустнели, и Мира стеснённо взяла свою любимую красную чашку. Она медлила, словно забыв, как нужно пользоваться руками. Мама с Артёмом, усмехаясь, переглянулись.

Пират за тем завтраком всё же выпросил у неё кусок колбасы. Она знала, что это вредно, но не смогла удержаться, помня о том, что с сегодняшнего дня всё потечёт совсем по-другому. В другом доме. С другими соседями, видом за окном и запахом вокруг. С другой дорогой до универа, которая тоже когда-нибудь станет привычной.

Что она захочет взять с собой в эту другую жизнь?

Собственная комната вдруг показалась ей захламлённой. Вещи, глядя на неё из ящиков стола и шкафов, с полок стеллажа, прикидывались то отжившими своё, то невероятно важными именно сегодня и теперь уже навсегда. А ведь комната Артёма на Дальней была не просторнее, чем её комната, да и жить они собирались вдвоём. Поэтому уложить всё, что можно будет унести, следовало в пару небольших

дорожных сумок и повседневный рюкзак.

Артём сидел рядом, в комнате, и постепенно терял терпение. Он откидывался на спинку компьютерного стула, а потом снова придвигался к столу, заглядывая в конспекты и собирая те, что нужны; разваливался на диване и о чём-то думал, брал из покрытого паутиной угла гитару, которую Мире подарили лет в четырнадцать и к которой она спустя месяц уже перестала притрагиваться...

Мира глядела на него искоса, дёргалась вслед за каждым его движением, как будто он прикасался к её оголённому сердцу, но делала вид, что ничего не происходит, и продолжала собираться.

Когда она наконец закончила, Артём выглядел уже измученным скукой и всё больше молчал. Когда они оделись и обулись, он сухо попрощался с мамой и не обратил внимания на Пирата, взял сумки и шагнул за открывшуюся дверь.

Мира, обняв маму и оглянувшись напоследок, шагнула за ним.

Скатился с горы счастливый сентябрь, и начал взбираться на гору октябрь. Всё и вправду потекло совсем по-другому: Ольга Михайловна назвала Миру ещё одной хозяйкой в доме, и та ещё больше отдалилась от того, чтобы чувствовать себя маленькой девочкой. Теперь, приходя домой после учёбы, она в ожидании Артёма сгребала листья во дворе, при-

биралась в доме, готовила обеды и ужины. Сжигала еду по неумению и незнанию и мучилась потом совестью, но всё же продолжала учиться.

Бабушка же вздохнула легче и чаще уходила к соседям, а то и в библиотеку или в церковь, но вскоре возвращалась и, глядя Миру по плечу, рассказывала ей истории из советских времён. Потом устало возвращался с работы Артём, а Мира в этот момент звонила маме и говорила: «Всё в порядке»; а потом клала трубку, когда он выходил из ванной и садился за стол.

Всё и вправду было в порядке. Вроде бы.

Ушло с Дальней бабье лето, зарядили нудные дожди, с пустыря напротив пахнуло мокрыми листьями. Недобро поглядывал одорукий сосед, сидевший по утрам на крыльце своего дома и куривший. Впивалась настороженным взглядом в Миру его жена – она уходила на работу после того, как Артём со своей возвращался, и по выходным иногда заглядывала к Ольге Михайловне.

Город готовился к ноябрю. Он притих и начинал дремать, ногами своих жителей ворочая по тротуарной плитке намокшие листья, утопая в шорохе дождей и мерном шуме автомобилей. Универ же наполнялся теми, кто приезжал с отдыха,вливающимися в учёбу первокурсниками и шумел всё больше.

Скоро был Юлькин день рождения, и Мира стала думать о том, что ей можно подарить, а Артём, когда она предложи-

ла выделить деньги, почему-то не порадовался. В ответ она сказала:

– Тогда и мне надо работу искать.

Этому он не порадовался ещё больше. Вспомнил зачем-то две непомытые тарелки, которые остались после ужина, и пробормотал, уходя:

– Разберись сначала с тем, что у тебя есть, и родных уважь.

С тех пор она каждый вечер думала о том, уважила ли его сегодня. Смотрела на его лицо, на то, как он двигается, слушала его интонации и мысленно ставила в сетке календаря галочку или крестик. Чем дальше мокрой полосой тянулся октябрь, тем краснее был тот мысленный календарь. Артём мог даже ничего и не говорить: Мира сама видела всё.

Но продолжала делать то, что может. Только вот с ним всё валилось из рук, тогда как с другими получалось само собой. Раз уж денег оставалось немного – даже мамины стоило экономить, – она решила сделать подарок отчасти своими руками.

Купила белую керамическую кружку и откопала у себя акриловые краски. Однажды после полдника, пока Артём был ещё на работе, застелила письменный стол ненужными бабушкиными газетами, чтобы ничего не обляпать, и набросала будущий рисунок карандашом. Это была Юлька в университетском сквере у фонтана. Лица её не было видно точ-

но, но выглядела она так, будто улыбалась, и застыла в изящно-торжественной позе – словно вот-вот начнёт танцевать. Потом вырисовалось высокое голубое небо, залитые солнцем дома центра, тротуарная плитка, деревья с желтеющими кронами. Дальше был фонтан и наконец, сама Юлька, чуть ли не светящаяся. Вокруг – брызги воды и света, люди, люди, люди...

Расписанную кружку Мира поставила сушиться, чтобы потом обжечь в духовке, и вечером её увидел Артём. Для него всё выглядело так, будто другие ей оказывались важнее. И хоть это было неправдой, Артём принимал это за чистую монету и получал повод сказать: «Я же говорил...»

В одно сонное, пропахшее пожелтевшими листьями утро Мира зашла на кафедру и увидела на столе какие-то билеты. Присмотревшись к ним, она обратила на себя внимание Волчковой – той самой преподавательницы по декоративно-прикладному. Она сидела на кафедре одна.

– Из ваших никто не хочет? – сказала Волчкова со взглядом, полным узнавания, видимо, вспомнив, как Мира чуть не заснула на её паре. – Первачки забрали, осталось три. Я один возьму... и может быть, ты с собой кого захватишь?

– А куда это? – Мира ковырнула линолеум носком туфли.

– Это «Те, кто рядом с нами» в кукольном.

Мира взяла один из билетов в руки: оттуда на неё смотрел забавный и трогательный кукольный пёс. «В поддержку приюта для собак “Омега”» – гласила надпись на гляцевитой

бумаге, а рядом стояла дата двадцать первое октября – день рождения Юльки.

– А это не Московцева принесла? – спросила Мира, чувствуя, что уже не выпустит билет из рук, и взяла второй.

– Не знаю, – ответила Волчкова. – Тихая такая девочка, в очках.

Это была Таша. И она придумала очень хорошее дополнение к подарку, за что её следовало потом поблагодарить. Но вот что об этом скажет Артём?..

Мира сглотнула, спросила, когда будет лаборантка, а потом попрощалась с Волчковой и пошла на первую пару.

Будет видно.

На гумфаковских часах горели красные цифры: шестнадцать ноль ноль. Вечер распластался на городских улицах непривычно рано, прихватив с собой тяжёлые тучи, поэтому в корпусе было уже хмуро. Комендантша заботливо открыла окна, чтобы дать насмешливому ветерку возможность то и дело прокатываться по коридору. Вот и сейчас очередной порыв разметал полы Мириного любимого глубоко-синего платья так, что пришлось его придержать. Хорошо, что рядом никого не оказалось.

Сегодня она выбрала именно это платье, потому что у Юльки был день рождения, и настроение родилось праздничное. К тому же они шли на тот самый спектакль, а в те-

атр следовало надеть что-нибудь нарядное. Артём тем утром ушёл к первой паре, а ей было ко второй, так что лишних вопросов она избежала. А всё остальное будет как-нибудь потом.

К тому моменту, как Мира увидела на часах красные цифры, прошло уже часа три с тех пор, как закончились пары у искусствоведов второго курса. Юлька упорхнула на тренировку по танцам и обещала вернуться перед спектаклем, а Мира решила остаться в корпусе, чтобы посидеть над конспектами в читальном зале, и пробыла там вплоть до того, как библиотекари затеяли проветривание и попросили её уйти.

Теперь она лениво переступала с ноги на ногу, считая доски старого паркета. Ехать домой изначально не было смысла: спектакль начинался в пять. Театр расположился через дорогу, за сквером, и сейчас следовало уже ненадолго отправиться в столовку – Юлька вот-вот вернётся, нужно встретить её там и заодно подкрепиться. А ещё кое о чём переговорить, прежде чем...

Прежде чем они пойдут в театр, конечно. Еле вписавшись в поворот, Мира подняла голову, бросила взгляд вперёд, и внутри у неё что-то дёрнулось. Навстречу ей вышагивал до боли знакомый тёмный силуэт. Она не ждала его здесь сегодня. Чем меньше до него оставалось идти, тем заметнее становились вихры у него на голове, тем сильнее лампы высвечивали клетчатую рубашку, тем больше Мире самой хо-

телось ускорить шаг. Последние несколько метров пути, закончившегося в объятиях, и вовсе выпали у неё из памяти.

– И куда это ты намылилась?

– В столовку, – нетерпеливо улыбнулась она, – к котлете по-киевски.

– Я думал раньше, что ничего не вечно, но ты своим идеалам не изменяешь. Нет бы какой-нибудь салатик, – Артём развернулся, и они уже вместе пошли к лестнице на первый этаж. – Под ноги смотри.

Смотреть было трудно – голова подкруживалась. Мира только сейчас, после того как высидела три пары и законспектировала несколько глав трактата, начала замечать, что хочет есть. На первом этаже мелькнула по направлению к столовке белобрысая голова – а потом и вправду оказалось, что Юлька уже на месте.

– И ты, я смотрю, забыла со мной посоветоваться насчёт... – Артём взглянул на плечи Миры, ставя рюкзак напротив неё, только за другой стол.

– Насчёт чего? – спросила она, взяв поднос с обедом и не понимая, куда хочет сесть, к Юльке или к Артёму, но после недолгих колебаний всё же выбрав второе.

– Сама всё понимаешь, – говорил он всё громче и громче. – Мы всё обсудили.

Юлька, разрезая котлету ножом, закатила глаза и посмотрела на Миру. Если бы взглядом можно было говорить, она наверняка много что сказала бы в тот момент, но на словах

предпочла промолчать.

Было бы хорошо, если бы он не испортил её день рождения.

Очередь в гардероб на выходе со спектакля собралась сумасшедшая. Отстояв её и выйдя в унылый мокрый вечер, Мира вздохнула спокойно, и они с Юлькой пошли в кофейню. Около неё вот-вот раздаст свои листовки Артём, и они наконец поедут домой: отдыхать от толп людей, отогреваться, сидеть над домашками и готовиться ко сну.

До кофейни Мира и Юлька шли через университетский сквер. Держали друг друга под руку, обсуждали спектакль, думали, что напишут в рецензии и как лучше подать всё то, что они увидели сегодня. Сегодня вечером у Миры щекотало в носу так, что хотелось плакать. У неё был друг, который, пусть и сильно по-своему, любил её так, как не умел никто иной, а она за октябрь даже ни разу не съездила его навестить. Это был Пират. Стоило ли думать о других животных, если она отнеслась так эгоистично даже к нему... А вот Юлька, казалось, пришла в беззаботное настроение – день рождения же, как-никак.

Идущая за ними толпа расплзлась по разным сторонам, и до места они добрались почти одни, если не считать Волчкову. Она следовала по пятам и почему-то всё не хотела обгонять их, нарочно замедляла шаг и делала вид, что ищет что-

то в сумке, а когда на неё оглядывались, продолжала как ни в чём ни бывало идти вперёд.

Проходя по последней тропинке, Мира отцепила руку от Юльки и притихла. Та глянула на неё чуть удивлённо, а потом увидела на их пути одиноко стоящего в дождевике Артёма.

Мира бросилась вперёд и обняла его, не обращая внимания на то, что он весь мокрый, а потом заговорила, будто оправдываясь:

– Мы сейчас тут зайдём... нам ещё обсудить кое-что нужно, – и, пока он молчал, оглянулась на Юльку.

Та посмотрела в сторону и так же молча зашла в кофейню. Мира прошмыгнула за ней.

– Ты перед ним как собачка на задних лапках, – презрительно сказала Юлька, глядя, как туда же заходит и Волчкова.

– В смысле?

– В коромысле. Он держит тебя на поводке, а ты этого не замечаешь. Ты постоянно оглядываешься, как будто за тобой кто-то следит. Постоянно смотришь в телефон, как будто...

– Я просто постоянно о нём думаю.

– И ты постоянно оправдываешься, вот даже сейчас.

Ненадолго застыло молчание. Мира смотрела в окно, на то, как дождь, поблёскивая в темноте, барабанит по дождевику Артёма.

– Извини, я не хочу обидеть, но смотреть на тебя... на

вас... страшно. И как дальше всё пойдёт, я не знаю. Надеюсь, что к батарее он тебя не привяжет.

Обе нервно захохотали. Мира почувствовала на себе чей-то взгляд, обернулась и увидела Волчкову.

– И быть рядом с тобой я тоже хочу... Как бы там ни было. Давай забудем все глупости, и пусть будет так, как было с самого начала, когда мы познакомились.

Мира вспомнила, как вошла в лекционную аудиторию и села на первое попавшееся место поближе. «А ты Осокина», – сказала тогда Юлька, глядя ей в глаза. «Да, я Осокина, – выпалила Мира. – А вот кто ты?»

Они рассмеялись тогда – рассмеялись и теперь, снова, только уже расслабленно. Молча допивали кофе со слойками, немного поторапливались, потому что кофейня уже закрывалась, и даже зевали. Мира уткнулась в телефон и делала то, что хотела успеть перед выходом.

– Спасибо тебе за этот вечер, – сказала она, когда всё закончилось.

– А тебе спасибо за подарок. – Юлька на секунду приостановилась, ласково сжала её плечо, а потом, как сквозняк, вылетела из кофейни.

Дождь утих. Артём стоял, прислонившись спиной к стене у входа в кофейню, и курил.

– Ты чего? – спросила Мира, впервые такое увидевшая.

– Ничего. – Он стряхнул пепел на мокрую плитку, повернулся к ней в профиль и замолчал.

Он молчал, и молчал, и молчал – даже тогда, когда уже кончилась сигарета. И даже тогда, когда Мира протянула ему руку по пути к остановке, он не обратил на это внимания. Мире захотелось вдруг взять, развернуться по направлению к той остановке, откуда ходят автобусы до Соринова, и пойти туда, но её никто не ждал.

Хотя может быть, ждал всё-таки. Мама так грустно смотрела на неё тогда утром, за чаем. В конце концов, есть и рыжий попрошайка...

Нет, это будет поражением. Она переживёт каждый момент, когда он не подал ей руку, станет умнее и сильнее, и когда она перестанет обращать внимание на его детские капризы, он однажды перестанет капризничать. Даже если они будут друг с другом порознь... и всё же о таком исходе думать не хотелось.

До самой Дальней они ехали молча. На подходе к дому Артём придержал Миру за локоть, чтобы она не поскользнулась в луже на грунтовке, и ей показалось на мгновение, что всё в порядке. Всё прошло.

Но нет, всё только начиналось.

Она плохо помнила, как завязался тот разговор, но не могла забыть, чем он кончился. За стеной орал телевизор, хотя бабушка уже без сил дремала в своей комнате, – Артём за чем-то на такой громкости его оставил. В голове был сплош-

ной бардак. Да и как ему там не быть, если он вечно цеплялся за всё, за что мог зацепиться, раздувал и переворачивал с ног на голову? Или это только ей так казалось?..

– О чём мы сейчас вообще? – Мира, сидя на полу у недо-застеленной кровати, тёрла виски.

– Я о том, что ты опять... – повторил Артём.

– Опять говорю, что это моя подруга. И я буду, – она через боль сглотнула, – обсуждать с ней наши личные дела.

Вмиг в шею врезалось что-то тяжёлое, и вылетел из рук телефон. Мира только и успела, падая на пол, схватить чуть воздуха. Теперь жёсткие ворсинки ковра тёрлись о шею, а онемевшая голова наливалась чугуном. Это что, была его рука? Как Мира вообще здесь оказалась и о чём они только что говорили? Может быть, она и вправду в чём-то права... А всё ли нормально с затылком?.. Каждая секунда прибавляла вопросов и приближала к тому, что голова попросту взорвётся.

– Лясы с ней точишь, и рада. Ладно уж, я не лезу в то, что в реале, но почистить диалог – это большая ошибка с твоей стороны. Есть что скрывать? – спросил этот человек, нависая сверху.

Тем временем в её жизни вообще ничего не было. Ушло всё, что только могло накопиться за неполные девятнадцать лет.

– Я тебя спрашиваю. – Рука сжала шею ещё сильнее. – Ты почему удалила переписку?

Смотреть на него было больно, а не смотреть – невозможно. В полумраке взгляд Миры сосредоточился на его губах. На каждой их трещинке. На том, как чётко они проговаривают каждое слово, которое затем отдаётся в её ушах звонком. Она знала, что раньше не только видела его, но и была с ним близка. Вот только теперь она чувствовала, будто видит его впервые. То, что она привыкла воспринимать как свою жизнь, вдруг показалось ей таким чуждым, далёким и нелепым, что смысл отвечать на вопросы пропал вовсе.

– Ты почему удалила переписку? – повторил человек уже чуть более нетерпеливо.

И наконец то, что прижимало Миру к полу, прекратило на неё давить. Можно было вдохнуть столько, сколько хочется. Тяжесть в голове стала растворяться, а окружающая обстановка – возвращаться к привычным очертаниям. А главное, вернулось чувство жизни. Чувство того, что это её жизнь, а не чья-то чужая, подсмотренная в гнусной мелодраме, и она может повлиять на её ход. Одно лишь не радовало. Артём продолжал смотреть на неё так же непреклонно, а это значило, что он и не думал отступить.

– Да ответишь ты или нет?! – он рванул Миру за плечи вверх так, что она запрокинула голову и снова потерялась в пространстве. – Очень уж интересно.

Мира с трудом усидела на месте. Она подтянула колени к груди и обняла их. Как же она устала от этого всего... И от него тоже устала. Его настойчивость была хороша, когда речь

шла об учёбе и будущей работе программистом, но здесь она выглядела совершенно лишней. Но что Мира, в конце концов, могла ему противопоставить? Если она обронит не то слово, то опять окажется на полу, и будет хорошо, если ей снова повезёт удачно упасть.

– Хорошо. Молчание – знак согласия, – смакуя каждое слово, выговорил Артём. – Теперь всё будет по-новому.

Он подобрал телефон с пола и заставил Миру набрать пароль. Она хотела было закатить глаза, но вовремя вспомнила, что лучше сдержаться.

Она переживёт и это – неважно, одна или не одна. Нужно только надеяться.

2014-й

Как тепло было сидеть у него на коленях в тот вечер, когда все мои аккаунты перестали быть моими и стали нашими. Живот резало так, будто он превратился в мешок, наполненный битыми стёклами. Как горько было, как мокро от слёз и как стыдно за то, что тогда произошло.

Сейчас даже дрожь берёт, когда вспоминаю, как он показывал мне все переписки и на своей странице. Вот его переписка с Юлькиным Лёшей – тогда она показалась мне настолько обыденной, что сразу же успокоила, – вот с той блондинистой одноклассницей, а вот с бабушкой...

Я увидела всё это и почувствовала себя так, будто вломи-

лась в ванную, не зная, что там кто-то лежит. Раньше, когда я жила с родителями, а потом только с мамой и Пиратом, у меня такое бывало, и в первые секунды я чувствовала себя голой и беззащитной, хотя сама нарушила чужой покой.

А он сам дал мне ключ – то есть сказал, что теперь у меня взамен тоже есть его пароли и я тоже могу зайти куда хочу в любое время, чтобы быть спокойной и ему доверять. Только вот я так ни разу и не зашла.

Его покой нарушать мне не хотелось. Но оказалось, что он мог бы спокойно сидеть в той воображаемой ванной с приоткрытой дверью – для покоя ему не нужно было запирается. Даже наоборот – он чувствовал силу, проявляясь в мире. И порой мне кажется, что именно этому я всегда хотела у него научиться.

Ведь я – он знал – всегда этого боялась.

Когда Артём брал Миру за руку, она вздрагивала – потому что на запястье осталась ссадина. А он об этом сначала совсем не подумал... Теперь она казалась ему бедным воробушком: укуталась в шарф по самый подбородок, хотя стоял один из последних, наверное, в том году по-настоящему тёплых деньков. Она откинулась на спинку сиденья в газельке и всё пыталась разлепить глаза – видно, не спала толком. Он дал бы ей сил, если бы мог. Если бы мог...

Золотая осень кончалась, уходила, и ему казалось, что вот-вот уйдёт и Мира. Если он ещё что-нибудь, самую мелкую малость сделает не так.

Вчера Артём, конечно, сильно переборщил, погорячился, и теперь нужно было восстановить её доверие. Это ещё было возможно, ведь когда он брал её за руку, она только вздрагивала, но не убирала её совсем, терпела короткий миг боли и оставалась с ним.

Он хотел бы жить без боли, но не умел и сам. Не умел, наверное, никто вокруг него. И вот в такую жизнь он, как получилось, пригласил и её. Хотя она, похоже, тоже не умела жить по-другому – и поэтому так легко согласилась.

Теперь Артём не мог отпустить Миру ни в прямом, ни в переносном смысле. Она нехотя собралась на пары, и он поплёлся следом, хотя суббота по знаменателю была у него

неучебной. Погуляет по городу, пока она отсидит две пары. Должно быть, увидит и придумает что-нибудь. Сделает.

Чтобы попытаться дальше вместе жить без боли. Не таить ничего друг от друга на этом пути, забыть про «я» и утвердить «мы», быть честными и уметь разговаривать. Тратить силы друг на друга, а не на кого-то ещё, кто по случайности оказался рядом. Не расплыться и идти к своей цели.

Надежда о том, что Мира сможет его понять, тихо, но твёрдо сидела внутри. В конце концов, не бывает идеальных людей и идеальных отношений, всегда есть над чем работать. Главное, чтобы она сама тоже делала свои шаги навстречу. Избавлялась от ненужных людей и бессмысленных занятий. Серьёзнее относилась к тому, что проталкивают ей в голову, и не позволяла другим садиться ей на уши.

Когда будет так, они уж точно заживут счастливо. Вот увидит.

А первой пары не было. И никто, кроме Миры, на неё не пришёл. Разбрелись по своим аудиториям другие отделения и курсы, и на скамейке у кофейного автомата не осталось никого. Она глянула в телефон, где уже не было их группового чата – в нём нашлось то, от чего, по *его* мнению, лучше было избавиться, – и не увидела ничего нового. Написала Юльке: «В чём дело?», а та ответила: «Так написали же с утра рано – в этот раз с английским отбой».

Перед глазами всё заволочло пеленой, а на шею будто легла чья-то рука. Мира продолжила сидеть в густой тишине и решила не идти на улицу к Артёму. Отдышаться. Подумать. Хорошо, если он об этом не узнает: тогда у неё останется ещё один свой час. Пусть и наполненный досадой и одиночеством из-за того, что все где-то там, а она – здесь, одна.

И что ей было делать всё это нужное и одновременно лишнее время, куда себя деть? Само собой, ходить осторожно по скрипучему паркету, слушать голоса из-за закрытых дверей, ловить ритмы корпуса – пустого, сонного, но такого родного.

Артём не мог отнять у неё это, потому что он учился не здесь и ничего не понимал. Он, наверное, так никогда бы и не понял – Мира думала об этом, не стремясь унижить его в своих глазах, просто констатировала факт: у каждого есть своё, личное, и у неё тоже. В этом случае такое, что нельзя перевести в слова, но очень важное. Та тонкая нить, на которой, быть может, удержится всё, когда этому всему не на чем будет больше держаться.

И когда кончатся все сроки, которые она ему ставит... да, она опять начала ставить сроки. Только в тот вечер, когда они впервые делили город на двоих, Мира боялась выпустить его руку из своей и назначала момент, когда всё-таки сделает это, а теперь, всё лето и половину осени спустя, выставляла день, когда уйдёт – если он продолжит в том же духе и ничего не изменится.

Ведь если так всё пойдёт и дальше, если Юлька окажется

вдруг права в своих предостережениях, то можно потерять себя, так и не успев до конца найти. Этого Артём тоже не понимал и, наверное, со своим эгоизмом никогда и не понял бы. . . Оставалось лишь надеяться, что он не поведёт себя хуже, – и листать ставший уже привычным мысленный календарь. Ставить туда галочки и крестики не только себе самой, но и ему. И вместе с тем продолжать просто жить. Учиться, заботиться о доме, да, в конце концов, мечтать. Всё-таки жизнь продолжалась – и мало-помалу отпускало удушье.

Первой из однокурсниц села на противоположный конец скамейки тихая Таша. Она посмотрела на Миру удивлённым взглядом: редко выпадало так, что они приходили пораньше, да ещё и обе сразу. Мира вспомнила красную звёздочку на фоне зияющей пустоты, длинные пальцы, загнутые в форме кавычек, треснувший сарказмом голос и сделала свой выбор: заговорила первой.

– Спасибо за билеты.

Протянулась молчаливая пауза, и Таша кивнула.

– Мы хорошо провели время, – добавила Мира чуть искусственно, вспоминая, в какую точку привёл её вчерашний вечер с его выборами, – и знаешь, я о многом задумалась. . .

– А я не успела прийти. Собиралась, но уже ближе к делу поняла, что не уложусь, – промолвила Таша.

Мира ловила себя на мысли о том, что не может привыкнуть к тембру её голоса – глухому, слышному будто бы из-под вакуумных наушников. Редко кому-нибудь удавалось

различить его в общем шуме.

– Помощь привезли нашим хвостатым, а рабочих рук как всегда не хватает. – Похоже, собачий приют был единственной темой, на которую Таша была готова поддерживать разговор здесь, на гумфаке.

– А что надо делать?

– Вольеры убирать... их несколько десятков. Не для брезгливых дело, знаешь. Корма раскладывать. На выгул водить. Ветошь разбирать... – Таша стрельнула глазами вверх: видимо, дальше был длинный список.

Пелена понемногу рассеивалась, давая вернуться в реальный мир с его проблемами, и Мира сделала ещё один шаг к нему навстречу.

– А когда можно... прийти?

Таша глянула из-под очков так, будто видела что-то новенькое и одновременно знала, что оно обернётся уже старым и привычным разочарованием.

– Новичкам лучше в день открытых дверей. Тогда всё объясним и покажем. В следующую субботу. Ты пока группу в ВК найди – знаешь же, как называется?

Мира кивнула. Уж это-то она знала.

А вот как поддержать разговор дальше, когда тема себя исчерпала, так и не придумала, поэтому они с Ташей сидели в молчании. До тех пор, пока то по одному, то парами, то стайками начали появляться в коридоре остальные. Университетский шум завертел Миру, и она очнулась только к

середине пары, когда ей вдруг пришло сообщение от Юльки, сидевшей рядом.

Лучше было его не провоцировать. Мира удалила сообщение, вырвала из Юлькиного блокнота лист и написала на нём:

Давай здесь.

И в ответ получила:

Странная ты сегодня. Привет, XIX век?

Поставив под этим вопросительный знак, Мира смотрела, как взявшая лист Юлька, пыхтя, что-то строчит.

Зачем вообще диалог со мной чистить? Ты на что-то обижена, что ли? И сама серая, как холодец. Сидишь в шарфе, хотя топить уже начали, жарко ведь. Или болеешь и заражать пришла?

Все эти вопросы были не к месту и к месту одновременно. У них была рациональная подоплёка, но дать на них ответы Мира не могла, поэтому соврала:

Всё ок.

НЕ ВЕРЮ – с этими словами вернулся ей лист, и больше на нём писать было негде. Мира тихо разорвала его пополам, вздохнула, поставила локоть на стол и положила подбородок на полураскрытую ладонь. Снова отозвалась ссадина, и захотелось поморщиться.

Юлька, не получившая того, что хотела, надулась и сделала вид, что слушает лекцию. Так было даже лучше. Она всё равно не сможет её понять. Тоже.

Когда Артём одной рукой вышел из кофейни, держа в руке стакан малинового чая, в глаза ударило сумасшедшее солнце. Пропитанный утренней свежестью город в потоке других людей гнал его через переход, к корпусу, и дал остановиться только перед тяжёлой дверью.

Интересно, а как она её открывает?

Пара уже кончалась, из-за дверей начали выходить студенты. Он ждал, когда между них мелькнёт Мира и можно будет как ни в чём не бывало устремиться навстречу.

И вот она пришла, полууставшая, вялая, со смешно поджатой нижней губой, сняла шарф и взяла в руки свой чай. Стало заметно, как в горле её что-то дрогнуло. Видя, что все расходятся – пар в субботу было немного, – они сели на скамейку в углу.

– Ну ты чего? – спросил Артём.

Она пыталась унять дрожь и избегала того, чтобы смотреть ему в глаза.

– Я буду конченным, если ещё раз тебя трону.

В ответ он не получил ничего – Мира будто бы не знала, что говорить и делать. По подбородку её пошли волны, и она поставила стаканчик на скамейку.

– Да что, в конце концов, такое?

– Можно я вернусь в чат? Пожалуйста, – тяжело, с всё той же дрожью высказала она.

– А зачем? Ты не можешь в реале всё узнавать?

– В реале узнаю слишком поздно. А скоро конференция, и мне нужно подготовить работу... скорее всего, не одной.

Опять какие-то мутки. Как будто бы нельзя учиться без того, чтобы к кому-нибудь прилипнуть.

– Дай мне слово, что ничего от меня не таишь и ничего против не замышляешь, – только и мог потребовать он.

– Даю, – в последний раз дрогнула она.

Из-за аудитории неподалёку вышла седая женщина в очках с заострёнными углами, закрыла дверь и пошла по коридору. Артём притянул Миру к себе и поцеловал, боковым зрением заметив, как внимательно смотрит на них незнакомка.

– До свиданья, – сказала Мира, когда он выпустил её, и неловко скосила глаза.

– До встречи, – ответила женщина.

– Это ещё кто? – спросил Артём, когда она скрылась за углом.

– Мой новый научрук. Привыкай.

Мира рассмеялась и положила голову ему на плечо. Время, выйдя из сна, покатилося так же быстро, как и раньше, – теперь уже к ноябрю.

Лишних разговоров с одноклассниками по пути на остановку лучше было не заводить. Вот так потерпишь с полми-

нуты – и мозг целее будет, и лишний раз не ковырнёшь себе душу тем, что с окружающими теперь всё иначе. Всё меньше общих тем, всё плотнее прикрывающая мир пелена, всё тише и тише чужие эмоции, предложения, оценки. Всё дальше другие.

Хорошо, если поход в «Омегу» в следующую субботу поможет хоть что-нибудь исправить – и зацепиться за Ташу... ещё бы она опять не замолкла. Может, хотя бы к такой тихоне Артём отнесётся благосклонно. А Юлька – она всё чувствовала. Разлом, произошедший между ними, был не только в воображении, но и на самом деле. Мира – с Артёмом. Артём – против Юльки. И Мира...

Вот и теперь она напустила на себя вид, будто ей нужно найти что-то в сумке, и примостила вещи на старой парте, стоящей в углу. Сегодня они встречались с мамой прямо в университетском сквере. Наверное, она уже ждёт там или вот-вот подъедет.

– Рыжик!

Это Юлька, просунувшись в приоткрытую входную дверь, окликнула Рыжову, которая всё ещё мешкала у гардероба.

– Рыжик, ты идёшь? Пироженки меня заждались.

Рыжику сейчас правда лучше было отсюда уйти. Мира начала раскладывать вещи по кармашкам сумки, чтобы хоть чем-то себя занять и протянуть оставшиеся несколько секунд. Наконец услышав стук каблуков по кафелю, она выдохнула и посмотрела на часы. Ещё две минуты, и можно

было самой идти в сквер.

По скверу прокатился ветер – и тут же утих. Студенты, на сегодня уже свободные, сидели на скамейках то тут, то там. Каждый дружеский кружок щебетал, смеялся о чём-то своём, не обращая внимания на то, что творится вокруг. И каждую стайку Миры обходила взглядом, чтобы нечаянно не растревожить больное место.

Обнимая маму при встрече, она удивилась запаху её духов. Мама носила их уже столько лет, что страшно было представить, – кажется, с самого Мириного детсада, – но впервые в этом вишнёвом аромате родились горьковатые чужие нотки.

– Похудела ты что-то с прошлого раза, а, дочь? – Мама протянула руку к щеке Миры, и та еле сдержалась, чтобы не отпрянуть.

– Ну, может, меня там мучают, – сдавленно хихикнула Мира.

– Да ты сама кого хочешь замучаешь. Ты там хоть готовишь?

– А куда деваться. Но рис этот дурацкий так и слипается.

– У бабушки спроси, заодно и отношения наладишь, – посоветовала мама, заворачивая к свободной скамейке. – Чего ещё расскажешь?

Мира догнала её, уселась и накинула на плечи палантин.

– Да вот, стараюсь спрашивать, лишним не будет. В театр ещё ходили недавно, рецензию написала. В факультетской

газете опубликуют... В приют пойду скоро – к собакам...

Она мысленно бегала по внутреннему списку того, о чём можно было рассказать. Ей тяжело было говорить о своей новой жизни. Вдруг мама чересчур забеспокоится и начнёт задавать ненужные вопросы?.. Такие же, как Юлька, – по сути нужные и закономерные. Вот, к примеру, о том, как у них с Артёмом дела... Дёрнув плечом, Мира отмахнулась от мыслей, как от надоевшей мухи, и силой вернулась к убеждению о том, что всё в порядке.

– Ну совсем ты у нас уже взрослая. – В уголках маминых глаз появились морщинки. – И деловая. Хотя всего месяц как из гнезда.

– Привыкай, – нервно хихикнула Мира.

– Не могу. Так и хочется, чтобы ты вернулась и ещё побыла ребёнком.

Мира постаралась проглотить ком, вставший в горле.

– Только это уже невозможно, – сказала мама со вздохом и замолчала уже надолго.

Как это часто и бывало, она не могла перестать вертеть кольцо на пальце. Это было кольцо с аметистом, которое ей когда-то подарили Мира с её отцом на день рождения. Мира сама выбирала это кольцо. Глядя на него, она каждый раз вспоминала, как отец разбудил её затемно и достал ту самую тёмно-красную бархатную коробочку. Потом они с хитрым видом прокрались в комнату родителей и на секунду остановились, в полумраке глядя на то, как мама спит, выпростав

руку из-под одеяла. Отец дал коробочку Мире, и та тихонько положила её в раскрытую будто бы специально на тот случай ладонь мамы.

Мира вздрогнула, увидев, как она, словно поймав себя на очередном поражении перед привычкой вертеть кольцо на пальце, сняла его, протянула руку и сказала:

– Померь.

Мира неловко взяла кольцо и надела его на безымянный палец.

– Великовато, – заключила мама так, будто ей хотелось сказать ещё что-то важное. – Но вот опять поднаберёшь, и будет как раз.

– Так ты мне? – Голос Миры дрогнул. – Может...

– Привыкай к тому, чтобы носить кольца. Скоро, может быть, ещё кто-нибудь подарит. – Мамины слова звучали так, словно она представляла себе, как ест что-то вкусное. – Кстати, вы уже говорили о том, что дальше собираетесь делать?

– Тёма говорит, что всё будет.

– А ты сама как считаешь?

– Я тоже так думаю. Хоть мне и бывает сложно, – призналась Мира.

– Вот ты сейчас пожила с ним, увидела его недостатки... Умножь их на десять, – вздохнула мама. – Так и будет в браке. Если повезёт.

Мира почему-то подумала вдруг о том, как складывались отношения у её родителей, когда всё только-только начина-

лось. А потом вспомнила тот день, когда они вдвоём с мамой переехали в Сориново.

– Но ведь у всех бывает притирка?

– У всех, – кивнула мама. – Только ты решай по себе.

Первое, что услышала Мира, сделав шаг за ворота, – собачий лай.

Первое, что она увидела, – длинные ряды вольеров из сетки-рабицы. Собаки опирались на неё лапами, радостные от того, что к ним пришёл кто-то новый. В «Омеге» былолюдно, и все оделись как надо: во что не жалко.

Кольцо уже несколько дней лежало дома в ящике стола, и Артём ни о чём не знал – ни о кольце, ни о том, как Мира проведёт сегодняшний день. После пар он был нужен на работе – а она решила, что нужна здесь.

Дальше она увидела гумфаковских – Таша что-то рассказывала Рыжовой, Пономарёвой, Ионовой, несколькими другими однокурсницам, а ещё совершенно незнакомым людям, стоявшим у вольеров, а те её слушали. Мира даже не подумала о том, кто может быть здесь сегодня, – и хорошо, если сюда не пришла Юлька.

Когда хотя бы эта надежда оправдалась, стало немного легче. Не такой обидной казалась прозрачная пелена, отделяющая Миру от остальных людей, не так сжималось что-то в груди. Вместе с остальными выслушав объяснение Таши, она открыла вольер, куда ей было положено зайти, и в колени носом сразу же уткнулся шустрый чёрно-белый пёс-подросток. Судя по надписи на табличке, его звали Спарк. Осталь-

ных жильцов уже разобрали на выгул другие волонтеры.

Пелена чуть рассеялась. Мира на мгновение запустила пальцы в холодную, чуть влажную шерсть и пристегнула к ошейнику поводок, глядя, как Спарк чуть ли не извивается рядом, а потом вздохнула. Вместе они направились за ворота.

Он уж точно ощущает этот мир на полную мощь. Он рад познакомиться с кем угодно, хотя, быть может, пережил моменты и пострашнее, чем она. Для него, наверное, всё – радость. И эта роща, одним своим краем выходящая к приюту, а другим – к Дальней. И это пасмурное, чуть туманное утро, когда его наконец вывели на прогулку. И даже если Мира не станет постоянным волонтером, он никогда её не укорит – такова его природа. Он чувствует её грусть и виляет хвостом, припадает на передние лапы и дёргается то туда, то сюда, заставляет достать из рюкзака купленный специально для него мячик и запустить его вдаль, а потом приносит – и снова, и снова, и снова. Носится до тех пор, пока Мира не запыхивается, а потом стоит довольный посреди тропинки в роще и тоже вздыхает. А потом настаёт пора идти обратно...

В вольере было уже чисто – постарался кто-то из однокурсниц. Мира снова запустила пальцы в шерсть Спарка и, закрывая дверь, пообещала, что вернётся. Он забрал её грусть себе и, видно, не мог не верить, а ей стало страшно: вдруг она не оправдает такой надежды?

Если не оправдает – будет подлой.

Работы оставалось ещё много. Здесь она никогда не кончалась, как и говорила Таша. Стайкой промелькнули часы, и вскоре начало темнеть. Когда почти все разошлись, Мира тоже решила, что ей пора. Прощаясь, Таша подала ей грязную руку – и она своей столь же грязной рукой на это рукопожатие ответила.

Одежда вся пропахла потом, а брюки измазались так, будто Мира ползала по земле. Уж очень далека она была от кольца с аметистом, лежавшего в ящичке стола. Голова болела от собранных в тугой пучок волос – непривычно. До Дальней – Артём жил в самом начале улицы – было минут тридцать-сорок пешком наискосок через рошу. Она обязательно вернётся, Спарк. Она будет думать о тебе сегодня вечером. О том, как ты лежишь в вольере с собратьями, и о том, как хорошо, наверное, было бы, если... бы он согласился. Просто взял и согласился. Хотя Мира ничего попросить и не сможет.

Потому что это будет уже чистым хамством – сама не так давно пришла на всё готовое и ничего в этот дом не вложила, а уже считает, что может принять решение о том, кто здесь будет жить. Как глупо и как эгоистично с её стороны – думать только о том, чего хочется ей.

Когда за спиной закрылась калитка, а потом и входная дверь, в нос ударил запах нового дома. Там было стояла нежданная тишина и бабушки не было. А вот Артём, как оказалось, стоял перед зеркалом в ванной и, когда Мира переделась, вышел на веранду. Молча.

Она шагнула навстречу, раскрыв руки для объятий, но тут же осеклась: её остановил холодный, колкий взгляд.

– Ты давно с работы вернулся? – спросила Мира, делая неловкий шаг назад.

– Давно, – буркнул он после недолгой паузы. – А вот ты, я смотрю, вернулась недавно.

– Что случилось?

– Ничего. – Его интонация оставалась прежней.

– Ну ничего так ничего, – выдохнула Мира и, бросая в стирку заляпанные брюки, попросила Артёма, чтобы подойти к раковине: – Будь добр, подвинься.

– Не тебе решать, каким мне сегодня быть. Да и вообще... Ты где шлялась?

Разговор явно шёл по тому же сценарию, что и в тот вечер, вслед за которым появилась эта пелена перед глазами и мимолётное удушье. Мира торопливо помыла руки, вытерла их и вышла на веранду. Достала из холодильника колбасу, а из хлебницы батон, взяла доску и стала делать себе бутерброды. Артём, разбросав продукты, отнял у неё нож и метнул его в кресло.

– Ты долбанулся? – она сорвалась в сторону ванной и, споткнувшись о коврик, влетела туда.

Только теперь она заметила, что на раковине лежало кольцо.

Мира повернулась и посмотрела на Артёма злобно – так, будто могла толкнуть его взглядом. А он в ответ бросился к

ней, и вот по её лицу уже хлестнула алым огнём пощёчина. Всё померкло. Мира махнула будто бы не своей рукой и на миг почувствовала под пальцами его жёсткие волнистые волосы.

Она его ударила. Назад дороги нет.

В тот вечер – и потом ещё много вечеров подряд – пелена больше не приоткрылась и не рассеивалась. Она становилась всё толще и толще и не оставляла ни единого шанса её сдвинуть.

Артём по-настоящему, не взглядом, толкнул Миру, и она ударилась плечами о ванную – раз. Зацепил за распутавшийся пучок волос и рванул – два.

Три... словно где-то внутри неё сквозь грохот сердца отозвался стук закрывающейся калитки.

И это всё?

Артём выругался, рванул на веранду и захлопнул дверь. Нож, поднятый с кресла, судя по звуку, упал на стол, а потом скрипнула входная дверь.

Не помня себя, Мира стянула оставшуюся одежду и бросила её у раковины. Потом встала в ванну, чуть не поскользнулась в ней, вздрогнула от нелепого скрипа и схватила лейку душа. Вода, больно ударив в лицо, хлынула всюду. В ушах всё ещё грохотало, только теперь уже не было понятно, бьётся ли это сердце или потоки воды барабанят по дну ванны.

Как было бы хорошо, если бы вода могла унести в свою поганую трубу всё, что принёс сегодняшний вечер. Забрать

с собой грязь, которая весь этот день хлюпала под ногами, снять тяжесть, которая так долго копилась в теле. Стереть след от пощёчины, унять больную голову и плечи, выполоскать всю мерзость изнутри. Так тщательно, чтоб скрипело.

Это ведь не только он сделал. От него этого уже можно было ожидать. Хуже то, что Мира сама теперь в этом замешана, и отмотать время обратно уже не удастся.

Назад дороги нет. Она его ударила.

Это у неё внутри что-то неумолимо поднялось, а затем рвануло её руку в сторону его лица. Это у неё в глазах всё затряслось и потемнело так, что стало ничего не различить. Это ей стало неважно, где она сейчас, с кем и зачем. Важным было только то, что она не могла ему не ответить.

– Да ты там утонула что ли? – раздался с веранды его голос.

«Можно подумать, тебе вообще есть разница».

Мира напоследок ещё раз обдалась водой из душа и выключила её. Жаль, что смыть всё-таки ничего не получилось. Глубокий вдох – и рваный, судорожный выдох.

– Ау-у? К чему ванную так надолго занимать? Ты хоть о других подумай ради разнообразия.

Да, пришла бабушка. Тем более нужно выходить. И вправду, не может же она всё время тут сидеть, когда-нибудь придётся выйти. Но вот как сделать нормальное лицо?

Мира посмотрела в зеркало и увидела на щеке красный след. Ну конечно, где же она сегодня шлялась – в собачьем

приюте. Чего только не вычудят эти хвостики.

Какая мерзкая ложь. Дальше так будет совершенно невозможно. Сколько секунд она выдержит? Уж точно не больше десяти. Быть может, сон сейчас спасёт – всегда ведь спасал. Утро вечера мудренее.

Взяв в кулак кольцо, стащив с лица какое бы то ни было выражение и вжав голову в плечи, Мира приоткрыла дверь. Она знала, что до кровати оставалось ровно шестнадцать шагов. И хорошо бы сегодня их побыстрее пролететь. Пусть этот день уже кончится.

– Привет, Мирочка, – сказала бабушка.

– Ну и чего мы молчим? – Артём подошёл и положил руки ей на плечи. – Ты, конечно, тоже хороша, но... давай не будем ссориться?

Поздно. Мы уже рассорились, и я впервые закрываю глаза, не сделав ничего, чтобы это исправить. Мамино кольцо спрятано под подушкой, а я проваливаюсь в сон и ничуть не удивляюсь: тут та же мерзость, что и наяву, разве только теплее, как будто и не подступал упрямый, но мёртвый в своей сердцевине ноябрь.

Небо не выдержало чего-то своего и вдарило по земле дождём. Ливнёвки – что неудивительно для Соринова – безнадежно забиты, и по дороге бегут потоки мутной воды. Улицы пусты, и даже в хрущёвке напротив дома, где жили мы с ма-

мой, не горит окно того вечного полуночника, с которым мы – я раньше любила так думать – всегда молча друг за другом наблюдали.

Я знаю, что сегодня *он* здесь. Каждый раз перед тем, как я его увижу, воздух напитывается чем-то особым, невидимым и неслышимым. Пустотой, отсутствием всего. А теперь, после того, что произошло, эта пустота особенно звенит. Так по-первобытному просто и жутко, что я на долю секунды, как нередко бывает, перестаю чувствовать себя собой. Это помогает мне быть чуточку увереннее, чем обычно.

И не знаю уж, какими судьбами, но я выведу его на чистую воду. Может, я и буду где-то не права, но в конце концов, сколько можно морочить мне голову своими намёками и иносказаниями? За его маской что-то кроется, только нужно узнать что. И пусть условности сна сыграют мне на руку.

А вот и он. Сидит на бетонном уступе, как и всегда, чуть сутулый, и держится так, будто его здесь нет вовсе и одновременно он главный. От замызганного плаща с лёгким стуком отскакивают капельки дождя.

– Ну что, уважаемый, – сразу бросаю я, не видя смысла здороваться. По сути, мы и не расставались. Мне даже начинает казаться, что это всё одна долгая встреча, которую, вот незадача, прерывает моя реальная жизнь.

– И вот опять, – отсутствующим голосом проговаривает он. – Мне необходимо быть здесь, хоть эти места и не вызывают во мне никакого удовольствия. Впрочем, во мне ничто

не вызывает удовольствия, поэтому странно с твоей стороны было бы думать, что...

– Не отходи от темы. – Я смотрю на руки и напоминаю себе, что сплю. Значит, то, что сейчас происходит, в моей власти. – Ты вообще кто такой?

– Твои вопросы ставят меня в тупик. – В его обычно бесцветном голосе проскальзывает нотка замешательства. – Ты уверена, что я сам могу тебе ответить?

Я еле сдерживаю желание выругаться и подхожу ближе. Ощущение пустоты обволакивает меня, как запах духов или что-то в том же роде. Хуже всего то, что стоит мне уловить это ощущение лишь на пару секунд, и я пропитываюсь им. Потом оно преследует меня всюду, заставляя вспоминать о том, с кем в последнее время так часто приходится встречаться по ночам.

Ещё один шаг вперёд, и вот я стою уже практически вплотную к нему. Пустота проникает внутрь меня, поселяется в груди и в голове, завладевает всем, чем может завладеть. Всё увядает – и каждый раз, когда это случается, мне кажется, что теперь так будет всегда. Краем мысли я напоминаю себе, что это всего лишь мой страх и я на самом деле обязательно вернусь к тому, чтобы чувствовать. Может быть, сегодня мне придется прожить это в последний раз или почти в последний. Главное, что я уже совсем близка к разгадке – нужно только протянуть руку и решиться. Решиться сорвать с него маску пустоты.

Я наблюдаю за тем, как что-то неведомое или кто-то неведомый поднимает мою руку. В голове, которая сейчас кажется мне скучным механизмом, мелькает мысль о том, что его кожа, должно быть, холодная. Я не успеваю подтвердить это или опровергнуть, как он обречённо бросает:

– Даже не знаю, что тебе сказать, раз ты сама ещё не поняла.

И я вижу, как его лицо вместо пустого становится зеркальным. Отшатываюсь назад и резко вдыхаю. Вот тело, в котором я живу уже почти девятнадцать лет, и вот оно прикрывает руками рот. Вот растрёпанные волосы, с которыми наяву стыдно было бы выйти на люди. Вот нелепые, слишком большие глаза, которые мне никогда, никогда не нравились. Такие же, как у отца.

– Ну а что ты хотела увидеть? – с нажимом, пусть и бесстрастно-интеллигентным, продолжает он. – Ты ведь сама творишь свою жизнь, своими руками.

Этим он будто бьёт меня под дых, и я вспоминаю о том, что случилось. Он всё-таки прав. Это не случилось. Я сделала это сама.

– Знаешь, мне так от себя мерзко, – выдаю я, сдерживая слёзы. Как я и думала, способность чувствовать вернулась ко мне довольно быстро.

– Хотя ты не первая это затеяла, – оправдывает меня он. – Ты могла сдержаться, если бы не...

– Хватит оправдываться, ничего не выйдет, – отвечаю я и

проваливаюсь в темноту.

– Хватит оправдываться, ты сделала это специально, – говорит Влада и смотрит на реакцию остальных, стоящих вокруг.

Она ударилась головой о кирпичную стену дома из-за того, что я её толкнула. Толкнула случайно – не было и в мыслях того, чтобы причинять кому-нибудь вред. Но она мне не верит – а остальные верят ей больше, чем мне.

Потому что она тут с раннего детства, а я совсем недавно. С тех пор как мы переехали в Сориново, я растеряла всех друзей оттуда, где мы жили с отцом, и решила хотя бы попытаться найти их здесь. Но у меня не очень получается.

– Молчишь? Ну молчи, – Влада делает вид, что сплёвывает, и усмехается, – стрела тебе завтра. В палисаднике у твоего дома.

А потом разворачивается и уходит. Остальные идут за ней.

– Когда? – только и успеваю спросить я в спину.

– В двенадцать, – обернувшись, отвечает Лена, она живёт по соседству с Владой.

Хотела бы я не прийти, но я приду. Но вот что скажет мама...

Мама, как и всегда, говорит: «Иди ешь, а то остынет» – а я иду и тут. Много ли у меня поводов делать что-нибудь

по своей воле? Сажусь за стол и начинаю жевать. С едой всё в порядке, просто она сегодня совершенно безвкусная. Это всё потому, что стрела будет завтра в двенадцать.

– Что-то ты сегодня смурная, – замечает мама.

– Устала, – с набитым ртом проговариваю я.

– А ведь рано сегодня пришла.

– Все разбежались.

В каком-то смысле это даже правда – до завтрашнего полудня я никого из них больше не увижу. А если не приду, то мне вообще будет страшно выходить из дома. Владу знают и любят все сориновские – а меня пока что только знают, да и то лишь потому, что, переехав сюда, я первым делом случайно познакомилась с ней.

Назавтра за полчаса до назначенного времени я выхожу в палисадник, сажусь на ствол давно упавшего тополя, который никто так и не убрал, и двадцать пять минут сижу в одиночестве. Потом из-за угла соседней серой пятиэтажки выходит Влада, и за спиной у неё идут остальные. Они идут молча, так, будто уже решили мою судьбу, и спускаются в палисадник. Я встаю, и Влада становится напротив меня.

За спиной у неё – время замедляется, и я успеваю пересчитать всех – пятеро человек. Кто-то упёр руки в боки, кто-то скрестил их на груди, и все смотрят то на Владу, то на меня. А у меня за спиной никого, кроме старого давно упавшего тополя.

Проходит, кажется, вечность, прежде чем Лена смотрит

на часы и говорит: «Двенадцать». Влада срывается по направлению ко мне, подбегает и с силой дёргает меня за волосы – они заплетены в косу.

И вот, похоже, дело кончено. Я ничего не могу сделать против неё. Она пережила десятки стрел, даже волосы теперь собрала в тугой пучок, так что за них не ухватиться. На моё плечо обрушивается её рука – и остаётся там.

– Ладно тебе, ладно, – говорит Влада и улыбается глазами.

И это всё?

Я хватаю её за рукав.

– Ни за что не хотела тебя толкать, Влад...

– Да фигня это. Мы проверили тебя, и ты молодец, что пришла. С нами будешь. Наша ты, сориновская.

Остальные подходят к нам со всех сторон, а я вдруг вижу, как мелькает в окне первого этажа лицо мамы, и проваливаюсь ещё глубже.

Мы с Владой стоим на самом берегу пруда и смотрим в воду. Лягушатник – так называют это место взрослые. Они почему-то называют так все места у берега, где совсем неглубоко, но это место особенно достойно такого названия. В воду здесь не зайдёшь – слишком грязно. Зато именно тут мы когда-то впервые увидели головастиков. Тут их всегда много – вот как раз на них мы сейчас и смотрим. Владислава и Мирослава – две Славы, как говорят, смеяшь, взрослые.

Нам с мамой свою дачу пришлось продать, поэтому я езжу сюда, вместе с Владой, к её бабушке. Хорошо на даче, но быстро становится скучно. Чем мы взрослее, тем быстрее начинаем скучать, а нам уже по двенадцать. Мы излазили все заброшенные дома в округе, нахватали крапивных укусов, а потом вышли из посёлка и направились туда, куда нам не разрешают ходить одним, – за железнодорожный переезд. От него легко было, оставив у себя за спиной бетонный спуск, добраться до лягушатника.

Я продолжаю стоять и смотреть, а Влада берёт полторашку с заранее отрезанным горлышком и набирает туда воды – вместе с парочкой головастиков. Мы начинаем смотреть теперь и через грязный пластик, как они кружатся в бутылке, дрыгая хвостами; подносим глаза так близко, как только можно. А потом бултых – вода из полторашки выливается обратно в лягушатник, и головастики снова встречаются со своими друзьями.

Влада ставит полторашку на берег позади себя и опускает ладонь в воду. Осторожно берёт в руки один кругляшок с хвостиком и гладит его пальцем. Я немного боюсь, но следую её примеру – он скользкий, глазастый и смешной.

Тут Влада резко оборачивается и запускает головастика в бетон – как мяч для метания на уроке физкультуры. Только и видно, как остаётся на спуске маленькое влажное пятнышко. На него невозможно смотреть: меня как будто окунули в грязь, смешанную с кровью. Я вся вымазалась в ней и тоже

не своей рукой бросаю головастика – могла бы в обратном пруду, но бросаю в бетон.

Влада смеётся.

– Зачем? – спрашиваю я.

– Интересно было посмотреть, что станет. А ты зачем?

Я не могу ничего ответить и проваливаюсь ещё глубже.

Я барахтаюсь в густой темноте, впуская её в себя глубже и глубже, давая ей поедать себя безраздельно, и давно уже ничего не боюсь.

Впервые я попала в такую, когда ещё в детстве, из-за чего-то расстроившись, сказала себе во сне: да лучше бы я умерла. В то же мгновение для меня везде погас свет. Бог, если он есть, обиделся, – так решила я тогда. Пыталась нащупать во тьме хоть что-то, за что можно было уцепиться, хоть какую-то вещь из привычных, но так ничего и не смогла найти.

С тех пор я не раз оказывалась в этом пространстве, и всё так же не по своей воле. Шли годы, и каждый раз, попадая туда, я искала, искала, искала – и наконец бросила искать. Стала барахтаться, успокаивая себя мыслью о том, что тьма конечна и я обязательно проснусь в светлый, живой мир.

Так я делаю и теперь, не в силах ничего изменить, но пространство обретает вдруг оси. Я падаю на твёрдую поверхность, а в глаза, не ожидавшие ничего увидеть, ударяет ис-

кусственный свет.

Сажусь на полу, оглядываю освещённый пяточок пространства – за ним всё та же привычная мне тьма. Расслабляюсь... и вижу перед собой измазанное в грязи и крови чудовище.

Если бы можно было собрать всю боль, всю мерзость этого мира в одном не столь уж большом существе – оно выглядело бы точно так.

Вот только передо мной зеркало, а в нём отражаюсь я.

Артём приоткрыл дверь, чтобы просочиться в комнату, и увидел, что Мира лежит на кровати ничком. Носом уткнулась в измятую подушку, одну руку спрятала под неё, как будто хотела что-то спрятать, а другой держалась за шею.

– Эй?..

Она не ответила.

Артём тихо вернулся в ванную, ловя на себе пристальный, дополненный молчанием взгляд бабушки, и увидел, что кольца на раковине не осталось.

Если всё в порядке и она ничего не скрывает, то почему нельзя просто сказать? Дать понять, откуда оно взялось, и спокойно носить его, а не прятать в ящике. А если здесь замешан кто-то... – Артём сжал зубы – то просто взять и уйти, не измываясь над тем, кто вообще-то её любит.

Он положил руку ей на лопатки, и она вздрогнула. Вздохнула так, что стало ясно – проснулась, – но не захотела к нему повернуться.

– Эй, – повторил Артём, чувствуя, что не в силах произнести её имя.

Она пошарила рукой под подушкой, наконец приподнялась и села – к нему спиной.

– Мир. – Он всё же переступил через себя.

Мира обернулась и твёрдо посмотрела на него.

– Чьё оно? – Второе его слово упало в полумрак практически шёпотом.

– Мамино, – наконец ответила она. – Ты что, не видишь, что оно старое?

– Откуда мне знать. Я ж не телепат.

– Я тоже не могу предсказать, что тебе не понравится и где ты взорвёшься.

– Так значит, я всё-таки конченный. – Ему захотелось сжаться и отвернуться, но он наоборот широко раскрыл глаза и направил свой взгляд навстречу её взгляду.

Мира посмотрела на него так, как будто он ещё раз дал ей пощёчину – прямо сейчас.

– Не говори так.

– Я уже сказал, не тебе решать, кем мне сегодня быть.

– Мне всё равно. – Она потянулась. – Я люблю тебя любым.

Артём в первый раз слышал от неё это слово. То есть каким бы разрушительным ни был конфликт, он помог им перейти на новый уровень? Стать в чём-то ближе, пусть и в экстремальных условиях?

– Я тебя тоже. – Он улыбнулся. – Но твоё первое кольцо должен был подарить тебе я.

А вот идея волонтерить с собаками ему не понравилась. Хотя и речи не шло о том, чтобы привлекать к этому его, –

достаточно было выделить хотя бы половину одного выходного и просто не мешать ей. Отговорки звучали какие угодно: собаки могли покусать; от них можно было что-нибудь подцепить; негоже ей такую грязную работу делать; да и вообще, лучше уделить время тому, кто ей ближе из людей.

Когда он говорил обо всём этом, на его лице появлялось особенное выражение, которое Мира с тех пор чётко запомнила и безошибочно распознавала. Если раньше она видела его лицо живым, через его глаза наружу вырывался проблеск человеческого чувства, то теперь он угас. Если тогда, в сквере у фонтана, когда над ней смеялись, он протянул ей руку помощи и её услышал, то теперь он был глух.

Время, словно разогнавшись от той пощёчины, полетело стремглав, не останавливалось передохнуть ни на каплю, и Мире тоже захотелось лететь. Заполнить свою жизнь чем-то, бегать то туда, то сюда, писать курсовую, во что бы то ни стало вернуться к Спарку – лишь бы не слышать того, что доносит до неё жизнь. Берёт за шею, держит до тех пор, пока совсем не лишишься сил, и бросает через любимого человека до смерти обидные слова. В самое лицо, да так хлётко, что теперь было никогда не отмыться.

Можно было только ждать, когда это кончится. Зажмуриваться, отворачиваться, не смотреть, прятаться в теперь уже отдалившееся, померкшее прошлое и оставаться там.

И Мира шла навстречу тому, кто раньше всегда спасал её, что бы ни случилось; тому, кто истирал мокрые бурые листья

деревьев в труху и засыпал их первым снегом, который тут же таял. Это был её город. Она уходила в него всё глубже и глубже, уезжала в Сориново, делая вид, что хочет повидать маму и Пирата, и замечала вдруг, как оно изменилось. Гладила взглядом каждую из серых пятиэтажек и шла мимо них к водохранилищу, к железнодорожному мосту, который то и дело сотрясали поезда.

В один день она встала, опираясь на перила моста, отчаянно взглянула на город сверху... И поняла, что он ей чужой.

Город и раньше, случалось, обманывал её, но хотя бы был добр – а теперь он стал скупым и замолчал вовсе. Как будто и не было того, что он давал ей раньше: всех тех дворишков, подворотен и проходов на крыши, забытых пионерских лагерей, тенистых скверов и сонных, пустых по утрам площадей. Не про её жизнь пели уличные музыканты, которым всегда так хотелось подпевать. Не о том, что её волновало, говорили прохожие – а в том, что волновало, они вряд ли могли её понять.

Либо город стал немым, либо она сама, как и Артём, сделалась глухой. Не для неё город с нежностью растворял в небе закат и не для неё качал так, чтобы шумели ветви, кроны тополей.

Он делал это для той, кем Мира была раньше. Но та, что была раньше, осталась только в воспоминаниях. В теперешней жизни ей – такой – больше не нашлось места.

Оно нашлось только для той, что умела в нужный момент

согласиться. Совсем забыть о Юльке. Отдать кольцо обратно маме и не пойти волонтерить в приют. Не выйти в темноте во двор, чтобы подышать этой ночью, которая больше не повторится. Да и вообще промолчать, когда ей напоминали простое: сама она не имеет права решать, кому в её жизни место найдётся.

Она может только терять своё лицо, так до конца и не отыскав его, и наблюдать за тем, как это происходит, стоя на зыбкой дороге сновидений.

Артём боялся ещё раз увидеть то, что для себя называл чужим кольцом. Оказаться тем не самым первым и не самым важным. От таких точно уходят. Всегда уходят. И Мира тоже уйдёт.

Если, конечно, не держать её на крючке. Если не найти что-нибудь мелкое, но хитрое, за что её можно будет зацепить так, чтобы не вырвалась и даже не захотела. Она ведь сама рада была висеть на крючке, как рыба, порой подёргивая за леску ради забавы – чтобы жизнь мёдом не казалась.

Он хорошо чувствовал, как протянулась эта леска от него самого до её груди, когда сидел на подоконнике пасмурным декабрьским днём в коридоре гумфака и слушал, что происходит за дверью.

Мира сидела там, на кафедре, и разговаривала со своим научруком – Волковой или, кажется, Волчковой? – той са-

мой седой женщиной в очках с заострёнными углами. Она выглянула, чтобы дать Мире понять, что готова к консультации, и та зашла на кафедру, а Волчкова сверкнула на Артёма узнавшими его глазами и закрыла дверь. Она тут же чуть скрипнула и приоткрылась, и двое за ней то ли не заметили, то ли не захотели этого замечать и начали разговор.

– Ну что вы сегодня мне поведаете? – сказала Волчкова.

Ответа Артём не расслышал. Дальше они перебрасывались терминами, значения которых он не понимал и не считал нужным понимать, потом говорили о сюрреалистах и обсуждали чьи-то лица и их отсутствие. Безличность. Артём сразу же вспомнил тот набросок, лежавший поверх всех остальных в корзине для бумаг дома у Миры и пожалел, что не сфотографировал его тогда. Он знал бы ещё один её секрет – и его в её жизни было бы чутьчку больше. Так он был бы ближе к тому, чего так хотел.

– С черновиком у вас есть время до зачётной недели в декабре, – начала подытоживать за дверью Волчкова, вырывая его из воспоминаний. – Уже ноябрь, и давно было пора войти в рабочий ритм. Надеюсь, вы не упустите этой возможности...

В слове «вы» ему чудилось «я и Мира». Он будто бы соединился с ней, как и мечтал, пока вдруг не вернулся в реальность и не вспомнил, что в универе преподаватели всегда называют студентов на вы – если они, конечно, не хамы какие-нибудь.

Они всё-таки были раздельны. Это было невозможно.

Паркет скрипнул, и Артём поднял взгляд. Из-за угла появился Лёха.

– О, а ты что здесь делаешь? – спросил он. – Свою ждёшь?

Артём кивнул и сдвинулся с середины подоконника ближе к краю, как бы приглашая его сесть. Тот принял его молчаливое предложение и заключил:

– Скучаешь.

Артём закатил глаза и кивнул.

– Устаю. Сплошные истерики, сам понимаешь.

– Если только понаслышке.

– Ходит, оглядывается вечно, как больная.

– Ну почему же как?! – обиженно протянула она, выходя с кафедры.

Леска очередной раз дёрнулась, и рыба повела в сторону – в сторону туалета, в смысле. Плакать, наверное.

Лёха и Артём переглянулись.

– Не знаю, что там у вас, но держись. – Лёха хлопнул Артёма по плечу и повторил: – Держись. Я пошёл.

А он держался, и хорошо. Рыба пока и не планировала уплыть насовсем. Ранилась иногда крючком, но всегда позволяла зацепить её на новый. Чем дальше, тем веселее.

17 ноября 2013 года, дневник Миры

Дальняя оказалась такой же предательницей, как и замок.

Роцца смотрит серо и угрюмо, как и однорукий сосед за забором. Мутно и подозрительно, как его жена, уходящая работать в ночь.

Как будто меня винит.

А я и вправду виновата. Уж здесь-то я не погорячилась, когда призналась себе в этом. Какие тут могут быть любовь и какое понимание с моей стороны, если я сама ответила ему тем же. Да, пусть он ошибся, но зачем же повторять?

Мой сонный друг тоже меня не оправдает. Говорит, я бы могла сдержаться, если бы... если бы что? Теперешнее его лицо (точнее, его отсутствие) это всё перечёркивает.

Он просто зеркало, и он показал мне меня.

А вот кто я?

Кроме того, что я студентка гумфака, будущий искусствовед (который уже потерял мотивацию к учёбе), дочь (которая толком не позвонит и не приедет), несостоявшийся волонтер (Таша смотрит разочарованно, и я боюсь с ней даже заговорить, а Спарк – а что Спарк?), подруга – и та бывшая. Если вообще бывшая.

Что стоит за этим? Что останется, если сдёрнуть эти ярлыки?

Пустота.

У того, кто меня отражает, даже имени нет. И вещь, которая меня характеризует, на третью встречу я принести не смогла. Потому что её не существует в природе. Выберу одну – изменится моя сущность. Выберу другую – это произойдёт

снова. Я сама сотни раз в жизни себя предаю, так почему же удивляюсь чужим предательствам?

А может, пелена перед глазами защищает не меня от мира, а мир от меня, и так даже лучше? Так пустота не прольётся наружу, не заденет тех, кто, может, ни в чём и не виноват. Почти все вокруг не сделали мне ничего плохого, а чем им отвечу я? Есть ли у меня то, что я могу им дать? Что-то своё.

Хотелось бы, чтобы оно было, но можно ли материализовать его из пустоты?

Я попробую и дам тебе имя, мой сонный друг.

Тебя будут звать Миррор. Почти как меня. И почти как зеркало. Давай учиться проявлять свои лица вместе.

R. S. Последний срок – НГ.

Артём достал из кармана рюкзака клочок бумажки с телефоном, сорванный в тот день с объявления в корпусе гумфака, положил на стол рядом с Мирой и выдернул из её уха наушник.

Она, как это часто и бывало, строчила что-то в своей тетради с изрисованными полями и, почувствовав его совсем рядом, закрыла её плечами.

– Отошёл.

– Я не зря тебе взял, посмотри, – кивнул он на бумажку. –

Примешь к сведению, мож и полегче станет.

– Что?

– Это служба психологической помощи. От универа. Нужно же нам как-то отношения налаживать...

– А там разве можно вместе?

– Это ты о чём? Ты с цепи срываешься, ты и иди. А там видно будет. – Он посмотрел на её щёку, которая всё ещё оставалась красной, – смыла уже свой тональник, который только для того, чтобы замазать, и купила.

– Действительно, – буркнула она и вернула наушник в ухо.

– Что слушаешь-то?

Сложно было просто так взять и отстать от неё, когда она строила из себя такую холодную и закрытую, но взгляд её говорил о многом: она опять зацепилась за крючок. Видимо, так прочно, что словами решила не отвечать – чтобы не показывать. Тогда лучше узнать самому.

Артём снова выдернул из её уха наушник, и она окатила его недовольным взглядом. В наушнике играла какая-то заунывная чушь с женским вокалом.

– Ты опять в своём духе. Телефоном-то воспользуйся, сходи, потом расскажешь.

Он бросил наушник на стол и пошёл на веранду. Там было пусто: бабушка где-то шлялась. Поставил чайник, достал из шкафчика чай с имбирём, который всегда так приятно бодрил, и приготовился погружаться в новогоднюю атмосферу. Её не портила даже скорая зачётная неделя, за которой обещала прийти и сессия.

Теперь ему жилось легко. До мая, когда горе обычно вы-

рывалось изнутри и начинало его душить, было пока далеко и не было ещё понятно, позволит ли он себе такую же слабость следующей весной. Учёба давалась всё легче и легче, хоть он часто халявил и не утруждал себя посидеть над ней лишний час. С Кузьминым конфликтов больше не осталось, потому что бабушка нашла другую, кому можно пожаловаться, – эту. А с этой, по крайней мере, не заскучаешь. Если бы он всё ещё играл в шахматы, к которым в детстве пыталась приучить его бабушка, он чувствовал бы, наверное, примерно то же самое.

Его ход – а потом её.

Его – и снова её.

Его зацепившийся крючок – и её панический зигзаг.

Его осторожное дёрганье – и её гневный разворот, а затем...

В этом не было совершенно ничего конструктивного и полезного для его жизни и развития, но он не мог перестать за ней наблюдать. Совсем как плохой до неловкости хоррор – невозможно оторваться.

Взгляд сам потянулся за ней, когда она прошмыгнула через веранду в туалет, закрыла дверь и зачем-то врубилa воду. Говорил же не тратить зря, но она только тратить и умела, а зарабатывать даже не пыталась.

Выключив чайник, Артём подошёл к двери и стукнул. Судя по жалкому звуку, раздавшемуся оттуда, она сидела на полу перед унитазом. Фу. Главное, чтобы не залетела.

Он вернулся к столу и отхлебнул чаю. Слишком горячо. Пока это был почти кипяток, а он не демон из ада, чтобы такое пить.

Не то что некоторые.

2014-й

Тогда, уже в декабре две тысячи тринадцатого, я спустилась через дальнее крыло куда-то в подвал, где раньше никогда не бывала. В полной тишине прошла, как мне объясняли, до нужной двери и остановилась перед ней.

Конечно, он был прав, мне не помешал разговор по душам. Ну и к кому ещё мне было идти? Мама уже уверилась в том, что у меня всё в порядке, Юлька убедилась в том, что меня скоро привяжут к батарее, бабушка... это ведь не моя бабушка, о чём я по первости, падая в восторг, забывала.

Так что я ухватилась за мысль о том, что передумывать уже поздно, и постучала в дверь. У окна в перегородженном пополам кабинете сидела миниатюрная пухлая блондинка – стало быть, Соколовская.

– Как ты? – спросила она меня, и я отпрянула, не привыкшая слышать от незнакомцев такое обращение.

Соколовская считала отражение на моём лице, но продолжила говорить так же. Это уже потом я узнала, что так легче добраться до глубины, а тогда только внутренне ёжилась, отвечая на её вопросы о семье, об универе, о том, чего я хочу.

Было так странно.

Ведь раньше если у меня кто-то об этом и спрашивал, то так, для вида, чтобы не молчать и не чувствовать себя неловко. А эта женщина, которой на меня, по сути, должно было быть всё равно, копала всё глубже и глубже – и так быстро. Минут через пятнадцать я даже забыла о том, что в первые секунды почувствовала к ней неприязнь.

– За что ты сейчас больше всего держишься? – спросила она меня в тот день.

– За учёбу, – ответила я, мысленно располагая у себя перед глазами что-то большое.

– Ты уделяешь ей много времени? – попыталась прояснить она.

Я кашлянула – в горле тогда почти всё время першило – и призналась хотя бы самой себе: есть то, что захватывает меня намного сильнее, а есть то, к чему я хотела бы вернуться, но не смогу... без должной подготовки уж точно.

– Уже не очень. Но всё равно надеюсь, что когда-нибудь пригодится, и стараюсь.

– А как ты видишь себе это «когда-нибудь»? Давай помечтаем.

Это «когда-нибудь» было у меня всегда. Когда-нибудь обязательно станет легче – говорила себе я. Вот пойду я в первый класс, стану самостоятельнее... Вот окончу начальную школу, среднюю, окончу школу вообще... Поступлю в универ. Встречу того, кого захочу узнать ближе и пойму, ка-

кой он замечательный. Полюблю его постепенно...

А потом он перестанет ершиться. Начнёт думать о том, что он говорит и делает, и самое главное – поверит мне. Просто поверит.

Я ведь не хотела ему зла и не думала о том, чтобы на кого-то его променять. И если бы он перестал в каждой встречной фигуре, даже в учёбе и собаках видеть угрозу ему самому и нашим отношениям, нам обязательно стало бы легче.

Когда-нибудь. И я мечтала, чтобы это случилось уже в том, уходящем две тысячи тринадцатом году.

– Знаете, за что я ещё держусь? – спросила я.

– За что?

– За надежду.

Тогда у меня не было никаких шансов. Оставалось только пройти через этот опыт – вплоть до того, что я сама, потеряв надежду, решу назвать концом. Дать ему отъехать от меня ту часть, потеря которой перевернёт всё и заставит двигаться вперёд, вести себя иначе. Потому что вести себя так, как раньше, я уже не смогу.

Может, за это мне стоило бы сказать ему спасибо?

Да ну его. Скажу спасибо себе.

Ох уж этот всепожирающий предновогодний хаос. Надо купить подарки – сказала она.

У неё впереди всего всегда было слово «надо». Оно вечно застило ей глаза, и она не видела ничего, кроме себя и того, что надо ей. Никак не могла уgomониться, пока наконец этого не сделает.

Однажды, придя с работы в середине декабря, он только решил отдохнуть – суббота же, – как она в очередной раз нуделась. Захотелось снова поднять руку, и... вдруг посреди мгновения прервалось дыхание. Она посмотрела на Артёма своими тупыми глазами, а он мысленно сосчитал до десяти, выдохнул, взял её за предплечье, и они поехали в «Мегу».

Там были толпы таких же нудливых тёток, которые теперь только и делали, что восторгались, и тех, кого они запрягли с ними ходить. Боже, да ты посмотри, какие огни – восклицали, ахая, первые. Вторые упирались взглядом в пол и покорно плелись следом или тут и там сидели на диванчиках и, уткнувшись в телефоны, ждали.

Артём не хотел им вторить и собирался быстро со всем этим покончить. Будто без подарков не было понятно, как он к кому относится. Идя мимо магазинов, он обводил взглядом каждый и спрашивал: «Сюда?»

Она секунду медлила, будто бы не зная, что хочет отве-

тить, а потом несмело кивала. Беспokoилась почему-то. Когда первый ряд магазинов кончился, Артём остановился перед ней, выпустил из рук её предплечье и взял её за ладонь. Она тут же задышала спокойнее, залом на лбу разгладился, а губы расслабились в полуулыбке.

Вот так было лучше.

Но они так толком ничего и не придумали. Не хотелось дарить маме с бабушкой совсем уж ненужные безделушки, а всё остальное было либо слишком дорогим – тогда морщился он, – или некрасивым, так что мотала головой она.

Глупо было идти за подарками без конкретного плана. Оставалось сделать шаг назад, собрать идеи и погулять по всему центру города уже со знанием дела. А в тот день – разве что позабавиться в гипермаркете.

Сначала был садовый отдел, а потом отдел со всякими кастрюлями и поварёшками, где они, окончательно расслабившись, хорошенько повеселились. Дальше пошли товары для дома, а потом новогодние украшения – и здесь трудно было утолить её жажду блестяшек.

Пока она копалась где-то в глубине полок и лазила по ящикам, выискивая среди дешёвого хлама наименее кривые игрушки, Артём подумал, что это, как ни странно, неплохая идея для подарка.

Они... ну ладно уж, можно считать, что красивые? Их будут использовать хотя бы раз в году, причём целый месяц. Решено. Он посмотрел на то, что отложила она для себя на

краю полки, и стал задумывать комплект. Таких нужно было два.

Видя, что он тоже копается в игрушках, она посмотрела на него снизу вверх, и в уголках глаз что-то блеснуло.

– Моя мама любит сочетать белый, красный и серебристый, – сказала она сразу, поняв всё без слов, и продолжила выбирать такие же игрушки.

А вот бабушка любила синий. Такого цвета была шуба у Деда Мороза, которого она упорно ставила под ёлку каждый год. Таким был её любимый шар, который он в прошлом году случайно разбил. Минус ещё одна вещь, которая помнила маму, – подумал Артём, и у него опять прервалось дыхание, прямо как тогда, когда...

Он всё-таки конченный.

Она вошла в его дом и хочет сделать его лучше. Копается вон, выбирает... а ведь он мог бы провести все эти дни один, но провёл их с ней, и это следовало ценить.

– Ты посмотри, что я нашла, – сверкнул её голос за спиной. – Нам точно это нужно.

В руке она держала маленькую блестящую фигурку рыцаря, и герб у него на груди был синий.

– Да я уже всё собрал, – отмахнулся Артём. – Положи обратно.

– Но... ты помнишь? – Она поникла.

Артём улетел в знойный май почти прошедшего года, увидел её рисунок, лежащий на парте в пустой аудитории, и на

секунду забыл, что ему жарко не от солнца, а потому, что он уже чуть ли не час стоит в пуховике – вечно этот гардероб не работал.

А этот её символизм иногда бывал даже забавным, так что пришлось спросить, сколько рыцарь стоил. Цена не выдержала никакой критики, и Мира поникла окончательно.

– За такие деньги я тебе сам тыщу таких сделаю, – бросил Артём и не стал отвечать на молчаливый вопрос о том, как именно.

Фигурка вернулась на свою полку, игрушки в корзине были пересчитаны, и оставалось только оплатить их, чтобы наконец считать вопрос закрытым. Мира шла за ним медленно, как будто его решение ещё могло измениться, и он снова взял её за предплечье. Она продолжала плестись – как те самые люди из толпы, не желавшие идти за покупками, – хотя стоило вспомнить, по чьей милости они оба сегодня здесь оказались, притом что он собирался отдохнуть после работы?

Положив в корзину вдобавок немного продуктов – здесь выбор был получше, чем в окрестностях Дальней, – Артём пошёл на кассу и сделал вид, что он вообще один. И нечего тут истерить, как ребёнок. Отнимешь у неё главного зрителя – пресечёшь это на корню, и вскоре придёт сама.

Оно и правда: выкладывая товары на ленту, он почувствовал, как тычет ему в спину её тонкий палец, и будто бы не обратил внимания. Палец ткнул ещё раз, а потом она взяла

его за плечо сзади и потрясла.

– Тём...

– Не тёмкай!

За спиной раздался судорожный вздох, и Артём почувствовал на себе взгляды всей очереди. Кассирша на пару секунд прекратила пробивать продукты, а от толпы у турникетов отделился охранник в форме «Меги».

Вот позорище – не научилась вести себя как следует и порождает такие ситуации. Дома их ждёт серьёзный разговор – теперь не отвертится. И пусть гадает по взгляду, что он ей сегодня готовит.

– У вас всё в порядке? – спросил подошедший охранник, посмотрев на неё.

– Да, – буркнул Артём сам, давая понять, что ему лучше уйти. – Спасибо.

И тот ушёл. Очередь будто бы проглотила его взрыв эмоций, и всё пошло своим чередом. Только заспанная кассирша, спрашивая, есть ли скидочная карта, выразительно посмотрела на него, и этот взгляд всплывал у него в голове дальше.

Дальше – когда всё было пробито и оплачено, когда он сверил чек с тем, что оказалось в пакете. Когда они поднялись по эскалатору с цокольного этажа, чтобы выйти на улицу и отправиться ждать маршрутку до Дальней. Когда Мира всё так же плелась, только теперь ещё и поскользываясь на льду – ну что за грация.

– Ты пойдёшь сегодня нормально или нет? – взорвался он, прождав её на пешеходном переходе из-за того, что они не успели перейти через него вместе.

– Пойду! – Она чуть ли не плюнула ему в лицо и рванула обратно.

Метнулась прямо между машинами: для пешеходов тут же загорелся красный. У остановки в сторону Соринова затормозил, чуть не сбив её, пятидесятый – и она заскочила внутрь. Мельком видно было через окно, как возмутился её безалаберности водитель. А потом только и оставалось смотреть сквозь плотный поток машин, как автобус, кряхтя из последних сил, набирает скорость.

И зачем ему теперь вся эта блестящая дрянь? Пакет полетел на тротуар, и пластиковые фигурки – какие-то в упаковках, и какие-то без – покатались по покрытой льдом и снегом плитке.

Дыхание прервалось снова. На миг он вспомнил, как хлопала мокрыми ресницами мама, а потом снова унёсся почти в настоящее, не долетев до него лишь на полчаса, и там в уголках Мириных глаз блеснули слёзы. «Моя мама любит сочетать белый, красный и серебристый», – сказала она сразу, поняв всё без слов.

А что любила его мама?

Мама любила его самого. Он хотел в это верить. Он выби-

рал в это верить и тёмными вечерами в нулевых, когда она подолгу задерживалась на работе, – и старался ухватиться хоть за что-то, пока дома нет её. Он ощупывал взглядом стены, пытаясь найти место, чтобы приткнуться туда взгляд, и наконец всегда останавливался на часах. Чёрные римские цифры на циферблате и ажурная позолоченная стрелка врезались ему в глаза. Так же больно, как это иногда бывало десять с лишним лет назад, когда мама ещё была жива.

Тик-так. Тик-так. Мама его любила, ведь так?

Хоть она не удержалась в этой жизни, исчезла, она ведь не бросала его, верно, и другие никогда не оказывались ей важнее?

Точного ответа никогда не было, и вместо любого ответа была её болезнь. Грязная, тёмной воронкой высосавшая все силы и оставившая боль вместо них, а потом и вместо мамы.

С тех пор эта воронка мертвела уже внутри него самого, и те, кто однажды туда заглядывал, став Артёму ближе, отшатывались, а нередко и сбегали. Даже если они и терпели, то совсем недолго, и в конечном счёте так происходило со всеми, кто когда-либо бывал ему реально дорог. Как бы он ни старался добиться понимания, донести свою мысль, удержать – они всё равно уходили. В противовес маме, оставались живы, но всё равно получали место на его мысленном кладбище и покоились там, не заслуживая даже чести быть упомянутыми. Хотя, казалось бы, чего стоило дать ему ещё один шанс? Нет, им оказывалось важнее что-то другое или

кто-то другой. Только не он.

И эта тоже ушла.

Туда тебе и дорога. И долго ли ты на этой дороге продержишься, не повернув назад и не прибежав в панике? Спорим, уже сегодня крутанёшься на все сто восемьдесят?

Воронка, разгулявшись, гудела внутри. Артём уже забыл, как это бывает, и с трудом сдерживал её силу, стараясь не встречаться взглядом ни с кем в маршрутке. Вся эта блестящая дрянь лежала собранная в пакете – зря что ли деньги тратил, да и бабушка... бабушка у него есть всегда. И больше никого теперь.

Собирая игрушки с тротуара, он ощутил на себе чей-то взгляд и чуть было не спросил «фиг ли смотришь?», но вовремя поднял глаза и увидел заправленный в карман пустой рукав куртки, а в другой, целой руке – старый, дешёвый чёрно-золотистый пакет. Пахнуло куревом, на которое он теперь тоже, наверное, подсядет.

Это был Кузьмин, и, сев в маршрутку, он то и дело поглядывал на Артёма. Сидел через проход один, а когда место по соседству освободилось, пересел туда. Артём не стал противиться: одно неверное движение, и он всё расплескает. Заляпает всех вокруг густой тьмой.

Ведь это невозможно в себе терпеть. Она уже добавила его в чёрный список. Дура, какая же дура.

– Что у вас стряслось-то? – заговорил Кузьмин. – Куда она летит как ошалелая – на тот свет опаздывает, что ли?

– Может, и на тот. Да и фиг с ней.

– Вот и вся твоя любовь.

Нужно закрыться. Заткнуться наушниками.

Вот эта песня – их несмелая весна, а следующая – лето, когда они стали ближе. За ней – золотисто-тёплая, а потом мутная и грязная осень. Нет больше его песен. Слушать – и всё равно что сковыривать корочку с раны, прежде чем она успела как следует зажить. Мира пробралась во всю его жизнь, всюду, вплоть до самого дальнего угла, протянулись её щупальца. Везде звучит она, везде пахнет ей, и от этого никак не скрыться.

Он ошибся, сев на маршрутку до дома и не попытавшись даже съездить в Сориново. Но он позвонит на домашний, как только приедет домой. Потому что сегодня он не сделал ничего страшного – это был просто конфликт. Один из многих. Его точно можно разрешить, обоим вынести для себя уроки и жить дальше. Стараться опять жить без боли. Может, в конце концов, и к психологу сходить. Цеплять крючки аккуратнее, так, чтобы рыба не ранилась и вместе с ним ничего не боялась.

Декабрь 2014-го

В «Меге», как и обычно по субботам, яблоку упасть негде.

Толпа валит от самого входа до эскалаторов, чтобы кто-то пошёл наверх – может, на какой-нибудь предновогодний киносеанс, – а кто-то спустился в супермаркет за продуктами. Люди, люди, люди... Чужие голоса, жесты, запахи, телефонные рингтоны, бьющая в глаза яркость чьей-то одежды и макияжа, праздничные огни наслаиваются друг на друга, сливаются в одно кричащее и давящее нечто – кажется, ещё немного, и оно оглушит меня окончательно. Ну что ж, я сама захотела сходить в магазин после работы именно тут, в центре, – а развернуться и резко дать заднюю было бы уже глупо. Поэтому сейчас мне вниз.

Встаю на эскалатор и понимаю, что снова, как и тогда, не могу выдержать до конца. Ну почему нужно стоять и ждать, пока эта штука перенесёт тебя куда нужно, когда можно просто взять и пойти туда самостоятельно, положившись только на себя? К тому же становится жарко. Я расстёгиваю пуховик и лавирую между людьми, оставляя всё большую и большую часть пути за спиной, и радуюсь тому, что сэкономила хотя бы несколько секунд. Не хватало ещё увязнуть в очереди у кассы.

Пролетаю мимо скучающего охранника, запихиваю рюкзак в камеру хранения и еле-еле нахожу общий язык с замком – держится ведь на соплях. Бросаю ключ в карман, срываю с места первую попавшуюся тележку (надеюсь, по пути ничего не отломится!) и начинаю набирать скорость по отделам с садовыми растениями.

Навстречу мне мелькает розовая куртка, от вида которой в горле вдруг почему-то становится солёно. Я не успеваю остановиться и иду вперёд... Или это меня уже что-то несёт. Несёт за шкуру, как беспомощного котёнка.

В памяти остаются лишь полуиспуганные глаза той, кому эта розовая куртка принадлежит, и я снова вспоминаю. Вспоминаю, как её утешала, как приходила к ней в маленькую комнату, пропитанную запахом старости и пыльных советских книг, и мы плакали вместе.

Тогда у меня проскальзывали мысли... правда, ей я этого не говорила, чтобы не встревожить или не опечалить лишний раз. Мысли о том, что уж я-то смогу куда-нибудь уйти, если к Новому году он не исправится. В конце концов, не цепями же меня приковали? А ей в этом кипятке, что бы там ни случилось, вариться до самого конца. Потому что это её внук, и это она его воспитала. Это он за ней будет – или не будет – ухаживать, когда она перестанет за себя отвечать, и ей, конечно, не позавидуешь.

И вот я ушла и теперь наконец-то хожу по супермаркетам одна. А она, конечно, осталась с ним... и хорошо, если прямо сейчас она тут без него.

Когда эта мысль отпечатывается в моём сознании, я стою уже в овощном отделе и чувствую, как всё моё нутро редкими, но неумолимыми рывками пытается меня о чём-то спросить. Я сдаюсь перед силой этих рывков, слушаю вопрос – и он звучит как единственное, что осталось в этом мире важ-

ного.

А что, если сейчас он всё-таки здесь?

Воздух. Мне нужно больше воздуха. Его ведь здесь взять совсем неоткуда, и бежать до него не одну сотню метров. Да к чёрту, хотя бы присесть. Я бросаю свою тележку и стараюсь больше ни о чём не думать, пока не добегу у скамеек на входе в супермаркет. Само собой, я терплю крах.

А что, если прямо сейчас он у меня за спиной?

Охранник перестаёт скучать, и уже добравшись до скамейки, я слышу его заинтересованно-подозрительное:

– У вас всё в порядке?

– Да, – вру я, растягивая губы в подобии улыбки. – Спасибо.

– Да, спасибо, – сказал Артём, всё ещё стоя к Мире спиной.

Будто бы издевался. Конечно же, у него всегда было всё в порядке, даже после того, как...

«Извини, дорогой, но ты летишь в чёрный список, а я меняю пароль и возвращаю себе всё: чаты, друзей, их лайки и подписки. Всю прежнюю жизнь».

Автобус нёсся, завывая, в Соринovo, и нужно было терпеть. Не вспоминать. Спрятать лицо в колючий шарф, чтобы никто не видел, как кривятся от боли губы, надвинуть по сильнее шапку, чтобы никто не заметил, как морщится лоб.

Она встречалась взглядом с людьми и каждый раз вспоминала: у них тоже есть своя боль, и она со своей болью просто одна из многих. Но как же сильно теперь брала эта боль за горло – так, что не оставалось места для того, чтобы думать о чужой. Слишком много было своей, и нестерпимо стало ощущать, как рядом шуршат, ворочаются и вздыхают другие.

Лучше было заткнуться наушниками и слушать, как разворачивается ввысь царственная органная музыка. Она возвращала возможность взглянуть шире, подняться над всем, что случилось не только сегодня, но и в жизни вообще. От этой внутренней высоты тело оцепенело. Мира заморгала

глазами, повернулась к окну и взглянула на улетающий за оконным стеклом центр.

Темнел усталый серо-сиреневый вечер. Улицы города загорались огнями гирлянд, и с неба летели бесчисленные снежные мушки – как той ночью, когда они с Миррором стояли на пороге замка в очередном её сне.

Тогда он был совсем рядом, а она думала, что это кто-то другой.

Теперь она знала, что Миррор – тоже она.

Она всегда была совсем рядом с собой, только не хотела этого видеть – даже не решалась раскрыть глаза. А ведь творила свою жизнь вот этими вот руками – и теперь наконец сжала их в кулаки и вернула себе контроль. Вступилась за себя и бросила в лицо слово – последнее ли?

У неё появился шанс. Стало понятно: то, каким будет сегодняшней вечер, зависит от неё. Только вот играть лучше на поле, где ей никто не ставит подножки. И пусть она будет на этом поле одна – у неё всё равно всегда остаётся она.

Никто не мог постоять за неё так же твёрдо, как она сама, и глупо было доверять это другому, тому, кто даже в мелочах порой груб, – а чего-то покрупнее дожидаться не стоило. Но она зачем-то ждала месяцами и попала в опасность.

Он тащил её домой, но у неё не было дома. Было только место, где ей, включая на веранде телевизор погромче и запирая дверь, предъявляли всё. Вспоминали всё: начиная с того, как она говорила загадками в самом начале и как оста-

вила его одного с ушибленной ногой, – и заканчивая тем, что она каждый день выбирает не его, а других, но даже перед этими другими не может вести себя как следует и его позорит.

Она шла за Артёмом по узкой очищенной от снега тропинке, он то и дело оборачивался и рывкал, а люди всё видели – какой же стыд. Как на поводке. Права была Юлька: как собачка.

И что же теперь? Куда же – и с кем?

1 января 2015 года, дневник Миры

Зря я тогда сожгла дневник. Жизнь в этом теле всё ещё длится, и нужно как-то отмечать, что происходит. Здесь начну заново.

Сегодня я написала Ю. Так глупо, что мы почти перестали общаться. Вот я и подумала: почему бы не взять и не начать снова, чтобы хоть что-то было как прежде. Она так смотрела на меня тогда, а я и не могла ей ничего дать. Даже просто открыться, хотя бы рассказать о том, что происходит со мной, не могла. Казалось, что я обречена проходить это всё сама и мне никто не способен помочь. Сидела, теперь уже одна, в той высокой башне и наблюдала за тем, как огонь пожирает всё, что у меня осталось.

И я только сейчас вижу, насколько же была неправа. У каждого из нас своя битва, и вряд ли найдётся в мире хоть

ещё один человек, который разделит её на сто процентов, без жалкой оговорки на ноль целых одну десятую. Но хорошо было бы чувствовать, что кто-то стоит рядом с тобой плечом к плечу, – и знать, что этот кто-то чувствует то же самое и этому рад.

Только мы с Ю., кажется, больше не сможем так встать. И не сможем говорить так, как говорили раньше: об искусстве, о том, что появилось вкусного в кофейне, да и о том, что мы собираемся делать в будущем, в конце концов. Разговор, который раньше тёк легко и свободно, до сих пор стопорится. Это потому, что несказанное и несделанное, повиснув в воздухе, выливается в неловкость.

Когда я выбросила из своей жизни А., мне даже показалось, что вот-вот, ещё чуть-чуть, и всё наладится. Мы ведь вернулись к прежнему, правда? Нам теперь доступно всё то, что было доступно раньше, – без лишних свидетелей. Мы теперь можем просто жить.

А не получается у нас просто жить. И я другая, и она другая. Ю. говорит, что всё в порядке, но я знаю, что это не так. Всё не так. Самое страшное – то, что с этим, похоже, и сделать ничего нельзя. Нашей дружбы – такой, какой она была раньше, – больше нет.

– Устала? – спросила мама, помешивая пельмени.

Она сама только-только пришла с работы и другого ничего

не успела, но Мира была рада такому ужину: просто поесть без липких замечаний – разве такое возможно?

– Очень... Толкучка и пробки... универ. Всё это так навалилось... – Она взялась за голову руками.

Мама ласково ткнула ей пальцем в лоб.

– Да по тебе заметно, венка вздулась.

И никакой примеси ехидства. Редко раньше можно было видеть от неё такую заботу, и чем заботливее в тот вечер была мама, тем сильнее росла пропасть между тем, что Мира хотела сделать и что могла. Ей так хотелось уткнуться маме в плечо и не говорить ничего – пусть мама сама поняла бы: у неё ничего не получилось *там*. И ничего не спрашивала.

Но она обязательно влезет, даже если очень хорошо попросить. Вспомнит до кучи свою историю, проведёт параллели, назначит себя виноватой и будет терзаться.

А ведь это было совершенно ни при чём. Тогда решение о том, что семья ему больше не нужна, принял отец, а теперь Миру никто не выгонял: она тоже выбрала это сама. И раз уж она решила отделяться от мамы, так отделится хотя бы эмоционально. А что с физическим – лучше подумать до завтра. Вещи ведь всё равно остались у...

Что, если она больше не вернётся? Как поступит он с её вещами? С его стремлением унижить, растоптать всё, что она выбирала и что относилось к ней настоящей. Оставалось только догадываться.

– Пойду я прилягу на часок, – сказала Мира, выходя в

коридор.

Пират только проснулся и сидел там, наливая бока. Она схватила его в охапку и положила на диван в своей комнате: ничего, ещё немного поспать тебе лишним не будет. Сама легла на спину следом, вытянула вверх руки, чтобы расслабить спину – так всегда делал отец, – а потом только и запомнила, как прижался к её голове тёплый кошачий бок.

Прошли время, и она обнаружила себя сидящей на диване под включённым ночником. В горле пересохло, а на часах было почти полвторого. Как она здесь оказалась – и почему? А что... он? Пришедшая в комнату мама что-то бормотала, мешая думать, и Мира различила только «ну что за привычка засыпать без белья». Застелив постель, мама села рядом и взяла её за плечо.

– Эй, ты чего сидишь?

Так Мира проснулась окончательно – и тут же осталась в одиночестве. Уходя к себе, мама погасила свет и оставила комнату в свете единственного фонаря, стоявшего у соседнего дома. Мира подошла к окну и посмотрела вверх, в темноту.

Снег так и сыпался с неба мелкими хлопьями и блестел под фонарём. Сколько раз, живя здесь, она видела эту картину – и сколько ещё, быть может, увидит. Сколько раз она поднимала глаза чуть выше и смотрела на то самое окно в доме напротив, свет в котором всегда отмечала, – он горел и теперь.

Интересно, кто там живёт? Стар этот человек или молод? Если он молод, то могли бы они дружить или даже... любить друг друга? Не так, как любит Артём, и не так, как пытается любить себя она сама, – лучше. Так, чтобы она могла у него учиться.

Есть ли вообще в этом городе, в этой стране, в мире такие люди?

Мир большой. Конечно, есть.

Но сколько раз она ещё ошибётся... А сделает ли она правильно?

Хотелось надеяться, что сделает, и держаться за эту надежду. Что бы ни случилось завтра и вообще. Она человек, и она достойна любви, как достойны другие и этот вечный полуночник, за которым она наблюдала годами. И Артём, как бы ни подмывало ему отомстить, тоже – но только бы он сам это понял и с другими вёл себя иначе.

Вот о чём он сейчас думает, а? Может ли он так же, как и она, стоять у окна и смотреть на свой вечный пустырь за дорогой, слушать, как лают собаки?

Рука сама потянулась к телефону и привычным движением открыла его страницу. На аватарке стоял чёрный квадрат, а в статусе – многоточие.

Не вспоминать и держаться, чтобы ни случилось. Ложиться обратно в постель, через силу закрывать глаза и не обращать внимание на то, что зовёт из окна печальный фонарный свет.

Мир большой, а я маленькая. Сейчас я меньше песчинки и очутилась там, куда поехали мы с мамой, когда узнали, что я поступила в университет, – на море. Она рада и гордится мной, хоть ей не так уж и нравится факультет, который я выбрала, но она всё равно верит, что у меня всё получится.

А я не очень верю, потому что я маленькая. Стою на пирсе одна – мама куда-то запропастилась, – и смотрю, как накатывают на пирс огромные волны. Одна – за другой, одна – за другой, как заведённые. В них что-то не так, как в реальности, и я, конечно, сплю, а потому могу не бояться и подойти ближе, даже когда море раздражается самой большой, сумасшедшей волной. Она мчится и мчится прямо ко мне, в меня – видна каждая её капелька, – и обжигает всё тело, сбивая с ног, а я чувствую, как вкус морской воды смешивается со вкусом крови.

Ты ведь сама творишь свою жизнь, своими руками – шипят у меня в ушах его слова.

Утром Мира проснулась и почувствовала себя так, будто лежит в мусорке. Конечно, она быстро вспомнила о вчерашнем, о том, что сегодня выходной и она лежит у мамы дома в мягкой, специально для неё приготовленной постели. Сказала, что хочет прилечь, и уснула случайно – так это выглядело

для мамы. Теперь Мира проснулась – и поняла, что замазана в грязи, только невидимой.

Она сразу сбросила с себя одеяло, и это не помогло. Перенеслась в то самое утро выходного, когда она, едва разодрав глаза, услышала в коридоре голос Артёма, который за ней пришёл. Стало так больно, потому что сегодня этого не случилось, и страшно, потому что случиться всё-таки могло.

От той вязкой грязи не помогало ничего – ни душ, ни чай с сырниками, ни морозный воздух из приоткрытого окна, ни блестящий под солнцем снег. Потому что теперь Мира сама превратилась в кусок грязи, и то, что её окружало, было совершенно ни при чём. Важным казалось одно – открыть телефон, перейти на его страницу и увидеть там чёрную аватарку. Не вспоминать – и держаться, что бы ни случилось. Нести на плечах молчание и понимать, что долго оно не продлится.

– Ты понимаешь, что я насовсем? – спросила она маму, когда они вдвоём уже после обеда сидели на кухне.

– Как насовсем? – Мама даже привстала от удивления. – Я, конечно, хотела, чтобы ты вернулась, но ещё больше хотела, чтобы всё было хорошо... Не сошлись характерами, да?

– Можно сказать и так.

– А вещи когда заберёшь?

– На днях, – соврала Мира и решила представить, будто вещи сгорели в пожаре.

В понедельник утром одиночество опять ударило в грудь

– он всё не писал, и с тех пор Мира каждый день словно ходила по треклятому лабиринту. Поворачивала ли налево, направо – ничего не менялось. За углом висело всё то же серое небо, царил всё тот же холод, было всё то же Сориново, откуда она всегда хотела уехать и куда теперь насовсем, похоже, вернулась.

А он всё не писал и не писал, не приходил в корпус гумфака и не показывался в сквере. Мира не могла определить, ждёт она этого или боится. По утрам она окончательно просыпалась, только когда за спиной хлопала дверь подъезда. День начинался, и жить его было надо. Она шагала со ступенек – и в снежной каше разъезжались ноги, а до самой остановки в глаза била холодная пыль. Автобусы ходили до черта набитые – а она, может, не хотела быть ближе к ним ко всем с их бестолковыми лицами.

А она, может, не выбирала ни тот день, ни всю эту жизнь.

Жизнь, которая прямо перед зимней сессией преподнесла ей не лучший подарок – теперь у неё не было ни единого конспекта из старых, и все их заменяла одна почти чистая общая тетрадка. Хорошо, что она успела написать хоть что-то по курсовой, как говорила Волчкова. Мира вряд ли смогла бы придумать что-нибудь теперь, хотя как нельзя лучше знала, что такое пустота и отсутствие собственного лица.

Никто вокруг, казалось, не замечал ни этого, ни её саму. Смотреть на неё совершенно по-другому стала лишь одна Таша. Она снова выделяла Миру взглядом в толпе, как по-

сле первого её обещания прийти в приют, потом отводила взгляд и ещё раз смотрела.

Однажды между парами все собрались в коридоре у новогодней ёлки и они с Ташей остались в аудитории одни. Мира встала со своего места, которое было теперь в дальнем углу, и подошла к первой парте.

– Привет.

– Привет, – ответила Таша, и взгляд её смягчился.

– Я знаю, что давным-давно уже поздно подходить к тебе с этим, но... в «Омеге» нужна помощь?

– Там она всегда нужна.

Мира села на соседнюю парту, и Таша добавила:

– У нас никогда не бывает поздно.

– А можно я буду ходить не только по выходным?

– Нужно.

Прозвенел звонок на пару, и остальные вернулись из коридора в аудиторию. Мира перенесла свои вещи на первую парту, к Таше, и ощутила на себе взгляд Юльки, заходящей в аудиторию с Рыжовой. Юлька приостановилась, будто бы на что-то наткнулась, а Рыжова подтолкнула её дальше, к третьей парте среднего ряда, где раньше сидели они с Мирой. Теперь они с Юлькой были через одну парту – сзади, на второй, никто не сидел, – и Мира чувствовала, как давит на затылок её взгляд.

Можно мне у тебя лекции сфоткать? – спросила она Ташу на обрывке бумаги.

Какие? – ответила та.

Все за этот семестр.

??? Ты же ходила.

Их больше нет.

Хорошо, вечером пришло.

Больше Таша ничего не написала и продолжила слушать. Мира снова осталась одна, хотя теперь у неё было всё, чего Артём лишил её в предыдущие месяцы. Оно было – но преодолеть молчание ей не удавалось. Для всех её словно не существовало – и в ответ хотелось вправду исчезнуть.

Гораздо сильнее захотелось исчезнуть тогда, когда пара кончилась, все высыпали в коридор и прямо у лестницы Мира увидела Артёма. Он стоял переминаясь с ноги на ногу и держал руки за спиной так, как если бы принёс ей что-то. Однокурсницы поспешили по лестнице вниз, а Мира остановилась. Артём молча, не отрываясь, смотрел на неё, а она смотрела на него.

Она этого ждала – и этого же боялась. Всё остальное было уже не важно: её лицо, её способность быть видимой, проявляться в этом мире вернулась, и всё обещало пойти по новому пути. Дверь в прошлое захлопнулась, и у двери этой стоял рыцарь.

Тот самый рыцарь, новогодняя игрушка, которую она хотела купить тогда в магазине.

Артём держал его в руках в тот день, стоя у лестницы, и Мира только и смогла, что обнять его и положить подбородок ему на плечо.

Главное, что они есть, а всё остальное уладится.

Всего за каких-то полтора часа до нового года салаты пропитывались в холодильнике, а мясо запекалось в духовке. Бабушка уже ушла в гости к Кузьминым, а Мира в предвкушении залезла в кресло на веранде, подобрав под себя ноги, устроилась поудобнее и приткнула на колене дневник.

«31 декабря 2013-го, 22:30.

Что я чувствую?

Впервые за несколько лет новогоднее настроение *есть*. Хотя суета никуда не делась и всё вокруг так же утомляет, но... Почему-то просто приятно от того, что цвета игрушек на ёлке гармонируют друг с другом, что мерцают огоньки, что зачёты сданы, что впереди у меня... (зачёркнуто) у нас много, много, много всего. И пусть то, что случилось, окажется самой страшной проблемой, которая между нами встанет».

– Опять ты за свою писанину. – Артём вернулся со двора и остановился в дверях, не снимая куртки и шапки. – На сегодня есть кое-что поинтереснее.

– Ну-у, давай потом?! Там так холодно...

Выражение его лица говорило само за себя: отказы не при-

нимаются.

– Давай без давай, жду, – сказал он и ушёл.

Ты ведь сама творишь свою жизнь, своими руками – голос Миррора звенел в ушах, пока она натягивала свитер и надевала джинсы, заматывалась в шарф и застёгивала дублёнку. Он был прав, и сейчас лучше было вести себя поговорчивее.

– Смотри-и, и как можно не выйти по такой погоде, – протянул Артём, когда она наконец показалась на улице. – Тут уже снег напал. Скажи же, самое то для новогодней ночи. Как на картинке.

– Так ты скажешь мне, куда мы идём? – Мира спрыгнула с крыльца, желая со всем этим скорее покончить и вернуться в свой кокон.

– Ну вот опять ты. Куда-куда, на кудыкину гору, – отрезал Артём.

Пусть это будет недолго, и она ещё допишет кое-что о том... – Мира поёжилась, краем глаза заметив, как сосед с чем-то копается у своей калитки, – о том, чего не хотелось бы повторять.

Артём взял её за руку так, будто она не могла идти без него, и перевёл через дорогу. Дальше свет фонарей остался за спиной, и они ступили на пустырь, занесённый снегом – лишь вдалеке виднелись огоньки чьих-то домов. В ботинки сразу попала горстка снега. Артём достал тёмный платок, видимо, бабушкин, и принялся завязывать Мире глаза.

– А это зачем?

– Снимешь, когда сама всё поймешь.

И ладно. Мира усмехнулась, погружаясь в темноту окончательно.

Дальше она услышала, как Артём проскрипел по снегу чуть дальше от неё, и настала тишина. А затем он вдруг резко побежал обратно – внутри у Мира что-то ухнуло, и она сдернула платок раньше времени. Артём почему-то с улыбкой нёсся навстречу. И что тут надо было понять?

– Ну ты дурёха! – зашёлся Артём каким-то чужим смехом, приобняв Миру.

А там, откуда он прибежал, уже шипел искрами салют. Светло-жёлтые, красные, зеленоватые брызги... Ах вот оно что!

Искры всё сильнее и сильнее слепили Мире глаза, наливались, стремились улететь куда-то высоко – и наконец сразу несколько залпов взмыли в воздух. Блестящие астры разбились там, где им и было положено.

Это было совсем как в детстве. Захотелось кричать «ура» – но не потому, что так принято, а от благодарности за то, что она может видеть, слышать и осязать всё это. От благодарности за эти искры и их терпкий запах, за снежный пух, который снова закружился над пустырём, за румянящий щёки мороз – и за Артёма, с которым всё наконец пойдёт на лад. Мира поняла, какое желание загадает сегодня под бой курантов.

– Ну как тебе?

– Мне хорошо, – пробормотала она. – Давай постоим так. Хотя чуть-чуть.

– Да хватит уже, кончилось всё. Чего тут ловить. – Артём взял её за предплечье и потянул в сторону дома. – Пойдём.

Однажды она обязательно изменится. Перестанет витать в облаках, когда надо собраться, и выходить из себя, когда стоит себя контролировать. Его усилия дадут результат – надежда на это привычно поселилась внутри и не желала покидать свой дом.

– Пойдём, – сказал Артём, успокаивая себя мыслями о том, что сегодня праздник.

Кузьмин, всё ещё стоявший у своего дома, решил пойти обратно и, приостановившись, взглянул на Миру. Судя по всему, бабушка уже рассказала соседям о том, что Мира вернулась, – удержаться от сплетен, сидя в одном доме с Валеёй, она ну никак не могла.

Пролегла неприятная пауза: никто никому так ничего и не сказал. Рука Миры заметно потяжелела, а голову она опустила – хотя, казалось бы, только что восхищалась тому, что Артём для неё приготовил, и настроилась праздновать.

Этот Новый год был интереснее, чем все предыдущие: он впервые решил провести его не с бабушкой, пусть она и была в соседнем доме. Выбирая шампанское и глядя, как Мира нарезает салаты, которые выбрал он сам, Артём мысленно ставил ещё один плюс в списке причин того, почему он теперь взрослый.

И ещё один плюс в списке доказательств того, что жизнь

налаживается. Он не один. Успеваает совмещать учёбу и какую-никакую подработку – а там и по специальности что-нибудь найдёт. У него есть своя... почти семья. Мира поняла, что сделала глупость, и поспешила всё исправить.

Так и почему бы не начать новую жизнь в Новый год? Ведь как Новый год встретишь, так его и проведёшь – любила говорить бабушка.

Сидя на веранде за накрытым столом и глядя на экран телевизора за пять минут до полуночи, он чувствовал себя так, будто президент говорит для них, а что-то даже и для него одного. Как бы угадывает его мечты, ценности и планы – важнее них быть ничего не могло.

И Мира не могла к нему не вернуться. Уж он-то смотрел статистику посещений своей страницы, пока она была у матери, и увидел, что уникальных посетителей совсем мало, а посещений чересчур – именно в те дни. Когда он сказал об этом ей, она выглядела как человек, которого застали врасплох, что и доказывало его успех. Забирая её с пар и глядя на то, как бережно она держит в руках фигурку рыцаря, Артём в своём успехе не сомневался. Ничто не могло нарушить его планов.

И ничто не могло их нарушить в новогоднюю ночь. Он разлил по бокалам шампанское и спросил:

– Ну что, придумала желание?

Мира кивнула, взяла свой бокал в руки и взмахнула ресницами, ещё более пушистыми, чем обычно. Перезвон ку-

рантов вторил надежде, сидевшей внутри, пока не рассыпался торжественным гимном, который звучал теперь совершенно иначе.

Пусть останется в старом году то, что не хочется брать с собой в новый. Недомолвки. Ложь. Безразличие. Скандалы и истерики. Ненужная суета. Пусть дома будет мир.

Артём пил из бокала, а она всё медлила и смотрела мечтательно куда-то вверх.

– Ты почему... – начал спрашивать он.

А она молча поставила на стол бокал, чуть не пролив шампанское и не испортив скатерть, и взялась руками за шею.

– В чём дело?

Грудь её затряслась, а взгляд устремился в никуда, словно она была не здесь и за тем, что она видела своими глазами, было что-то ещё.

Нет, только не истерика. И только не сейчас.

Смотреть, как она размазывает по блестящим от слёз щекам тушь и как липнут к ним чёрные волосы, ничем не помогало. Нужно было войти в новый год по-новому.

Артём взял с холодильника бабушкину телефонную книжку и вытряхнул из неё чистые бумажки. В спешке подцепил с полки у входа ручку и швырнул это всё перед Мирой на стол.

Она привстала и вытаращила глаза, будто впервые видела письменные принадлежности.

– Да что тебе нужно?

– Пиши. – Артём перестал торопиться.

Мира всхлипнула.

– Мы уже много раз говорили, что ты не будешь истерить, и я не верю тебе, – стал разъяснять он. – Ты истерила, когда мы познакомились. Ты разворачивалась и уходила, когда была больше всего мне нужна, и не раз. Не хватало, чтобы это произошло при всех ещё... в таком виде. Пора это прекратить.

Она взглянула на входную дверь, будто бы за ней вот-вот должна была появиться бабушка или ещё кто-нибудь.

– Дай я умоюсь...

– Сядь и пиши, – оборвал её Артём.

Мира села, дрожащей рукой взяла ручку и стала писать под диктовку.

«Я, Осокина Мирослава Геннадьевна, обещаю Нагину Артёму Александровичу:

1) Работать над собой.

2) Забыть о том, что такое хамство.

3) Держать себя в руках.

4) Быть вместе с любимым человеком, поддерживать его и проявлять свою любовь, которая только крепнет.

5) Хранить в отношениях мир и покой.

Я осознаю, что при нарушении любого из пяти пунктов включается счётчик молчания, тариф которого определяет Нагин Артём Александрович в личном порядке.

Минуты молчания он выдаёт в удобное ему время, когда

того требует ситуация.

01.01.2014 г., подпись»

Артём взял промокший от слёз лист бумаги и не смог сдержать улыбки. Конечно, всего этого так просто не случится, зато теперь у него будет чем аргументировать свои требования.

– Смотри не забудь о том, в чём расписалась, – усмехнулся он. – А то не расплатишься.

Мира вырвала из его рук бумагу и истерически расхохоталась. Смех её разбился внутри него холодным стеклом и упал в законную темноту; Артём вспомнил чёрный мешок на голове и *то* молчание, которое, видно, решил теперь продлить и сам.

Её уже не в первый раз быстро развозило с шампанского. В таком состоянии она стала забавной, но совершенно бесполезной и рассказывала нелепые истории до тех пор, пока совсем не расклеилась и не ушла спать в комнату.

Артём же молчал, и с каждым бокалом становилось всё легче и легче. Злобная, чернеющая внутри пустотой воронка бледнела и утихала, замолкали вдаль по улице залпы салютов, примирительно болтали в темноте голоса из блестящего голубого прямоугольника-телевизора. Время ползло к утру. Полураздетый, он устроился в кресле и положил голову на край спинки – так любила делать бабушка, когда дремала.

Вслед за мыслью о ней отворилась калитка, заскрипел под

шагами недочищенный снег – она вернулась от Кузьминых.

– Ну и пожалуйста, ни стыда ни совести, – пробурчала она на входе, глядя на него, и зашелестела чем-то завёрнутым в подарочную бумагу. – Оделся бы.

– Да смысл, – отмахнулся Артём.

– Наша, – кивнула в сторону бабушка, – наша-то спит?

– Спит.

– А ты сидишь надутый, как мышь на крупу. Тебе вот подарок от Кузьминых, а сам-то ничего не придумал?

Раз – и всё вернулось. Черноту внутри кто-то сжал в кулак.

– Если тебе они так нужны, к ним и иди.

– Ты почему грубишь?

– А потому что как Новый год встретишь, так его и проведёшь. И встретим мы его без лишних вопросов.

Поглядев в бабушкины глаза, похожие на овечьи, он понял, за что так злился на неё последние десять лет. Она – и Кузьмины тоже – якобы хорошо знали, как жить, и до сих пор делали вид, что знают, но не они должны были быть здесь тем пустым утром первого января.

Не они. И всё должно было сложиться совсем не так.

Начинался ещё один год без мамы.

Во всём доме настала тишина, и в комнате Артёма было душно. Спать совсем не тянуло. Он вошёл, сразу же взял с полки фотоальбом и сел за письменный стол.

Мама смотрела на него с фотографии, и ей было всё равно

на то, что начался новый год. Её вообще больше ничего не трогало, и Артёму хотелось бы, чтобы в его жизни всё было так же. Чтобы не нужно было больше ничего выяснять, чтобы доверие выросло само по себе. Вот бы случилась магия и эта чёртова расписка подействовала.

А ещё проще было бы, если бы *она* не проснулась.

Если бы она исчезла и его кровать оказалась пуста, как была пуста в прежний Новый год и ещё прошлым летом. Теперь это не могло взять и произойти просто так – только через очередной большой скандал.

Интересно, а что чувствовал его отец, когда понял, что ему не удалась семья? Хотел ли он что-нибудь изменить, и если да, то что он для этого делал?

А что делала мама?

Артём ведь всегда смотрел в своё прошлое, опираясь на то, что именно она осталась рядом с ним и воспитывала его вместе с бабушкой, пока не умерла. Но отец в то же самое время продолжал жить и наверняка о нём думал... и что именно? Что он говорил? И хотела ли, могла ли мама его слышать? От Артёма, как от маленького, это всегда скрывали. Вот он и вырос в того, кто ни разу даже не попытался в этом разобраться.

Артём взглянул на первую страницу альбома ещё раз – взгляд мамы изменился. Она смотрела на него с укором, как смотрела тогда на отца, собирая вещи и смахивая слёзы с ресниц.

Обложка альбома со стуком захлопнулась. Он не желал её видеть.

Натягивая джинсы и свитер, Артём наблюдал за тем, как Мира спит, спрятав руки под подушкой. Как же ему хотелось разбудить её, стащить с кровати и прямо так, в пижаме и босой, выволочь на улицу и оставить в снежной каше, чтобы стояла там. Её он тоже не желал тоже.

И никого больше.

Молча выйдя на веранду и не обращая внимания на бабушку, он обулся и оделся. Роца утром первого января могла понять его лучше всех.

Цифра в календаре стала другой, а между ним и Мирой всё было по-прежнему. Явно изменилось одно: он не хотел больше ради неё стараться и на работу решил не выходить. Лучше было у её матери брать ещё деньги – живут-то они всё равно вместе с его бабушкой, и пора устроить всё справедливо.

Но денег всё-таки поубавилось, а ссоры, наоборот, участились. Тогда он вспомнил про расписку и начал выдавать минуты молчания. Готовясь к сессии, он сидел за компьютером в своей комнате и делал вид, что не обращает внимания, как Мира уходит куда-то, а потом возвращается, как и в *тот* раз, вся испачканная и уставшая, и подолгу стоит под душем – воду тратит.

Возвращаясь в комнату, она захватывала с кухни табурет-

ку и садилась за компьютерный стол с ним рядом – там было свободное место и для неё. Артём косил глазом в сторону, и минуты молчания продолжали течь, складываясь в уже который по счёту час.

К её чести, она умела слышать и молчание. Решая, что ей достаточно, вставала, отодвигала табуретку и шла к ящику, который он ей выделил при переезде. Копалась в своих бумажках, доставала ту самую тёмно-зелёную тетрадь, где всегда строчила что-то по вечерам, садилась на кровать, в угол, и опять начинала строчить.

Выписав всё, что услышала, захлопывала тетрадь и клала её на место. Брала будто бы для порядка один из конспектов, смотрела в него с бессильной скукой на лице и в конце концов возвращала в ящик.

Первый экзамен в эту сессию у неё должен был быть уже одиннадцатого, а она даже не шевелилась в сторону того, чтобы в самом деле учить билеты. Не шевельнулась она ни девятого, ни десятого, а одиннадцатого снова ушла – и вернулась опять испачканная и уставшая. С экзамена ли?

В аккаунтах её посмотреть стало совсем нечего. Диалоги с одноклассниками встречали Артёма пустотой, и он им не верил. Неужели ни с кем не общается? А куда тогда ходит?

Решив выяснить это открыто, он мог получить очередной скандал. Пойдя за ней тайно, на засыпанной снегом Дальней он рисковал оказаться замеченным – и получить ещё одну истерику. Нужно было действовать умнее.

Через Лёху, например, легко было добраться до Белкиной... чтобы и тут ничего не узнать.

«Это мы у тебя спросить хотели, где она вообще есть. Вы всё ещё вместе живёте?»

Живут они, ага, как же.

Сосуществуют в одном доме, а он её не трогает от греха подальше.

Рвения сделать этот дом уютным – прежде всего своим хорошим настроением, – у неё всё меньше и меньше, и непонятно уже, зачем вообще нужны такие отношения.

Он мог бы больше внимания уделять учёбе, а угодил в розовые сопли и ушёл от своей истинной цели – быть лучше и сильнее других. А ведь через полгода закончится второй курс и будет экватор. Что он предъявит факультету и самому себе, в то время как остальные скоро начнут работать по специальности?

Её рыдания и испорченный праздник?

Если он не возьмёт себя в руки, то потеряет свою жизнь.

Она же никогда не изменится. Она так и будет витать в облаках, когда надо собраться, выходить из себя, когда нужно держать себя в руках. Она не изменит своим интересам и привычкам.

Как бы он ни старался.

Январь 2015 года, дневник Мирь

Прошёл год с тех пор, как он ударил меня во второй раз. Потом всё так и посыпалось, и после третьего или пятого раза исчез смысл считать. Теперь я считала только минуты молчания. Пустые, холодные цифры в дневнике – больше не моём. Нашем.

Держу в руках новую тетрадь, такую же, как и та, глажу обложку пальцами и до сих пор не верю. Её больше никто не читает, а я всё так же по привычке её прячу, удаляю диалоги в соцсетях и историю браузера.

Если город для меня живое существо, то Дальняя – отмершая ткань его тела. Я забрала к себе Спарка и больше не была на северо-западе. Открываю карту города, зажмуриваю глаза, чтобы поиграть в свою любимую игру, и сторонюсь тех мест.

С центром проще, но и он заражён этим. До сих пор стыдно возвращаться на гумфак. Даже пройти мимо корпуса, когда бываю рядом, почти невозможно. Вот встретят меня, вспомнят всё это, и... что, если я увижу его? Если увижу его с кем-то?

Спарк слизывает мои слёзы, и внутри всё сжимается. Тебя могло и не быть здесь.

Вот она, любовь, но достойна ли я? Стараюсь быть достой-

ной.

Теперь гумфаковцев, кроме Миры с Ташей, в «Омеге» уже не было: им быстро надоело, тем более что шла сессия. Были какие-то другие, совершенно незнакомые люди, к которым совершенно не хотелось тянуться, потому что и так особенно ничего не хотелось. Вместо Миры волонтерить в приют ходило чье-то чужое тело, и более пустой, чем тогда, его сердцевина быть вряд ли могла.

Спарк, заходя в вольер, предчувствовал скорую разлуку и поскуливал. Мира закрыла вольер снаружи, села на корточки рядом – синяк на бедре сзади отозвался болью – и посмотрела сквозь сетку.

Чувствовать было почти нечем. За новогодним столом она выплакала под душем всё, что могла выплакать, и утихла. Теперь он мог бить её сколько захочет – но он тоже утих и не бил. Зато мог выдавать сколько угодно минут молчания. Ей всё стало нипочём, потому что вряд ли могло быть хуже, а вот лучше – могло.

Таша запустила собаку в соседний вольер и подошла поближе.

– Хорошо, что ты всё-таки вернулась.

– Не могла не вернуться, – эхом отозвалась Мира и кивнула на Спарка.

– Он ждал. И я ждала тебя на консультации, десятого, а ты не пришла. Волочкова про тебя спрашивала. Я подумала,

ты и так всё знаешь...

– Ничего я не знаю.

Спарк ткнулся носом в сетку.

– Что-то случилось? – спросила Таша.

– Что-то. – Мира продолжила смотреть в вольер так, как если бы он был единственным, что существовало на земле, а она сама исчезла.

– Ты попросила у меня все лекции, чтобы потом не прийти на экзамен.

– Просила, чтобы выучить, а потом поняла, что больше не надо.

– Как не надо? Когда мы знакомились на первом курсе, ты говорила, что шла на гумфак с радостью.

В ответ Мире осталось только вздохнуть.

Избежать того, чтобы прийти на гумфак, было нельзя. Хотя бы ради того, чтобы подать заявление на отчисление. Артём, собираясь на экзамен с утра, пожал плечами и сказал: как знаешь, дело твоё – но в его голосе Мире почудилась радостная нотка.

Вот она и решила сделать себе подарок на девятнадцатилетие – избавиться от того, что теперь только тяготило. Город спал полумёртвым январским сном, когда Мира всё-таки удосужилась приехать в центр, а люди ходили по улицам и не видели этого. Не понимали. Их живость казалась чрезмерной. На гумфаке у кого-то кончался очередной экзамен,

и из корпуса то стайками, то поодиночке выходили студенты. Им было чему радоваться, а Мире не было.

Дверь поддалась тяжело, тяжелее, чем всего лишь полгода назад, во вторую сессию; не обратила на Миру внимания вахтёрша на входе; не ей улыбнулся профессор Полев, который тоже шёл с экзамена. Полвека в этих коридорах он улыбался не ей – и глупо было думать, что ей это в самом деле могло быть доступно, что это для неё тоже.

Однокурсницы кружком собрались на третьем этаже, там же расположился и деканат. Таша, стоявшая, как всегда, отдельно от остальных, кивнула Мире и, видимо, решила её не трогать. Это было к лучшему: личные вопросы оказались бы ни к чему.

Дверь в деканат скрипнула, и все, кто был в приёмной, посмотрели на вход. Рядом с секретаршей, отвечавшей за бакалавров, на стуле сидела Волчкова. В её глазах всё так же мелькнуло узнавание.

– Добрый день. – Мира переминалась с ноги на ногу.

– Добрый, – ответили секретарша и Волчкова вместе, и вторая вышла, а первая продолжила: – Я вас слушаю.

Мира замешкалась с ответом, а потом выложила как есть:

– Я не смогу сдать сессию.

– Продлить хотите?

– Всё гораздо хуже. – Оставалось просто сказать. – Я хочу отчислиться.

Секретарша покачала головой.

– Вы приступали к сдаче сессии?

Мира скрестила на груди руки.

– Нет, и не буду.

– Может, лучше академ? По семейным обстоятельствам или по медпоказаниям...

Как жаль, что не было никаких обстоятельств и никакой болезни. Была только она сама и необходимость сбросить хоть какой-то балласт, чтобы почувствовать себя живой и идти дальше.

– Нет, – сказала Мира гораздо короче, чем подумала, и повторила мысль уже чуть увереннее: – Мне просто нужно отчислиться.

Тут же прошелестел бланк заявления.

– Пишите. Потом зайдёте к декану... в ближайшие дни сдадите книги в библиотеку. Подпишете везде обходной в знак того, что ничего не должны, а дальше в канцелярию.

Мира сделала всё как ей сказали, и запомнила порядок действий. Стараясь как можно меньше смять выданные ей бумаги, положила их к себе в сумку и вышла в коридор. Смех однокурсниц звенел этажом ниже, а в коридоре третьего этажа осталась только одна Таша. Мира скользнула по лестнице вниз, оставляя её за спиной, и старалась не думать о том, что они сегодня виделись.

Тяготившие её теперь коридоры гумфака быстро кончились, а за дверью Миру встретил город. Хотя прошло не больше двадцати минут, он посвежел и пусть сонно, но улы-

бался каждому из прохожих, даже ей самой. Такого не было уже давно, и это удивляло.

В телефоне пиликнуло оповещение. Надо было ответить, отключить звук и идти за Артёмом.

За что ты сейчас больше всего держишься? – чернели на экране буквы. Это был не он. Это была Таша.

С чего бы это? И сам вопрос... где-то Мира его уже слышала.

Только ответить честно не хватало духу, и она тоже задала вопрос:

Ты была у Соколовской?

Да

А зачем?

Подходя к главному корпусу, откуда вот-вот должен был выйти Артём, она увидела слова:

Потом расскажу.

Мира очистила весь диалог разом и решила тоже ничего не говорить. Важнее было то, что она сама знала, за что хочет держаться.

Вышел из главного корпуса не Артём, а Лёша. Он был один и посмотрел на Миру, даже не стараясь скрыть скепсис. – Поздно, – усмехнулся он. – Все уже ушли.

А ведь на остановке у главного корпуса никого не было – Артём даже не попытался её подождать. Так, как она однажды решила не ждать его.

Сердце словно опустили в горячую воду, к которой оно ещё должно было суметь привыкнуть. Не оставалось ничего, кроме как сделать вид, что так и было задумано: она идёт в главный по своим делам.

Мира сняла дублёнку, поправила у зеркала волосы и не спеша дошла до столовой. Взяла на поднос только салат и гарнир – мамины деньги уже кончались, а хорошо было бы их сохранить, – выбрала столик у окна. Оттуда открывался интересный вид на внутренний дворик – его Артём показал ей всего лишь полгода назад, в тот день, когда предложил переехать на Дальнюю. Там они стояли, нежась в лучах осеннего солнца, и говорили друг другу то, что раньше боялись сказать. Как же так получилось, что всего за полгода они совсем разучились это делать и что домой ей идти совсем не хочется?

Но теперь настала пора возвращаться. Отсрочила ненадолго неизбежное, и хватит – встала и пошла на остановку. Город гудел на перекрёстке, будто радовался тому, что Мира здесь, а вот дома был тот, кто её уже не особенно ждал. Зачем тогда нужно было её возвращать, непонятно.

Она ведь почти смогла остаться сама с собой и примириться с этим, но он заманил её назад, и дверь к себе захлопнулась, а ключи от неё были выброшены в окно. Вот она так и держится за эти отношения – потому что не знает, как быть без них.

Что есть в её жизни за их пределами?

С гумфаком она вот-вот попрощается. И Юлька, похоже, осталась в прошлом.

Спарк? Наверное, когда-нибудь можно будет взять его к себе, когда она разберётся, как нужно воспитывать собаку.

Миррор, конечно, вряд ли куда-нибудь денется, вот только это по сути она сама.

Мама у неё есть всегда, хоть и не всегда ясно, чем она может помочь, кроме как приютить.

А Таша пока тёмная лошадка.

И никого больше.

На башенных часах у университетского сквера пробило двенадцать. Можно было пройтись ещё немного, протянуть хоть капельку времени, а потом всё-таки возвращаться – собирать и приводить в порядок книги, думать, что делать с конспектами и чем она теперь будет заниматься, чтобы не прослыть бездельницей. Учёба хотя бы временно спасала от этого звания, но теперь прятаться за ней было нельзя.

В ответ на эти мысли город задул под дублёнку неожиданно холодным ветром, напомнил, что на дворе январь и расслабляться не стоит, и бросил откуда-то в лицо снежную крупу. Усмехнулся, как Лёша, ослепил солнцем из-за угла.

Здесь не поздно, никогда не поздно – мелькнуло в голове, и стало ясно, каким словом она ответила бы Таше.

Артём может молчать сколько угодно, если с ней, как и раньше, будет говорить город. Нужно только захотеть к нему вернуться, и она хотела. Ведь с Артёмом он говорить не бу-

дет, и это останется их – Миры с городом – маленькая, но обнадёживающая тайна.

И не обязательно, как раньше, проводить с городом часы напролёт. Достаточно начать с пяти минут. Заметить, как переползает за двенадцать стрелка тех самых часов на башне, оглянуться на них последний раз за день и перескочить через перекрёсток вместе с другими людьми, среди которых, вероятно, есть и тот, кого Мира когда-нибудь могла бы полюбить и, похоже, уже чуть-чуть начинала.

А потом сесть в маршрутку до Дальней, обещая городу завтра вернуться. Увидеть впереди горький, пустой от молчания вечер и безлунную зимнюю ночь.

Первое, что я чувствую, придя в себя, – то, насколько я беспомощна. Снова пустырь на Дальней. Стою в пижаме, по щиколотку увязшая в грязи вперемешку со снегом, смотрю на свои руки и то вижу их, то нет. Конечно же, я опять сплю.

Фонари на противоположной стороне улицы не горят, но вокруг светло – тут и там из ниоткуда вспыхивают бледно-жёлтые искорки. Какие-то из них собираются в стайки и теплятся вместе, а какие-то рассыпаются на десятки более мелких и исчезают в ночи. Когда я за ними наблюдаю, беспомощность понемногу уходит, и светло становится не только глазам.

Время здесь летит ещё быстрее, чем наяву, а я ещё более медленная. Кажется, я успеваю упустить целые недели, за-

глядявшись на какую-нибудь одну из этих искорок. Интересно, что будет, если взять их в руки?

Вон вспыхнула новая. Срываюсь в её сторону, бегу, задыхаясь от усилия, а получается всё равно до обидного по-черепаши. Ну вот, не успела – она сверкнула напоследок и растворилась. Превратилась в пустоту. Ту самую пустоту, которую я чувствую каждый раз, когда...

– А, ты опять здесь? – бросаю я, оглянувшись вполоборота.

– Спрашиваешь! – Тот, у кого есть лицо, тут точно бы ухмыльнулся. – Где ж мне ещё быть, как не с тобой?

– То-то и оно.

Я заговорщически пихаю Миррора в бок локтём, и новая искорка вспыхивает прямо у него под ногами. Он смотрит на неё своей невыразимо пустой физиономией, и уже эта искорка тоже – чему я не удивляюсь – превращается в ничто.

– Не буду мешать, – смущаясь, вздыхает он и накидывает капюшон на голову. Удивительная учтивость с его стороны.

Похоже, с тех пор как я тут очутилась, прошёл уже не один месяц – снег растаял. Я шлепаю по лужам к самой большой стайке искорок и, боясь растревожить, беру их в пригоршни. С трудом удерживаю то, что мне удалось ухватить, поднимаю руки и крепко, хотя они дрожат, прижимаю их к груди.

На пару мгновений становится даже слишком горячо. Потом тепло разливается по всему телу, и я чувствую, как движения начинают даваться легче. Теперь я не та сонная муха,

что раньше, и пустырь не выглядит как то место, откуда хочется побыстрее сбежать в стыде и страхе.

Даже если сейчас во сне что-то случится и из дома, решив достать меня откуда угодно, хоть из-под земли, притащится Артём, – я готова шагнуть в сторону. Повести себя по-другому хотя бы сегодня.

Напитавшись теплом, я оборачиваюсь и медленно подхожу поближе к Миррору. По мере того как я приближаюсь, в отражении мутного, будто бы заболоченного зеркала проступает моё лицо.

И мне почему-то до жути хочется улыбнуться.

Я вся свечусь, а он – моими губами – точно так же расплывается в улыбке и разводит руками.

– Что же теперь остаётся делать...

Не обращая внимания на его оправдания, я кладу руки ему на плечи – от каждого из них поднимаются мелкие облачка пыли, и он тут же исчезает. Что ж, это выбор, достойный его самого и его идентичности, а мне сегодня и одной неплохо. Главное – спокойно и тепло со всеми этими искорками, которые продолжают вспыхивать вокруг. Хорошо остаться здесь и рассматривать их, пока пространство не начинает дрожать и не наступает горькое пасмурное утро.

Из-за того, что случилось вчера, Мира чувствовала себя изменницей, но всё равно с упорством одержимой собиралась навстречу городу. Взяла из кладовки дорожную сумку,

с которой когда-то сюда переезжала, и наткнулась на недоуменный взгляд Артёма.

– Ты серьёзно? – Он развёл руками.

– Я всего лишь в библиотеку, – ответила Мира и стала собирать книги, лежавшие по всей комнате то тут, то там, потому для для них так и не выделили своего места.

– А, бумажки. – Артём махнул рукой и с ухмылкой добавил: – Зато кое у кого скоро появится время на важные дела, да?

Мира без улыбки посмотрела на него и кивнула.

Может, что-то ещё удастся исправить. Может, она поймёт, чем хочет заниматься и какой лучше быть. Где она проявит себя лучше всего. Где обретёт своё место в жизни.

«Будем рады увидеть вас ещё», – сказала библиотекарша, принимая у Миры книги и забирая читательский билет. Лицо у неё было такое, будто она не врала.

«Переезжаете?»

«Скоро восстановитесь?»

«Да какие ваши годы?»

Так говорили люди в кабинетах, где Мира подписывала обходной.

«Никогда не поздно вернуться», – подытожила женщина в канцелярии, забирая у неё зачётку и студенческий билет. Женщина эта ничего не знала о жизни Миры и потому могла как случайно оказаться правой, так и промахнуться.

А Волчкова, которая, как чёрт из табакерки, появилась на

пороге канцелярии, что-то да знала и, видимо, поэтому так и уцепилась.

– Вам вчера подписали заявление на отчисление, – эти слова из её уст звучали то ли вопросительно, то ли утвердительно.

– Да, и я уже отчислилась, – хихикнула Мира. – Курсовой не будет.

– А я ждала вас на экзамене, как и весь второй курс, чтобы услышать ваш ответ.

Обе они полуприсели на подоконник, и Волчкова посмотрела на неё из-под очков с заострёнными углами.

– Чтобы потом оставить свой след в ваших зачётках и на следующий год встретить других, таких же, как и вы, и слушать их.

Мира не понимала, зачем она говорит ей это и почему именно сейчас, а Волчкова не останавливалась:

– А потом дождаться того, когда увижу вас на защите и пойму, что вы совсем уже взрослые и готовы... Что мы берегли вас до момента, пока вы такими не станете.

Лицо её приняло выражение, какое бывало лет пятнадцать назад у мамы, когда Мира больно падала во дворе и прибежала к ней жаловаться; а в глаза бросилась её седина.

– Скажи мне, – Волчкова зачем-то перешла на ты, – тебе сейчас не нужна помощь?

Мира пожала плечами, вспомнив, как говорила о переходе на ты, ведя сеанс, Соколовская.

– Не знаю, а почему вы так думаете?

– Я видела вас тогда, после спектакля в поддержку «Омеги», в кофейне. И потом, уже в ноябре после консультации, вышла с кафедры, а впереди были вы – вы с парнем, – и я поняла.

Мира молчала.

– С этим не шутят. Впереди у тебя большая, большая жизнь, и незачем портить её каким-то...

– Пока моя жизнь может быть только такой, – сказала Мира, застёгивая наконец рюкзак.

– Как знаешь. В случае чего ты в курсе, где меня искать.

2015-й

Я была совсем, совсем уже не та, но очень старалась вернуться.

Спарк всё чувствовал и лизал мне руки, когда я выводила его на прогулку. Таша тоже обо всём узнала. Для Волчковой это было бы слишком, а Таша... она могла.

Однажды она пригласила меня к себе ненадолго. Артём так удачно ушёл на очередной экзамен, и я сказала бабушке, что иду узнавать про будущую работу. А сама поехала в сторону Соринова и, не доезжая до него, вышла на одной из остановок – дальше к тому жилому массиву автобусы не шли, – и долго добиралась пешком до тех похожих на детский конструктор безвкусных оранжевых домов.

Таша жила на тринадцатом этаже. Я давно уже не видела

город с такой высоты и, выглянув в окно, сначала даже испугалась.

«Ты одна живёшь?» – спросила я, кажется, для порядка, хотя уже знала ответ. Ведь с порога различила, что квартира такая же тихая, какой мне казалась её хозяйка, когда мы виделись в универе с самого начала.

У неё вообще никого не было.

Оказалось, что она старше нас, и лет ей уже больше двадцати – а я никогда бы не подумала, – и эту квартиру она получила после того, как вышла из детдома.

Мне было стыдно рассказывать ей свою историю, но я очень старалась вернуться. И позвонила ей, когда время настало.

Ей было и так нормально. Ей было вообще всё равно, молчит он или нет, – она просто уходила куда-то шляться, если он был недоступен, и никакой пользы семье при этом не приносила. Что уж сказать – хорошо устроилась.

Так что счётчик оказался бессмысленным. Теперь он крутился вхолостую, и минуты молчания выдавались через раз, а порой и не выдавались вовсе. Артём решил делать всё так, как удобно ему: давно пора было взять это за правило.

Появились и другие способы держать её в узде – и даже бить было надо не всегда. Достаточно было лишь того, чтобы она помнила: он это может. И сделает, если она ещё раз – ещё раз! – перейдёт за черту, переходить за которую не стоило.

Достаточно было, чтобы она понимала: она теперь в его власти. И чтобы другие видели, что это правда. Другие в университете, где она больше не училась и куда приходила только ради него самого, видели, как он целует её, как лежит его рука на её заднице. Знали – и считали их красивой парой.

Эта пара была бы красивее, если бы у неё не было синяков под глазами. Если бы она не ходила, вся скривившись, и если бы вспомнила про свои платья, брошенные комком в дальний угол шкафа ещё поздней осенью.

Но, может, тем было и лучше: никто на неё такую не посмотрит, и это лишь укрепляет его власть. И даже если ино-

гда он позволяет ей улизнуть, с поводка она не срывается и живо приходит обратно. А если будет дурить, то долго это всё не продлится – пусть валит к своей матери и сидит у неё на шее. Пусть там сами разбираются, а он не будет больше страдать этим бредом, который так глупо называется «отношения».

Он начисто вышвырнет весь оставшийся её хлам из своей комнаты, починит калитку, которую она вечно ломает, и вернётся к языку Си.

Хотя, к её чести, хлама становилось всё меньше и меньше – она отвозила его к матери. Но только в этом и был толк: холодильник всё чаще и чаще оставался чуть ли не пустым. С тех пор как Артём ушёл с работы, они договорились, что её мать будет давать больше денег, но денег не прибавилось. Даже наоборот – экономить приходилось всё сильнее и сильнее. Он брал с полки магазина дешёвые товары в аляпистых упаковках, давился печеньем со вкусом пальмового масла и думал о том, что перестать покупать всякую дрянь стоило ещё в Новый год. Но он не мог.

– Тебе что-то не нравится? – спросила она однажды, глядя на то, как он выполаскивает рот после чаепития.

– Да мне вообще всё нравится, – ответил Артём, закончив. Они с бабушкой никогда не жили так плохо.

– Мне нужны две тысячи, которые у тебя на карте, – продолжил он, выйдя из ванной и отправившись в комнату, что-

бы одеться. – Я в магазин хотел сходить.

На следующий день ей исполнялось девятнадцать.

В ответ последовало молчание. Судя по звуку её шагов, она зашла в ванную, а потом притихла, похоже, разглядывая свои прыщи в зеркале. Мерзко было заставить её за этим занятием, и теперь подходить к ней не стоило.

Так что Артём, надев джинсы и свитер, присел в кресло и стал ждать, пока она выйдет и даст ему карту. В кармашке её рюкзака, где эта карта обычно лежала, он нашёл только потрёпанные сто рублей. Опять куда-то переложила – сама потом будет искать и нить.

Она всё не выходила и не выходила и, судя по тишине, наступившей в ванной, вообще не двигалась. Такое с ней тоже бывало – она могла стоять у зеркала и тупо глядеть на своё отражение, как будто не понимая, кто она такая и зачем живёт. Эта привычка тоже вызвала отвращение – тем более теперь, когда он снова ждал её, а она молчала и задерживала дело. Скоро у офисного планктона кончится рабочий день, и на кассах соберутся очереди – а она сама же спросит потом, почему он так долго пробыл в магазине.

Могла бы и поблагодарить, в конце концов, за то, что он вызвался сам сходить за продуктами. Но она никогда не ценила его шагов навстречу, потому что жила в каком-то своём, только ей ведомом мире, куда, похоже, переместилась и сейчас. В ванной всё так же не раздавалось ни звука.

– Ты там уснула?

Тишина.

Артём встал, прошёл через веранду и распахнул приоткрытую дверь ванной. Она сидела на бортике и плакала, только теперь уже не беззвучно. Всклипы сотрясали её тело и делали её ещё более нелепой, чем обычно. Она размазывала слёзы по щекам, потом той же рукой бралась за бортик ванны, и рука с мерзким скрипом соскальзывала.

– В чём дело? – смягчился Артём. – Достань мне карту, и я пойду. Потом поговорим.

Она продолжала плакать, глотая немалую часть слёз – у неё после этого всегда воняло изо рта, – и ничего не отвечала.

– Мир. – Нужно было попытаться привести её в чувство. – Мне это надоело. Время идёт. Давай карту.

Она встала с бортика, в последний раз всхлипнула и еле-еле нашла на веранде свой рюкзак. Достала карту теперь уже из внутреннего кармана и молча её вручила. Можно было идти в магазин.

В очередь он в тот день всё-таки встрял. Стоял рядом с полной корзиной и то и дело толкал её ногой по полу, когда кассирша заканчивала обслуживать очередного покупателя и нужно было продвигаться вслед за остальными. Казалось, он вот-вот умрёт от пикания на кассе, от тяжести пуховика и от жары, когда наконец приложил карту к терминалу и увидел... отказ.

Артём попробовал ещё раз, и ничего не менялось. Кассирша попросила его отойти в сторону и не задерживать других людей, а у него по спине всё сильнее и сильнее тёк пот.

Возьми трубку, возьми же трубку.

Она ведь говорила, что там есть две тысячи, и он всё подсчитал, чтобы уложиться. Уж у кого-кого, а у него с математикой проблем не было – в отличие от некоторых.

А что, если она потратила их – и забыла?

Или вообще врёт?

Возьми трубку, возьми трубку и не дури.

Но в трубке звучали только гудки. Проходящие мимо люди задевали его своими пакетами и толкали. Какой-то ребёнок увёл из его корзины конфеты, которые предназначались ей, а мать даже не сделала ему замечание, словно так и было надо.

Простояв у окна с шуршащими жалюзи минут пятнадцать, он не выдержал и вышел из магазина. Неподалёку было отделение банка – вот он и посмотрит, сколько на карте денег и не перепутала ли она чего. А если с картой какая-то проблема – то пусть сходит и разберётся.

К банкомату протянулась такая же очередь. По мере того, как за Дальней начали возводить новостройки, удовольствия от жизни в этом районе становилось всё меньше и меньше. Всё больше было машин там, где в детстве Артём спокойно ездил на велосипеде, не внушая бабушке страха, всё больше маргиналов становилось на улицах. Возможно, скоро могли

вырубить и рошу, которая для него была местом чуть ли не священным.

То, что происходило в мире и вовне, и в его личном пространстве, ему не нравилось. Не такой он представлял себе взрослую жизнь в детстве. Не тех людей хотел бы видеть вокруг себя. Уж точно не этого вот мужика, который стоял перед ним и вонял перегаром, – когда он отошёл, Артёма перестало подташнивать. Он наконец шагнул к банкомату и вставил в него карту.

«Баланс: 37,52 Р» – появились на экране чёрные буквы.

Что? В смысле?

Артём снова отошёл в сторону и взялся рукой за шуршащие жалюзи, которые были и здесь. Опять открыл недавние звонки и нажал на кнопку вызова – поплыли выедающие мозг гудки. Ещё пятнадцать минут, и ещё десятки вызовов – безрезультатных.

Артём снова оказался на улице, в холодной темноте, и рванул домой. Она никогда себе такого не позволяла. Могла говорить с ним без желания, могла не ответить пару, тройку раз, но несколько десятков – и в самый нужный момент? Нужный, между прочим, ей самой – её же день рождения, не его.

Корзину, которую Артём с такой любовью и фантазией собирал, теперь наверняка растащили, а он сам мчался заснеженными переулками, поскальзываясь и чуть не вылетая под колёса машин.

Если бы она не дурила – он не подверг бы себя опасности прямо сейчас. Всего этого вообще бы не было. Он просто оплатил бы покупку и вернулся бы домой, они вместе приготовили бы блюда к её дню рождения, и пусть скромно, но отметили бы праздник – а она и из этого решила сделать какую-то чушь. Почему нельзя было сказать, что деньги не там?

Дома на веранде сидела и хлопала своими овечьими глазами бабушка, а в комнате, куда Артём ввалился прямо в ботинках, не обратив внимания на её возглас, не было никого. Только штора развевалась от ветра, гулявшего из распахнутого окна.

– Где она? – вернувшись, спросил Артём бабушку, которую его интонация встревожила.

– Так где же... – замешкалась она. – В комнате сидела ведь. Неужели я не заметила, как...

Бабушка встала и заглянула в ванную – там тоже никого не было.

Дичь какая-то.

Хорошо, что не разулся, – легче было в ту же секунду выйти и обогнуть дом, потому что куда ещё она могла деться... Хотя это всё было странно даже для неё.

Под ботинками скрипел снег, и это мешало прислушиваться, чтобы хоть что-то понять. Где-то на задах залаяли собаки, а потом что-то упало в сарае с инструментами, и слышалось тихое ай.

Она была там.

Артём распахнул дверь и не встретил сопротивления, в сарай проник приглушенный свет со двора. Она резко вдохнула воздух и снова обо что-то споткнулась. Всё загремело и посыпалось, и она тоже чуть ли не упала. Как бы прося о чём-то, подала ему руку, а он взял её – и рванул.

Она полетела совсем в другую сторону и опять обо что-то ударилась. Прямо в домашней одежде упала на грязный, с лужицами воды, которая недавно была снегом, пол. Получила по голове – и снова резко вдохнула с каким-то мерзким звуком.

– Ты какого не отвечаешь, сука?

Ей и теперь нечего было ответить, она только и закрыла голову руками и подставила бок. Он пнул её, вышибив из её туши ещё один мерзкий звук. Навис над ней – и треснул по плечу, а потом ещё, ещё и ещё, до тех пор, пока она ещё могла что-то издавать.

Это было вместо его молчания – и за её молчание в самый нужный момент. Он мог бы зайти в цветочный на рынке, потому что с двух тысяч должно было кое-что остаться, и купить ей розу на день рождения, а теперь у неё не было даже такого подарка.

И ничего у них не было – никакой семьи.

Артём включил свет в сарае, сел на старую табуретку, совсем рядом с ножкой которой лежала её грязная рука, и заплакал.

Она полежала ещё немного. Смогла встать, пусть и шипя от боли, и вышла из сарая, захлопнув покосившуюся дверь.

Артём остался один и смотрел, сидя на табуретке, на разбросанные инструменты. Переводил взгляд на маленькое прямоугольное окошко, откуда видно было на вечернем небе колкие, похожие на ледяные пылинки звёзды. Думал о том, когда уместно будет вернуться к ней в дом и, наверное, что-нибудь сказать. В третий раз пообещать, что этого больше не повторится и он сделает этот раз последним.

Он достал телефон из кармана и следил за тем, как медленно на экранных часах сменяют друг друга минуты. Ещё пять минут. Или ещё десять. Тогда можно будет идти. А потом ещё неделя. Или ещё месяц. Тогда она снова ему поверит и снова окажется в его власти, которой он... попытается распорядиться.

От Кузьмина донеслись какие-то звуки. Артём встал, отметив про себя, как болит в плече правая рука, расставил всё, что упало и разлетелось, по нужным местам, выключил свет и вышел из сарая. Проскрипел по снегу до самой входной двери, отсчитывая каждый шаг, и заглянул на веранду. Бабушка посмотрела на него из-под очков:

– Ну что там? Нашлась?

Дверной косяк хрустнул под ударом кулака.

Артём метался с улицы в дом и из дома на улицу третий час, а её нигде не было.

И вот куда она, дура? Куда? К матери? К Белкиной своей? Уже давно были поодиночке... Надо будет спросить у Лёхи. И съездить в Сориново.

Бабушка таскалась за ним по пятам. Легла бы наконец спать и избавила от своего присутствия – так нет, под ногами путаться надо. Хорошо хоть, понимала, что лезть с глупыми вопросами сейчас не следует – рывкнут. Артём еле сдерживался, чтобы не сделать этого, и бегал то в одну комнату, то в другую, но всё никак не мог найти себе места. Или хотя бы чего-то, что натолкнёт его на мысль о том, как её вернуть. Он скакал взглядом с вещи на вещь и вдруг увидел стоящую на полке фигурку рыцаря. Новогоднюю ёлку они уже разобрали, но его решили оставить.

В горле всё сжалось, и фигурку захотелось расколотить. Чтобы не видеть. Не вспоминать. Не чувствовать.

Снова удар. Ну и вали к своей матери. Артём в секунду выскочил наружу, оставив за дверью бабушкино ох. Вот бы на пороге стояла Мира. Решили бы всё прямо сейчас – раз и навсегда. Но её не было.

Совсем темно, а свет на улице так и не включили, гады. Ещё и Кузьмин со своим фонарём на пороге ошивался, выискивал что-то. Артём выбрел со двора будто бы просто так, приблизился к калитке Кузьминых и шатнул рукой хлипкий заборчик.

– Мою не видели? – Он чуть смягчил голос.

Кузьмин спустился с крыльца и приостановился напро-

тив.

– Дык вроде ж дома уже. А тебе чего?

Нечего было ответить. Сосед подошёл к своему гаражу – тот показался Артёму необычно пустым – и со скрежетом прикрыл двери. А потом обернулся и стрельнул неприветливым взглядом, давая понять, что разговор закончен.

Ну и чёрт с ним, с этим Кузьминым. Но Валя-то его где шляется? В этом году перестала брать ночные смены, и вот сегодня – ага, сегодня – взяла и решила куда-то смотаться.

И опять руки привычным движением достали из кармана пуховика телефон. Везде, где можно, Артём уже был в чёрном списке. А при попытке позвонить тётка по ту сторону в который раз прописклявила:

«Абонент временно недоступен. Перезвоните позже. The subscriber is not available now. Please call back later», – но потом вроде как на всякий случай предложила оставить сообщение на автоответчик.

Хорошо, давай попробуем то, что ты мне там предлагаешь. Нельзя просто так взять и разрешить себе остаться ни с чем.

Бабушка, как это и бывало ещё при жизни мамы, сделала вид, что ничего не случилось, и стала готовить напоказ. Как будто едой можно было что-то исправить. Заткнуть ей эту чёрную дыру внутри, которая требовала далеко не физической пищи. Она требовала человека.

Человека, который оставался бы с ним, что бы ни произошло и как бы он ни ошибся. С которым можно было бы всё друг другу простить и продолжать учиться жить без боли.

Запах котлет вызывал только тошноту, и даже хорошо, что в его комнате было распахнуто окно и гулял ветер. Артём разделся, вернулся в свою комнату, взял с полки розовый фотоальбом с глупыми блестящими сердечками и присел с ним на кровать. Из-под обложки смотрела на него мама с ним самим, годовалым, на руках. В его глазах ничего не выдавало того, что составляло его жизнь теперь, а вот в маминном взгляде чувствовалась горечь. Такая же, с какой на неё сейчас смотрел и он сам – с гораздо более сильной, чем ещё чуть меньше года назад.

«Прости меня. Прости. Если сможешь», – зашептал Артём.

Она уже не могла и потому ничего не ответила.

2015-й, дневник Миры

Я не знала, что так по-настоящему бывает и это может произойти со мной. И тем более что это произойдёт именно тогда, накануне моего девятнадцатилетия.

А ведь мы готовились. Я понемногу перевозила вещи к Таше – у неё для них было много места, и, казалось, она даже повеселела и прекратила говорить о том, чтобы подселить к себе соседку. Последним я перевезла к ней прежний дневник, который теперь так рада была бы держать в руках, да не могу.

Те две тысячи с карты я тоже перевела ей в тот день, ведь Артём и не говорил ничего о том, что хочет отпраздновать мой день рождения.

Кажется, нельзя так говорить, но... мне даже повезло, что это произошло именно тогда и именно так.

И повезло, что я не выронила телефон.

Сколько лет подряд нужно выдыхать, чтобы выдохнуть всё это?

Мира сама не помнила того, как снова оказалась на улице. Ноги в тапках сразу же промокли. Совсем стемнело, но фонари почему-то пока не включились. Да и к чертям, – пронеслось в голове, пока она набирала скорость.

– Эй! – у своей калитки, светя вокруг фонарём-прожектором, приткнулся вечно лохматый сосед с рукавом, заправленным в карман. – Э-эй!

Этот ещё будет задерживать. Только и делал, что взглядом косился, когда её... её...

– Да стой ты, господи прости. Куда несёшься-то, голая и босая-то по снегу?

Домашняя кофта чуть не треснула у плеча – как будто зацепилась чем-то. Оглянувшись, Мира увидела, что фонарь стоит уже на заборе, и это сосед дёрнул её, чтобы остановить, но чуть сам не потерял равновесие.

– Куда-куда?! Отсюда!

Он вздохнул, и в его глазах мелькнуло то, что Мира долго потом не могла описать.

– Артём? Ах, да ты вся краснищая и в грязи...

Внутри что-то треснуло. От слёз последние блики света размазались, и всё слилось в густую тёмно-бордовую кашу.

– Так, а ну пойдём. Меня дядь Серёжа зовут. – Он, судя по всему, завёл Миру к себе во двор и прикрыл калитку. – Да пойдём ты, сядешь, успокоишься, обмозгуешь. Боты тебе найдём и накинуть что-нить.

Мира чуть было подалась к дому, но первого несмелого порыва не хватило. А вдруг?.. Щекам стало ещё мокрее и горячее.

– Шустрей соображай, пока этот не вышел по твою душу. Стоишь как столб. Давай-давай, у Валентины сегодня плов.

– Ну, цуцик, ты есть-то будешь сегодня?

Мира сидела за столом в чистой и тёплой, пусть и чужой одежде, и всё никак не могла до конца отдышаться. Ей казалось, что он уже вышел на улицу и ищет её, что его дыхание уже совсем рядом, что он вот-вот войдёт в дом. Она вглядывалась в темноту за окном.

– Да закрыл я всё, – нетерпеливо проворчал дядя Серёжа. – И фонарь выключил. Нет никого на дворе, и баста.

Мира судорожно втянула воздух. Нет, этого просто не могло быть.

Дядя Серёжа, бурча что-то себе под нос, пошёл в коридор и взял что-то тяжёлое в кладовке, а затем нагнулся и гулко поставил у двери. Это был топор.

– И хоть общись.

Горло тут же наполнилось слезами. Мира взяла вилку и для порядка ковырнула плов. Ароматный. Как быстро она попала из места, где была уже никем, туда, где ей доступны такие простые вещи.

– Артём твой...

– Не мой, – отрезала Мира.

– ...совсем испортился. Я знать не знаю, что у вас там, но... – Дядя Серёжа провёл ребром ладони по горлу.

Валентина закивала.

– Мы Артёмку с самого детства знаем. Мать его лет десять назад умерла, а он на Ольге остался, на бабушке-то. На на-

ших глазах рос, мальчишка заводной. Позже – то мне сумки носил, то Сергею, бывало, помогал. А как вырос – так от рук отбился.

– Ольга его уж и побаиваться начала, – добавил дядя Серёжа.

– А уж я-то как боюсь каждый раз, когда ты с ним говорить идёшь, горе ж ты моё.

– Эх, Валя, Валя.

– Ну а как у меня за тебя сердце болит!?

– Да будет тебе. Потом, потом. – Он замахал единственной целой рукой.

Оба осеклись, наткнувшись на пристальный взгляд Миры. Казалось, они впервые за долгое время ужинают не наедине.

– Ты ешь-ешь. – Валентина легонько потрепала Миру по плечу, и та снова взялась за вилку. – Подумаем пока, что делать-то с тобой. У тебя учёба уже началась? Завтра куда-нибудь надо?

Мира угукнула с набитым ртом – решила соврать. Дядя Серёжа попытался поймать её взгляд:

– Ты смотри мне, чтоб обратно не вздумала.

Слёзы снова хлынули в горло и смешались с едой. Неужели они правда всё понимают?

– А родители где твои, Мирочка? – спросила Валентина. – Тут, у нас?

Мира мотнула головой, давая понять, что об этом говорить не хочет, и сквозь всхлип сказала:

– Я сначала к подружке, на Слободскую. А там посмотрим.

– Кабы он туда-то первым делом и не подался. – Дядя Серёжа призадумался.

– Он не знает.

После еды Мира привалилась к спинке кресла и уткнулась в телефон. Надо было написать Таше о том, что она готова выезжать прямо сейчас, – как и договорились. Много черновиков, ненужных книг, одежды и кое-какие деньги, а главное, дневник были уже там. А все остальные вещи, как она теперь представляла, будто бы окончательно, не как в тот раз, сгорели в пожаре.

Жаль, что мамино кольцо с аметистом тоже осталось там.

Была в сети 14 минут назад.

И вот что, если сейчас окажется, что никакого уговора будто бы не было? Если Таша спит? Что, если она просто не ответит? Просто возьмёт и ничего не ответит... Уже полдесятого, в конце концов. Время не детское.

Валентина, поймав взгляд Миры, успокоила её:

– Отдыхай пока. У меня всё равно машина в гараже. А потом быстренько выйдём вместе с Сергеем, и...

Таша ответила. Она следовала своему обещанию и была готова.

– Сейчас минут за сорок и домчим, – заверила Валентина, вставляя ключ в замок зажигания старенькой «Оки».

Дядя Серёжа стоял в свете фонаря у порога, еле заметно

улыбался и молча махал рукой. Мира который раз за вечер вспомнила, что он оставил ей свой номер. Теперь в её жизни появился ещё один человек, которому можно позвонить в случае чего.

И вот он остался стоять на пороге, а «Ока» тронулась через ухабистый проулок по направлению к главной улице. Мира закачалась на сидении то туда, то сюда, и Валентина успокоила её:

– Сейчас-сейчас, две минутки.

Ещё немного, и ямы кончились. Машина, сделав последнее усилие и на секунду замерев, вылезла на асфальт и начала набирать скорость. Мира с Валентиной почти разом выдохнули. За окнами замелькали фонари, и по салону машины забегали полосы света и тени.

«Неужели это всё?» – подумала Мира. Всё вокруг казалось ей удивительно не своим – и лежащий на коленях рюкзак, и обтянутые рукавами чужого свитера руки, и домики частного сектора, которые она видела далеко не десятый, не двадцатый и не пятидесятый раз. Всё, что произошло за последний год, почудилось таким далёким. Была ли в её жизни та мерзость, которую она пыталась смыть с себя в ванной? Был ли салют? И был ли счётчик? Или это всё случилось в жизни какой-то другой девушки, которая просто похожа на неё?

Мира вздохнула и закрыла лицо руками. Как ни странно, это всё было, было – и теперь нельзя об этом забывать.

Она уже возвращалась – и получила в ответ то, что получила. Жаль, но это не мираж и не сон.

– Устала? – Валентина выдернула Миру из размышлений.

– Да уж, – ответила Мира, имея в виду не только сегодняшней вечер. – Вы простите меня, пожалуйста, что я вас от дел...

– Главное, чтоб ты не из огня да в полымя. А пара часов – пустяки.

– Спасибо вам. – Мире всё ещё было неудобно.

– И как ей, Ольге-то, нормально было, что её внук... – не удержалась Валентина.

– Думаю, это не её вина. Скорее её беда.

Щёлкнул поворотник. Валентина пожалала плечами.

– Вот и вырастила на свою голову.

– Что ж, с днём рождения, – сказала Таша, увидев на часах четыре нуля.

– Спасибо тебе... – Мира выговорила только это, через боль повернулась на другой бок и забылась.

Наутро её разбудила звонком мама – и услышала, что всё в порядке. Так было надо. Мира добавила, что наведается к ней скоро, как только придёт время, а ещё предупредила, что с Артёмом разговаривать больше не стоит и в случае чего лучше сразу звонить в полицию, а сама она никуда не пойдёт. И пообещала, что скоро всё изменится. Когда они прощались, чудилась в мамином голосе хитрая нотка.

Выйти за дверь Ташиной квартиры Мира решила только через неделю, когда получилось нормально замазать синяк на лице. Стыдно было отягощать её – но показываться на люди казалось более стыдным. Ещё хуже было думать о том, что она выбралась целой и почти невредимой.

Спустившись на улицу, Мира остановилась: под ногами был хоть и мокрый, но голый асфальт без снега и льда. Так приятно было ступить на него после нескольких месяцев ходьбы по слякоти и снежной каше – но всё-таки они за это время стали привычными, и их не хватало. Приятно было проснуться и не почувствовать на своём лице недовольный взгляд – и всё-таки без него тоже было пусто.

За прошедший год Мира привыкла к пустоте и поняла, что она не так уж и плоха и не так страшна, а наоборот, даже помогает заметить себя.

Понять, чем *ты* хочешь наполнить свою жизнь.

И пора было съездить в Сориново и маме обо всём этом рассказать. О том, что она будет жить с соседкой и скоро пойдёт на работу – уж на какую-нибудь. Чтобы самой обеспечить пса, которого она возьмёт себе из приюта. Про остальное лучше было не говорить, как и про кольцо с аметистом. Когда-нибудь это станет известно, но не сейчас... не сейчас.

– А я хотела тебя на море свозить, как тогда. Соседка твоя с нами не захочет? – спросила мама радостно, наливая чай.

Об ноги тёрся тёплым боком Пират.

– Так холодно же, – удивилась Мира.

– А какая разница, если это всё равно море?

Теперь никакой разницы не было, и Таша захотела, даже несмотря на учёбу. Пока она и мама старались подгадать свои отпуска и пристраивали Пирата, Мира подыскивала себе работу на будущее, разбиралась с билетами на поезд и жильём, где их могли бы принять со Спарком и Несси – Таша тоже не удержалась и забрала свою подопечную из приюта насовсем.

И вот они сидели на набережной. Собаки играли друг с другом неудержимо, даже с каким-то остервенением. Спарк гонялся за Несси, она гонялась за ним, и оба визжали и лаяли. Мама ушла в салон красоты, а Таша разложила этюдник на набережной и начала работать.

Мира сидела на парапете, спустив ноги на гальку, и то и дело оглядывалась – за спиной у неё по длинной, уходящей за горизонт улице шли люди. Так было каждый день, и каждый вечер, и каждую ночь, пока не настала пора возвращаться домой. К концу недели окончательно потеплело, и людей стало совсем много.

Но даже в бурном людском потоке она чувствовала себя чуточку пусто, ведь когда-то думала, что они поедут сюда с Артёмом. А Артёма не было, и теперь так же, как и на практике в Страхове, Мира смотрела вокруг и невольно думала о том, что сказал бы обо всём этом он.

Что сказал бы он о её шляпе. Что он захотел бы купить на рынке. Как он вёл бы себя, забираясь на каменистый холм

у пляжа.

А когда солнце, гревшее большой южный город весь день, устало и решило оставить людей без себя, заметил бы он нежные облака, которые будто ложкой разложил по темнеющему небу кто-то неведомый и большой?

Она не знала и решила не узнавать это больше никогда, впервые себе пообещав.

Эпилог

Я прихожу в себя всё в той же комнате с тканевыми стенами, куда меня однажды похитил Миррор. Не знаю, вижу ли этот сон в первый раз, во второй или в десятый – но кажется, что времени почти не прошло и одновременно прошло невероятно много. Я живу и живу один-единственный страшный день, и как бы я ни пыталась проснуться, он всегда одинаков, и он длится и длится. Длится бесконечно.

Он пропитан багровыми отблесками вселенского пожара, который разгорается прямо за стеной. Окон в комнате всё так же нет – я просто это чувствую. Не могу не чувствовать после всего того, что со мной стало, хотя не уверена в том, что это было со мной.

Ведь для того, чтобы в этом убедиться, нужно понимать, где здесь я. Этот бесконечный день с его бесконечным огнём давно уже сожрал то, что когда-то могло быть мной, и утверждать можно только одно: я тоже всего лишь часть вселенского пожара.

А Миррор – лишь часть меня.

Вспоминая о нём, я чувствую его у себя за спиной и оборачиваюсь. Весь бесконечный страшный день неожиданно сходится в одну точку, и становится понятно: осталась минута. Только одна.

И хорошо, что сегодня Миррор ко мне ещё более друже-

любен: его лицо-зеркало оказывается не таким мутным, как всегда, и я подхожу, чтобы в него посмотреться.

Но сколько ни пытаюсь увидеть там себя, не могу.

Минута.

Наверное, эта минута дана мне, чтобы понять: я не смогу никогда.

Но пока она не истекла, я всё равно пытаюсь. И прежде чем успеваю поверить, что ничего не получится, из глубины лица-зеркала бьёт тонкий лучик света.